

ГОРБАЧЕВ-ФОНД

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

**СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ПУТИНА**

**ПЕРЕСТРОЙКА 20 ЛЕТ СПУСТЯ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

МОСКВА 2004

Горбачевские чтения: Становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина: Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. — М.: Горбачев-Фонд, 2004. — С. 170.

**Под редакцией *О.М. Здравомысловой*
Компьютерный набор *И.Г. Вагина***

ISBN 5-86493-130-6

© Горбачев-Фонд, 2004.

© Оформление. Эслан, 2004.

Сдано в набор 23.09.2004. Подписано к печати 10.11.2004.
Формат 60х90/16. Объем 10,75 п.л. Тираж 700 экз.
Международный фонд социально-экономических и политических
исследований (Горбачев-Фонд)
Отпечатано в ООО «Связь-Принт»

Проект «Горбачевские Чтения»

Во втором выпуске «Горбачевских Чтений» опубликованы доклады и выступления участников дискуссий, состоявшихся в 16 декабря 2003 г. и 30 июня 2004 г. в Горбачев Фонде.

Дискуссия **«Становление демократии в России: от Горбачева до Путина»** была организована совместно с Фондом Фридриха Науманна. Она проходила непосредственно после выборов в Государственную Думу (7 декабря 2003 г.) и в преддверии выборов Президента России (14 марта 2004 г.). Этот общественно — политический контекст определил содержание российско-немецкого диалога и обсуждения главных тем: современная Россия в Европе и в мире; русская история и демократия в России; перспективы для демократии в новой политической ситуации.

В круглом столе **«Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей»**, организованном совместно с Российским Государственным Гуманитарным университетом, об эпохе Горбачева размышляли представители поколения, родившегося в последней трети XX века.

Что значит опыт перестройки в биографии этого поколения? В чем они – молодые граждане России, профессиональные исследователи ее истории и современности — видят главный смысл перестройки? Этой дискуссией Фонд начал цикл мероприятий, посвященных 20-летию перестройки, которое будет отмечаться в 2005 году.

Содержание

Становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина	6
Вступительное слово	
<i>М.С.Горбачев</i> , Президент Горбачев - Фонда	6
<i>Фальк Боммсдорф</i> , Постоянный представитель Фонда Фридриха Науманна в России и странах СНГ	8
<i>В.П. Лукин</i> , Уполномоченный по правам человека в РФ ...	9
Доклады	10
Россия и Европа, Россия и мир.	
<i>Отто Граф Ламбсдорфф</i> , Председатель Фонда Фридриха Науманна	12
Становление демократии в современной России: взгляд историка.	
<i>Ю.С. Пивоваров</i> , д. и. н., профессор, член-корреспондент РАН	20
Стабильность без демократии	
<i>Ханс-Хеннинг Шрёдер</i> , профессор, Университет Бремена (Германия)	27
Выбор России и выбор интеллигенции.	
<i>А.А. Галкин</i> , д. и. н., профессор (Горбачев-Фонд)	36
Дискуссия	41
Краткая биография Отто Графа Ламбсдорффа	81
Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей	84
Тема 1. Поколения перестройки	85
Образ «нового поколения»	
<i>И.М. Каспэ</i> , аспирантка (РГГУ)	85
Конфликт «учителей» и «учеников» в науке?	
<i>К.В. Юхневич</i> , студент (РГГУ)	88
Шестидесятники и восьмидесятники: неоконченный диалог	
<i>О.В. Воробьева</i> , к. и. н. (Липецкий Университет)	90

1993 год, когда закончилась перестройка	
<i>К.В. Ивашиников</i> , аспирант (РГГУ)	95
Дискуссия	97
Тема 2. Перестройка как проект	103
Альтернативные сценарии для России	
<i>Д.А. Андреев</i> , к. и. н. (МГУ)	103
От проекта власти к общественному проекту	
<i>А.С. Баранов</i> , кандидат культурологии (РГСУ)	106
О проектах сохранения российской государственности	
<i>А.Ю. Бахтурина</i> , к. и. н. (РГГУ)	107
Дискуссия	110
Тема 3. Перестройка и возможность переосмысления прошлого: исследовательская позиция историка	123
Возвращение позитивизма	
<i>В.Б. Прозоров</i> , к. и. н. (МГУ)	123
Историк в «обществе–Пост»	
<i>И.Д. Чечель</i> , к. и. н. (РГГУ)	125
История сквозь призму общества	
<i>Н.А. Митрохин</i> (Мемориал)	128
Дискуссия	129
Авторы выступлений о самих себе	144
Доклады участников проекта «Горбачевские чтения»	151
Влияние перестройки на исследовательскую культуру историка и современное историческое образование	
<i>О.В. Воробьева</i>	151
Исследование современной интеллектуальной истории: советское общественное сознание 1985–1991 гг.	
<i>И.Д. Чечель</i>	154

**СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ
В РОССИИ: ОТ ГОРБАЧЕВА
ДО ПУТИНА**

16 декабря 2003

Открытие дискуссии

М.С. Горбачев,
Президент Горбачев-Фонда

Эту встречу и дискуссию на тему «Становление демократии в современной России», организовал наш Фонд совместно с Фондом Фридриха Науманна. Мы проводим дискуссию в очень интересное время, когда внутри России и вокруг России идет немало разговоров о судьбе демократических преобразований.

Название сегодняшней встречи обязывает меня напомнить вам, что перестройка началась с призыва «Больше демократии, больше социализма». Тогда говорили: «больше демократии, значит и социализма больше», потому что главными критериями для суждения о состоянии общества, о ходе политических процессов всегда были и будут участие граждан, укрепление свобод и защита прав.

В последнее столетие и особенно десятилетие мощные демократические процессы охватили, по сути дела, все континенты земного шара: по данным ООН, с исторической арены сошли более 80 диктаторских и авторитарных режимов. Очевидно, что без утверждения прав и свобод, без создания и обеспечения механизмов функционирования демократических институтов вряд ли можно рассчитывать на успех в реализации социальных проектов.

Дискуссии, начавшиеся во время предвыборной кампании 2003 г., продолжают и сейчас. Вопросы все те же: не сби-

лась ли Россия с пути? не теряем ли мы то, что уже было достигнуто? не окажемся ли мы во власти нового тоталитарного режима?

Думаю, что такая постановка вопроса — открыто, в публичных обсуждениях — о демократии, о судьбе демократических институтов в нашей стране говорит о том, что демократия и свобода слова существуют. Если мы вспомним, даже в первые годы перестройки такие обсуждения не очень-то приветствовались и поощрялись. Все-таки мы прошли довольно большой путь.

Сегодня мы можем констатировать, что задача выхода из тоталитарного общества, в значительной степени, решена. Возникает вопрос: не наступила ли «откатная волна»? Сейчас это звучит актуально.

Политологи, собравшиеся на свой конгресс в Квебеке в 2000 году, пришли к выводу, что мы являемся свидетелями «откатной волны». Они связывают ее наступление с глобализацией, обострившей все проблемы — и международные, и национальные. Эти проблемы особенно сложны в условиях молодой, формирующейся демократии — в странах, переживающих переходный период. В них создалась ситуация, когда избиратели начали разочаровываться в демократии, поскольку она не может решить все вопросы. Предпочтение все больше начали давать лидерам, представляющим авторитарные подходы и способы решения проблем (даже в Европе появились такие факты). Политологи пришли к выводу: не исключено, что XXI век может стать веком авторитаризма.

Так поставлен вопрос, казалось бы, людьми просвещенными — я смотрю на это, как на проявление паники. По моему мнению, мы переживаем сейчас очень сложный период в развитии нашей демократии, но, не думаю, что Россия скатывается к новому авторитаризму.

В результате 10-летнего правления Бориса Николаевича Ельцина и хаоса, который тогда возник, в наследство всем нам, в том числе и Президенту, досталась ситуация, из которой надо выходить: бедность, отсутствие партий, слабость механизмов функционирования демократии, неясность в отношениях между центром и периферией. Более того, осуществляемый когда-то лозунг «берите суверенитета, сколько сможете» при-

вел к тому, что мы получили, по сути дела, региональный федерализм.

Это наложило отпечаток на все, что происходило в период работы нынешнего Президента. Но ни разу — ни публично, ни в разговорах с ним — я не слышал от Президента заявления, что его цель — возврат к старым методам и формам жизни общества. Он заявляет о приверженности демократии, свободе. Я думаю, что задача политиков и гражданского общества состоит в том, чтобы это слышать и участвовать в процессе дальнейшего становления демократических институтов, в развитии демократии в России.

Сегодня я хотел бы услышать мнения наших немецких друзей. Тем более, что тема демократии в России обсуждается нашими партнерами и союзниками в США и Германии. Вопросы должны быть поставлены открыто и прямо. И, может быть, инициатива двух наших фондов заслуживает того, чтобы придать общественной огласке содержание сегодняшней дискуссии.

Фальк Бомсдорф,

*Постоянный представитель Фонда Фридриха Науманна
в России и странах СНГ*

Я рад тому, что Горбачев-Фонд, у которого мы сегодня в гостях, проводит этот коллоквиум вместе с Фондом Фридриха Науманна. Это премьера нашего сотрудничества, и я благодарен за это.

Позвольте мне от имени Фонда Науманна, его председателя Отто Графа Ламбсдорффа и от себя лично сердечно поприветствовать вас здесь. Мы рады тому, что вы приняли наше совместное приглашение.

Уважаемый Михаил Сергеевич, передо мною лежат три значка. И они все касаются Вас. Два из них я купил в 90-м году прошлого века, как сейчас говорят. И на одном написано: «Куй железо, пока Горбачев». Этот призыв не требует комментария. Можно сказать, что, в первую очередь, Вы сами, уважаемый Михаил Сергеевич, придерживались этой мудрости.

Вы, как мне кажется, действительно «ковали железо», пока оно было «горячо». Если прожить эту образную картину, Вы согнули его, мне кажется, в правильном направлении. И многие действовали вместе с Вами.

На втором значке написано: «В память о перестройке». Этот значок дает повод вспомнить о многом, в первую очередь, о новом мышлении, о новой концепции России, Советского Союза и появившейся тогда концепции баланса интересов.

Смотря на значок «В память о перестройке», я также думаю об одном из самых главных завоеваний перестройки, — о том, что тогда было названо гласностью. Мне кажется, мне не надо объяснять, почему именно сейчас, я с унынием думаю о гласности, которая имеет особое значение для демократии. Во всяком случае, есть причины вспоминать сегодня об этих достижениях.

И еще один значок — он уже из наших дней. На нем написано: «Сами с усами». «Мы сами с усами» — это, как мне кажется, самая либеральная поговорка. Она демонстрирует (это мое толкование), что индивидуализм завоевал в России свое место. «Мы сами с усами» — это значит, что Россия не нуждается в помощи, что нужны сотрудничество и диалог. Именно в этом и состоит концепция Фонда Фридриха Науманна, который в этом году праздновал 10-летие своей работы в России. Мы рады тому, что Горбачев-Фонд готов к сотрудничеству, а мы все готовы к диалогу.

В.П. Лукин,

Уполномоченный по правам человека в РФ

Все мы с огромным уважением относимся к Фонду, носящему имя Михаила Сергеевича Горбачева, и всегда с удовольствием обмениваемся здесь мнениями. Надеюсь, что наши свободные обсуждения не сузятся со временем до уровня и пространства только этого фонда, а будут значительно шире.

Если говорить о нашем внутреннем развитии, то мне кажется, что нужно исходить из понимания того, что в нем суще-

ствуют два среза: один поверхностный, а другой — более глубокий.

Если говорить о поверхностном плане, я думаю, что уместны ассоциации (хотя все ассоциации поверхностны и не точны) с ситуацией рубежа XVIII и XIX веков во Франции: 60-е годы XVIII века — это век тогдашних шестидесятников — энциклопедистов; 90-е годы — революция как таковая. А начало XIX века во Франции — это век реставрации бонапартизма.

Наверное, существуют закономерности большого и длительного процесса революции, и сейчас у нас происходит что-то подобное третьему акту этой драмы, который разворачивается на поверхности более глубоких изменений. Я считаю, то, что началось сначала как гниение, а потом как крушение коммунистического режима, безусловно, продолжается. Люди постепенно начинают и привыкают жить по-иному. Даже под спудом частичной реставрации и частичного бонапартизма происходят процессы, которые, безусловно, скажутся в будущем.

Движение вперед продолжается. И если мерить его серьезными, глубокими, историческими часами, то мы, конечно, должны работать во имя того, чтобы живые клетки нашего общества продолжали модернизироваться и жить по-иному. Возможности для этого все же существуют.

Я думаю, что большую роль играет влияние, прежде всего Европы, евроатлантического сообщества в целом, — но Европы, прежде всего, поскольку Россия при всей своей специфичности является частью макроцивилизации, называемой «европейской цивилизацией». Германия, которая наряду с Францией является объективным и реальным центром этой макроцивилизации, представляет собой в то же время центральную ось наших отношений. От того, как будет развиваться ситуация сейчас, очень многое зависит и для России, и для Германии. Для России очень важно понимать, что происходит в европейском сообществе и как правильно выстроить официальную позицию, но, прежде всего, позицию демократических сил нашего общества. Мы наблюдаем, что в европейском сообществе сформировалось очень серьезное движение вперед и, как всегда бывает при движении вперед, обозначились острые противоречия.

Сейчас возникает вопрос: что же будет доминировать в Европе — тенденция к постепенному преодолению трудностей

внутри расширенного и очень своеобразного, сложного и противоречивого нового европейского пространства или же консолидация «ядра» этого европейского пространства, где Германия будет играть вполне определенную и, скорее всего, лидирующую роль? Или все это растворится в каком-то менее ясном, широком конгломерате, где существуют «две Европы»? Где та Европа, которая раньше была стиснута между США и Варшавским блоком, а сейчас стиснута между США и новой Европой, то есть теми же самыми США, с точки зрения преобладающего влияния?

Как, исходя из этого, построить российскую политику, как вести себя? И, разумеется, для демократической общественности нашей страны очень большое значение имеет позиция Германии, а, следовательно, «ядра» Европейского Союза в отношении российских проблем.

Тут важно избегать двух крайностей. Одна состоит в том, чтобы не обращать внимания на те отрицательные процессы, которые, несомненно, заметны в нашей политике — в отношениях, сложившихся между государством и гражданскими структурами, гражданским обществом, политическим обществом. С другой стороны, существует тенденция сводить все вопросы к конъюнктуре сегодняшнего дня. Выборы прошли так, как они прошли — значит, все изменилось в худшую сторону; назначили двух или трех министров от демократических сил — значит, все изменилось в лучшую сторону. Такого рода конъюнктура тоже контрпродуктивна.

Желательно было бы сконцентрироваться на более глубинном процессе и внимательно наблюдать за тем, как идет формирование тех ячеек общества, которые и образуют, в конечном счете, на довольно непродолжительном историческом отрезке, политическую структуру и общественную жизнь нашей страны. В этом направлении мы готовы сотрудничать с немецкими коллегами, объясняя, что думаем мы, и выслушивая их необычайно ценные для нас суждения.

Доклады

Россия и Европа, Россия и мир

Отто Граф Ламбсдорфф,

Председатель Фонда Фридриха Науманна

Позвольте мне вначале сердечно поблагодарить Фонд Горбачева и его Президента за приглашение на эту дискуссию. Я с удовольствием приехал к Вам. С Вашей страной, с Россией, у меня сложились особые отношения. Когда в 1989 году Вы прибыли с государственным визитом в Германию и меня представили Вам, Вы сказали мне: «Ваше имя нам знакомо».

Некоторые из моих предков состояли на службе в Российской империи. Один из них участвовал в воспитании Великого князя Николая, будущего царя Николая I, другой в начале прошлого века был министром иностранных дел России. Возможно, эти исторические семейные корни помогли мне в осознании одного непреложного факта: Россия имеет большое значение в мире. Никого в Европе и во всем мире она не оставляет равнодушной.

Свое выступление я хотел бы начать с нескольких личных слов, адресованных к Вам, глубокоуважаемый, дорогой Михаил Сергеевич. Вы знаете, у нас, немцев, к Вам особое отношение. Многие здесь, в России, не понимают, на чем оно основывается. И многие, как я считаю, интерпретируют его неверно.

Точно так же, как и вообще многое из того, уважаемый Михаил Сергеевич, что связано с Вашим именем, здесь в России вызывает реакцию, которую мы, немцы, не разделяем. Мы не рассматриваем Вас как человека, который, как часто говорят здесь, должен был бы «выжать из ситуации большее». Или, если говорить о разделенной тогда Германии, «не должен был заводить дело так далеко».

Мы видим в Вас человека, который понял тогда веление времени, принял вызов истории, когда события того потребовали. И немцы с глубоким уважением относятся к Михаилу

Сергеевичу не только потому, что он много сделал для Германии, но также и потому что по их мнению он много сделал и для своей страны, для России.

Теперь позвольте мне перейти к своей теме: «Россия и Европа, Россия и мир». Я хотел бы сделать некоторые замечания по этой теме, сформулировать несколько тезисов, задать для обсуждения некоторые вопросы с позиции европейского, немецкого либерала и со всей необходимой сдержанностью и скромностью высказать свое мнение по этой огромной, вечной теме, которой посвящено несметное количество трудов и исследований.

Мой первый тезис звучит следующим образом: ***Россия и ее граждане способны создать реальную демократию.***

Этот тезис может удивить тех, кто сомневается в возможности существования демократии в России. Таких сомневающийся хватает и в Европе, в Германии они есть наверняка; есть они и здесь, в России.

На Западе мы слышим из уст серьезных политиков, что русские не только не способны, но и не готовы к демократии. И посему этой страной может управлять только авторитарная власть. К такому выводу — так считают они — подталкивает весь ход русской истории. Их голоса стали еще слышней после выборов в Думу 7 декабря. Это мнение, похоже, находит отклик в широких кругах российского политического класса, а также среди представителей «власти» как в Москве, так и в регионах. «Народ» — раньше принято было говорить о «народных массах» — по их мнению, это люди отсталые и необразованные. Они говорят: народ не готов к участию в демократическом процессе и к реализации гражданских прав, он не созрел для этого — по крайней мере, пока не созрел. Да и «управляемая демократия» мне представляется одной из составных частей такой позиции.

У меня иной взгляд на происходящее. Нет ни одной страны, ни одного народа, которые были бы неспособны к восприятию демократии. Конечно, у России, ее населения, наблюдается некоторое отставание в вопросах демократии. То же самое наблюдалось в Германии в 1945 году. Немцы тоже в течение многих столетий воспитывались в авторитарном духе, жи-

ли в авторитарных структурах. Немцам удалось ликвидировать свое отставание в вопросах демократии. Русские тоже могут ликвидировать это отставание. Только им нужно этого захотеть.

И главное: «Власть» должна этого захотеть. Тот, кто равнодушно воспринимает или даже поощряет процесс деполитизации населения России, распространения в нем апатии и цинизма, тот не создает благодатной почвы для демократии. Таким путем создается скорее основа авторитарного господства.

Демократии можно научиться. Но демократии нужно и учить. И, прежде всего, внутри ее нужно жить. Именно так она постигается наилучшим образом. Того, кто превращает предвыборные дебаты в фарс, следует спросить о мотивах таких действий. Во всяком случае, российской демократии это не идет на пользу. Кроме того, всем известно: демократия это конкуренция. Тот, кто не готов открыто вступить в конкуренцию с соперниками, проиграет выборы в любом демократическом государстве. В России же таким способом выборы выигрывают. Это не говорит о способности или неспособности страны к демократии. Но это многое говорит о современном состоянии демократического процесса.

Мой второй тезис: ***Сейчас в России с объективной точки зрения имеются лучшие предпосылки, чем когда-либо в истории, для осуществления проекта либеральной модернизации страны.***

Современное российское руководство остановило процесс распада государства. Оно обеспечило стабильность. В этом его большая заслуга.

Надо признать: это стабильность нестабильного состояния — у России осталось слишком много нерешенных проблем. И все же такое состояние намного лучше того политического и экономического хаоса, который царил в 90-е годы.

Итак, до сих пор Президент занимался стабилизацией. Теперь он сможет заняться реформированием. Он знает, что ему нужно для модернизации. В своих словах и выступлениях Президент проявляет себя сторонником либеральных рецептов. Население готово поддержать их реализацию. Опросы показы-

вают, что большинство населения проявляет позитивное отношение к проекту модернизации России.

Результат выборов в Госдуму содержит большой резерв доверия к Президенту. Избиратели готовы на выборах весной следующего года дать Президенту мандат на модернизацию России. Теперь Президенту необходимо предложить населению соответствующий проект, разъяснить его и просить о его поддержке. Если он это сделает, его президентство станет политической вехой. Таким образом, теперь все зависит от Президента.

Мой третий тезис: ***Модернизация России это, прежде всего, создание правового государства и реформа управления, это децентрализация, усиление роли парламента и общественный контроль над средствами массовой информации.***

Тот, кто задает вопрос, что следует сделать, чтобы в России могли существовать демократия, правовое государство и гражданское общество, должен, в первую очередь, помнить об одном: нельзя брать за основу такие критерии как «реализм» или «реализуемость». Задавая такой вопрос, следует — при всем уважении к особым условиям, имеющимся в каждой стране — абстрагироваться от постоянного влияния то и дело произносимой в России фразы: «Это вы в Европе можете так делать, а для нас в России это не подходит; в России вообще все по-другому». Тому, кто задает такой вопрос, следует, пожалуй, прислушаться к изречению известного швейцарского писателя Фридриха Дюрренматта: «Не переставайте представлять себе мир таким, какой он есть в самой разумной своей форме».

Первостепенная потребность России — это правовое государство. Без независимых судов и без верности администрации праву и закону невозможны ни рыночная экономика, ни гражданское общество; без этого не может существовать демократия.

Модернизировать Россию означает выполнить положение российской Конституции: Россия должна стать подлинно федеральным государством с действующей системой местного самоуправления и собственными доходами общин от сумм налогообложения. Россия станет децентрализованной и

демократической страной или централизованной и авторитарной.

И еще одна необходимая потребность, которая вовсе не принадлежит к разряду утопий: Парламент, а значит и политические партии, должны играть гораздо большую роль, причем как на федеральном уровне, так и в регионах. В феврале с.г. Президент сам упомянул это.

И, наконец, как сказал однажды Мао: «Власть приходит из ружейных стволов». В России же по-другому: телевидение создает власть. Как Вам известно, телевидение стало важнейшим инструментом завоевания и сохранения политической власти. Телевидению необходимо вернуть его первоначальную функцию: оно должно быть средством объективного информирования населения и создания общественного мнения на основе плюрализма. Для России, для российской демократии необходимо наличие общественного телевидения.

Мой четвертый тезис: ***Россия не должна поддаваться неоимперским искушениям.***

Россия вернулась на международную арену, где она пользуется уважением и играет видную роль. Этим она обязана, прежде всего, своим участием в неформальном альянсе, в рамках которого Запад и особенно США ведут борьбу с международным терроризмом. Президент пошел на этот альянс после 11 сентября 2001 года — против воли большинства российского политического класса.

Таким образом, Россия снова востребована. Россия, по мнению известных российских обозревателей, становится «силой, без которой нельзя обойтись», посредником на международной арене, «внутренним фактором» европейской интеграции.

Другие идут еще дальше, для них Россия теперь окончательно обретает черты «великой державы». Нефть и газ должны компенсировать внутреннюю слабость страны и стать средством политического влияния в мире.

Я считаю, что, осознавая усиление роли России, не следует автоматически связывать это с ростом ее власти, с новой империей или с политической инструментализацией сырьевых ресурсов. Скорее надо мыслить в категориях растущей поли-

тической ответственности, и, прежде всего, ответственности за успех модернизации России.

Тот, кто в Москве вновь желал бы сделать соседние государства зависимыми от России, должен понимать, что в этом случае рано или поздно придется взвалить на себя все бремя их трудностей и забот. В ходе всей своей истории Россия всегда расширялась в пространственном измерении. Теперь пришло время подумать о расширении в категории времени. Интенсивный, а не экстенсивный прирост — так звучит, на мой взгляд, верный девиз.

Вместо планов создания новой империи России лучше было бы обратить внимание на консолидацию той территории, которой она владеет. Я имею в виду, в частности, Восточную Сибирь и Дальний Восток. Только при условии освоения этих регионов и установления в них стабильности целостность России может быть сохранена; только тогда продолжающийся напор Китая можно будет ограничить контролируемыми пределами. Стабилизация российского Востока соответствует жизненным интересам США, Японии и Европы; поэтому здесь имеются возможности для дальнейшего интенсивного сотрудничества.

Кроме того, мы должны дать ответ на предложение, которое сделал российский Президент в своей речи перед немецким парламентом в Берлине: Объединит ли Старый Свет, объединят ли Россия и Европа свои усилия, ибо только тогда они смогут играть ведущую роль в мире?

И моё пятое, и последнее замечание, которое я сформулировал не как тезис, а как вопрос: ***Возможно ли партнерство между Россией и Европой?***

Ответ многим представляется уже известным — на деле же он остается открытым. И вопрос этот, может быть, самый трудный на сегодняшний день. Скажу сразу: самым большим препятствием на пути подлинного партнерства является война в Чечне. Действительно, там воюют и террористы. Но ведь и мирные жители обороняются там от разрушения их сел и городов, от угона и убийства российскими военнослужащими их родственников и соотечественников. Многого можно было бы добиться, если бы в России осознали это. Как бы там ни было, война в Чечне — и об этом надо заявить со всей определеннос-

тью — не объединяет, а разъединяет нас. И это факт, несмотря на то, что западные политики по соображениям политического оппортунизма в беседах со своими российскими партнерами почти не упоминают эту войну, а Совет Европы нарушает свои собственные принципы, не призывая Россию к соблюдению взятых на себя обязательств. В вопросе о Чечне должно быть найдено политическое решение. Если оно не будет найдено, дьявольская круговерть насилия и возмездия за насилие, терроризма и контртерроризма будет продолжена со всеми ужасными последствиями как для России, так и для всего мира.

Партнерство предполагает, что стороны делают что-то совместно. Совместными должны быть точки зрения, цели и, прежде всего, ценности. В чем же мы едины, совместны?

Мы вошли в единый альянс борьбы с террором. Этот шаг был и остается правильным, так как терроризм является нашим совместным врагом. Но можно ли это назвать прочной основой длительного партнерства?

Россия теперь уже является полноправным членом Большой Восьмерки. Но это членство требует соблюдения законов демократии и рыночного хозяйства. Как нам следует относиться к заявлениям представителей высшего ранга вашей страны, которые сообщают о том, что энергоресурсы России практически изъяты из сферы действия рыночной экономики? Как реагировать на то, что в лице ЮКОСа гонениям подвергается именно то предприятие, которое ведет свои экономические операции более успешно и прозрачно, чем любая другая фирма в России?

А теперь о демократии: Как относиться к тому, что Президент страны называет выборы еще одним шагом в развитии демократии, в то время как высокопоставленные представители ОБСЕ и Европейского Союза характеризуют их как отход от процесса демократизации?

И вообще, что касается выборов — один российский обозреватель написал: «Выборы и их результаты делают «управляемую демократию» еще более управляемой». Здесь нечего возразить. В Европе многие все чаще задают вопрос, а много ли общего у «управляемой демократии», сторонником которой является российское руководство, и тем, что в Европе вкладывают в это понятие?

Ответ однозначен — «нет». Действительно, демократия не признаёт прилагательных — она или есть, или её нет. А имитация демократии никому на пользу не идет. Один немецкий журналист написал о выборах в Думу примерно так(передаю его слова по смыслу): Может быть, в этих выборах всё-таки есть нечто положительное. Они развеяли иллюзии Запада в отношении того, что Президент делает ставку на демократическую Россию.

Я надеюсь, что этот анализ неверен. Но одно несомненно: В Европе боятся рецидивов российской истории. В Европе боятся того, что один из ваших выдающихся социологов (Игорь Клямкин) назвал «непрерывным действием российской системы»: автократическая государственная власть, патернализм, новая изоляция страны, приоритет интересов государства перед интересами личности, великодержавные амбиции на международной арене.

Права ли Лилия Шевцова, которая пишет, что Россия со своей модернизацией сверху, своим авторитаризмом и стремлением решать проблемы силой, несмотря на поворот к Западу, остается страной с чуждой Западу внутривнутриполитической системой?

Нам нужна сильная и — я подчеркиваю и — демократическая Россия. Истинная сила основывается на свободе: постиндустриальному обществу нужны свободные люди. А им нужны общие для всех юридические нормы и соблюдение этих норм с тем, чтобы свобода каждого была гарантирована.

Один из немецких либералов (Ойген Рихтер) более ста лет назад написал: «Экономическая свобода ненадежна без политической свободы, а политическая свобода находит надежную опору в экономической свободе».

Есть, конечно, одна непреложная истина, известная и российскому руководству: Новая, пусть даже авторитарная Россия, борющаяся вместе с США против терроризма, по-прежнему поставляющая за рубеж нефть и газ, при всей критике в ее адрес не представляет собой для западного сообщества государств какой-то непосредственной проблемы. Но статья составной частью Европы такая Россия не сможет.

И такому развитию событий нам совместными усилиями надо воспрепятствовать.

Становление демократии в современной России: взгляд историка

Ю.С. Пивоваров,
*д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН,
директор ИНИОН РАН*

Название наших сегодняшних Чтений «Становление демократии в современной России: от Горбачева до Путина». Я бы поставил вопросительный знак после «становления демократии». Мне кажется, это было бы уместно и более содержательно.

Я не буду анализировать выборы в Думу или современную политическую ситуацию, я хочу поговорить о том, о чем коротко сказал Владимир Петрович Лукин, — о фундаментальном, глубинном измерении современности, то есть я постараюсь выступать не как политолог, а как историк. Я предлагаю посмотреть на эти 18 или 15 лет, которые прошли и которые идут, в контексте большого исторического времени. Конечно, современникам это трудно сделать, особенно трудно, Михаил Сергеевич, в Вашем присутствии, потому что это все равно, что говорить о реформах Столыпина в присутствии Столыпина. Но, тем не менее, я попытаюсь.

Если бы меня спросили — что изменилось в твоей стране? Я бы ответил так — изменилось все и ничего не изменилось. Что изменилось? Мы имеем правовое государство, о котором говорил граф Ламбсдорфф, оно «прописано» в нашей Конституции. Мы имеем разделение властей, выборы, рыночную экономику. Мы имеем реальные деньги. Мы имеем открытость — можно ездить, куда хочешь, при условии, что есть деньги.

Да, Россия совершенно изменилась. Никогда она не была такой свободной, такой внешне либерально-демократической. Никогда — ни в эпоху «великих реформ» Александра II, ни в ту эпоху, когда, господин граф, Ваш дед был министром иностранных дел.

Вместе с тем мы имеем все то, что должно иметь нормальное общество — безработицу, нищету и т.д. В этом отношении все изменилось, поскольку этого не было в советские времена — но и все, одновременно, сохранилось.

Что же конкретно? Сохранилось, прежде всего, то, что я называю сам для себя «автократическая политическая культура или самодержавная политическая культура» — кому как угодно. Это, в общем, одно и то же.

Что же это за политическая культура? Она характеризуется, прежде всего, властечетричностью. Предельной ценностью в России является власть. Когда-то Павел I сказал, что в России только тот что-то значит, с кем он разговаривает и только то время, пока он разговаривает. У меня совершенно случайно оказалась с собой выписка из Константина Петровича Победоносцева: «Ибо ничто в России не делается без правящей руки, без надзирающего глаза, без хозяина. Вся тайна русского порядка — наверху в лице верховной власти». Я утверждаю, что все это сохранилось.

Что еще сохранилось? По-прежнему не разделены власть и собственность. Профессор Лукин и господин Ламбсдорфф говорили о том, что мы — часть европейской цивилизации. Хотелось бы. Но основа этой цивилизации — разделенность власти и собственности. Принципиально. В России этого нет. И, безусловно, за конфликтом власти и Ходорковского стоит именно эта проблема. Власть, которая поняла, что можно остаться без собственности, и собственность, которая хочет стать властью. Они еще не научились жить по отдельности, сотрудничать, не антагонистически конкурировать.

Безусловно, «теневая экономика», о которой мы говорим, выросла из советского времени. Я недавно был в Германии, и там прочел одну американскую книгу, где утверждают (я не экономист), что еще в советские времена, то есть в те времена, Михаил Сергеевич, когда Вы пришли на пост Генерального секретаря КПСС, в России 25 процентов экономики находилось в тени. Так пишут американцы.

Я думаю, что сейчас, наверное, больше. Причем, «теневая экономика» не есть ни в каком смысле «рыночная». Это такая экономика, которая находится вне зоны права, вне зоны нормальных социальных отношений. Далее, российская экономи-

ка чудовищным образом «монополизирована». В ней бал правят монополии. Но так было всегда, и при советской власти тоже.

Что еще не изменилось? Социальная ткань России пронизана насилием. Насилие у нас основа отношения личности к личности. Личность не защищена нигде, и прежде всего на производстве. Может быть, сейчас человек на производстве, в коллективе менее защищен, чем это было в советские времена. Ни о каких профсоюзах и речи нет. Насилие и презрение к человеку — все это остается основой российской социальности.

Сохранилось и то, что я называю «передельным типом социальности». Я утверждаю, что российское общество имеет «передельный характер». Что это значит? Может быть, термин не очень удачный, поскольку он носит, так сказать, конкретно-исторический характер. Помните: передельная русская община XVIII и XIX веков, с которой боролся Столыпин, и которую ему не удалось победить. Мы говорим с восхищением «столыпинские реформы», а в 17-м и 18-м году эта передельная община пожрала всех этих русских фермеров, которые выделились из общины. И никакие большевики, никакие белые в этом участия не принимали. Русская деревня (это основная масса русского населения) в 17-м и 18-м году «проголосовала» за общину. В этом, кстати, суть русской революции. Когда русская деревня была разгромлена и началась урбанизация (в России до революции согласно новейшим исследованиям к «настоящим» — в социопсихологическом, ментальном смысле — горожанам относилось всего 3 процента от всего населения), «передельный» тип ментальности «переселился» в город. Я полагаю, что во многом он сохраняется и сегодня. И все эти приватизации, национализации и многое другое во многом связаны и являются следствием этой «передельной» ментальности.

Теперь о другом. Впервые за последние столетия Россия попала в ситуацию, когда резко сокращаются ее ресурсы. Пять веков наша страна (с того момента, как она стала независимой, вышла «из-под» татар в политическом и «из-под» Византии в религиозном отношении) пространственно расширялась, и, тем самым, наращивала свои ресурсы. Этот процесс закончился. Численность населения сокращается. Вчера началась

сессия Академии наук, и один из историков сказал, что, по новейшим данным ЦСУ, прогноз на 2025 год для Российской Федерации таков: оптимистический сценарий — примерно 120 миллионов человек, пессимистический — 85 миллионов. Далее, не сомневаюсь, пойдет процесс сокращения территории, а значит и природных ресурсов. Но даже при этом пространство страны останется огромным, и мы — с таким падением численности населения — не сможем его контролировать.

Почему я об этом заговорил? Властецентричная, передельная культура и социальность России всегда опирались на огромные ресурсы, которые были у России. Победа её в войнах — это использование всевозможных природных ресурсов. Например, такой, совершенно поразивший меня исторический факт. В 1612 году, когда Кузьма Минин собирал ополчение, чтобы выбить поляков из Москвы, он продал часть населения Нижнего Новгорода в рабство. И на эти деньги сформировал для князя Пожарского ополчение. То есть, Россия всегда использовала свои природные ресурсы. Когда-то это были люди. До одной десятой населения в средние века Россия продавала в рабство. Потом пришли природные ресурсы в прямом смысле слова, но их становится меньше, и они становятся все менее доступны. Это ставит под вопросы властецентричную и передельную российскую цивилизацию.

Следующее наблюдение.

Россия по-прежнему мечется между двумя социальными моделями. Эти социальные модели были разработаны в свое время ныне уже почти забытыми мыслителями и революционерами — Павлом Пестелем и Никитой Муравьевым.

Павел Пестель предложил для России идею «гарантийного деспотизма». Это предполагало деспотический и жестко централизованный порядок, якобинско-большевистскую диктатуру, которая предоставляет большие социальные гарантии населению — как это в реальности было в советские времена. Такой строй можно назвать «равенством всеобщего бесправия». Никита же Муравьев предложил «безгарантийную свободу» — либеральный, демократический, с гарантиями прав человека, федералистский порядок. Но никаких социальных гарантий. То есть «свобода всеобщего неравенства». Так было, к примеру, в 90-е годы.

Кстати, в Германии равенство и свобода преодолели это противоречие (в общем и целом, конечно). И это во многом связано с мыслителем и политиком, именем которого назван Фонд наших друзей, — Фридрихом Науманном. Он был одним из теоретиков социального либерализма. Ему удалось соединить либеральное начало и социальное начало. То же самое потом произошло и в Социал-демократической партии Германии. А в России — нет. Она по-прежнему, повторю, мечется между двумя этими моделями — «гарантийным деспотизмом» и «безгарантийной свободой».

Я вижу, как Россия в эти 15 лет, идя действительно вперед, обретает одновременно черты своего прошлого, причем самые характерные черты. Например, Конституция 12 декабря 1993 года, десятилетие которой мы только что праздновали, является «ремейком» Конституции 23 апреля 1906 года (ее октроировал (даровал) Николай II за три дня до открытия первой Думы). Крайне схожие схемы. Различие по сути лишь в одном: сегодня — выборный президент, тогда — наследственная монархия. Но как мы знаем, политолог Лилия Шевцова назвала наш строй «выборной монархией». И она права. Во всяком случае, переход власти от первого президента ко второму носил полунаследственный характер. Причем, никто не писал Конституцию 1993 года под Конституцию 1906 года. Здесь «дышит почва и судьба».

Или, например, тема «партия власти». Историк и политолог Ирина Глебова в конце 90-х годов нашла в архивах письмо генерала Д.Ф. Трепова Николаю II. Это письмо было написано в конце сентября 1905 года в преддверии открытия Думы. Трепов предлагает государю создать «партию власти»: доминирующую в парламенте фракцию, к которой вне Думы подтянут губернаторов, газеты, журналы, буржуазию. В общем, поставить под контроль и заставить служить себе, престолу, все социально значимые силы. Кстати, господин Ламбсдорфф, Ваш дед, может быть, и знал генерала Трепова — человека, который предложил идею «партии власти». Хотя у нас принято считать, что все это придумали околкремлевские политтехнологи 90-х годов.

То же самое касается федерализма. Граф Ламбсдорфф говорил, что демократия предполагает и федерализм. Но наш

федерализм «внешне» какой-то девиантный. Субъекты федерации соединяются между собой через Центр, заключая договоры с Центром. Однако это не «девиантность», а глубинная русская традиция. Она формировалась столетиями и столетиями же Россия не была унитарным государством, как это почему-то принято считать.

Принципиально не изменилась и административная система. Что я имею в виду? Все ту же властецентричность; Власть располагается над обществом, над разделением властей. Согласно нашей Конституции, президент выше системы разделения властей. И так было «всегда» (и по Конституции 23 апреля 1906 года). Далее. — У нас фактически двойная система управления: есть министерства, и есть всемогущая Администрация Президента. И так в русской истории было всегда. Был Государев двор и приказы. Были министерства и Собственная Его Императорского Величества канцелярия. Было правительство и был ЦК КПСС. Сейчас все это сохраняется. И всегда в этой связке правительство было у нас «техническое», т.е. играло второстепенную роль. Это связано с тем, что в России разделение властей не субстанционально, как на Западе, но — функционально.

И еще я хочу сказать: в России реформы, как правило, ведут к упрощению социальной ткани. Петр I приступает к реформам ради модернизации России. И всю ту сложность, которая вызревала столетиями в Московской Руси, он ликвидирует и как бы заново лепит Россию. То же самое можно сказать и о реформах 90-х годов. Советская «сложность» была сметена ими. И на смену пришло не гражданское общество, которое мы так страстно желали иметь, а криминально-асоциальный мир. Его, кстати, необходимо изучить и понять. Но ясно одно, гражданское общество из этого мира не вырастет.

Вот мои основные тезисы. Я вижу, что многое изменилось, многое остается прежним. Фундаментальные ценности, мне кажется, остались все-таки, в основном, прежними.

Способна ли Россия к демократии или неспособна? Не знаю. Сколько уже раз в нашей истории казалось, что демократия в России возможна! Я когда-то занимался темой «политическая культура». Концепцию «political culture» сформулировал в 50-е годы американский политолог Габриэл Алмонд. В нача-

ле 80-х он полагал, что Россия вот-вот войдет в разряд стран, обладающих наиболее совершенным типом политической культуры — «гражданской культурой» (как в США и Великобритании). Надо только добавить ко всем советским достижениям гласность и открытость.

Пришел Михаил Сергеевич, и все это Россия получила. Но в начале 90-х годов Алмонд сказал: моя концепция полностью провалилась. Русские получили гласность, русские получили свободу, но страна откатилась в политико-культурном отношении далеко назад.

Так же было, кстати говоря, и в 17-м году, когда либеральные партии взяли власть в свои руки. Так было много раз в русской истории, когда казалось, что вот-вот демократия близка, и русский народ, как и все остальные, способен к открытому обществу, к демократии и т.д. Но он показывает, что не способен.

Лилия Шевцова называет наш режим «гибридным», переходным. Т.е. имеется старое, имеется новое. Я думаю, что это принципиально неправильный подход. Дело не в старом и в новом, а дело в том, что Россия на протяжении многих столетий постоянно демонстрирует сочетание того, что можно было бы обозначить и старым, и новым, и переходным. И всегда можно было русский режим назвать переходным. И он всегда остается таким. Все меняется — и все сохраняется.

В этом зале сейчас находился Алексис Берелович — известный французский ученый. Мы с ним недавно говорили, и я сказал, что в России ничего не меняется. На что он ответил: «Тогда я уеду из этой страны, потому что здесь тогда нечего делать». Но нам-то все равно никуда не уехать — надо здесь работать. Надеюсь, мои пессимистические размышления имеют некоторое отношение к тому, что у нас происходит. А коли так, то и их, наверное, следует учитывать тем, кто здесь живет и работает.

Стабильность без демократии*

Ханс-Хеннинг Шрёдер,
профессор, Университет Бремена (Германия)

«...Еще один шаг в направлении укрепления демократии в России...» — так оценил Президент РФ Путин результаты выборов депутатов Государственной Думы 7 декабря 2003 года. Государство обеспечило россиянам возможность сформировать законодательный орган государства в ходе свободных, честных и демократических выборах. Комиссия наблюдателей ОБСЕ видит это иначе. В ее первом после выборов отчете сказано: «...многие правила обеспечения демократических выборов, принятые в ОБСЕ и Евросоюзе, прошли мимо выборов в Государственную Думу. Это удручающее развитие ставит под вопрос фундаментальную готовность России соответствовать европейским и международным стандартам, и демократическим выборным критериям».

Противоречия в оценке выборов в российский парламент четко отражают различные восприятия политической ситуации в России. Президент констатировал консолидацию режима, так как выборы значительно укрепили подчиненный ему лагерь, а либеральная и коммунистическая оппозиции, напротив, потерпели тяжелое поражение. Западные либералы и российские наблюдатели отмечают ослабление демократических структур, так как аппарат президента достиг подобного результата лишь с помощью манипуляции общественностью. Для них было ясно, что начавшийся в России 15 лет назад процесс общественной эмансипации, в настоящий момент остановился, что система управления грозит стать авторитарной. Сегодня для анализа политической системы России применяются термины «делегированная демократия», «управляемая демократия», «дефектная демократия», или еще хуже — «симулированная демократия». Но демократия не терпит сопут-

* Доклад Ханса-Хеннинга Шрёдера публикуется с дополнениями, присланными автором позже.

ствующих определений. Если следовать классическому определению, данному однажды Баррингтоном Муром, то демократия есть долгая и бесконечная борьба за три вещи: первая — противостояние произволу власти; вторая — замена этой власти на справедливую и рациональную форму; наконец, третья — привлечение граждан к процессу создания законов и правил. Именно это в России не удалось. Действительный контроль исполнительной власти со стороны парламента или общественности не существует, эффективного участия общества в политике нет. Общество не выступает политическим актером.

Новое общество

Конечно, это объяснимо. Семьдесят четыре года Советской власти оставили после себя атомизированное, фрагментарное общество, общество без партий, объединений, общих интересов. Бюрократический аппарат, аппарат КПСС — политический монополист, — действовал для общества вместо общества.

Трансформация в России — нечто большее, нежели переход к рыночной экономике и создание демократических институтов. Трансформация должна реконструировать общество, она должна создать гражданское общество, или «общество граждан», так как без «граждан» не может быть демократии. И действительно, общественные изменения 1987–1995 годов имели место, но к гражданскому обществу они не привели.

- Логика социальной иерархии изменилась: не позиция в партии или советском аппарате стала определяющей, а деньги и собственность, что принято в рыночной экономике.
- Процесс установления этого нового, ориентированного на собственность, мышления был связан с бесконтрольным перераспределением имущества в ходе приватизации. В результате чего появилось несколько победителей и большое количество проигравших. Это по сей день обуславливает глубокое расслоение общества в России.
- Основная масса общества была в процессе перераспределения обыкновенным объектом политики. Общество не действовало в политике, а страдало политикой. Действо-

вал и безоглядно обогащался в период становления российского общества картель политических и экономических руководителей.

- В новом обществе, возникшем после приватизации, отсутствует важный элемент, который в западном индустриальном мире представляет собой социальный базис демократических структур: хороший «средний слой» из предпринимателей, представителей свободных профессий, служащих средней руки, менеджеров, интеллигенции.

Таким образом, конституирование нового общества в девяностых годах не создало идеальных предпосылок для развития демократии. Между немногими победителями и большой массой проигравших в результате трансформации образовалась пропасть. Тот факт, что сложившееся большинство не располагает какой-либо социальной организованностью, не может предотвратить вспышки открытых конфликтов.

Шанс для демократии

Несмотря на это шансы для демократического развития были и есть. Вопрос в том, какие общественно-гражданские структуры будут развиваться, и какое пространство они займут. О каких структурах может идти речь?

- Развитие общественности через выстраивание разнообразного медийного ландшафта, в котором будут слышны и критические голоса.
- Возникновение и становление объединений и союзов, где будут аккумулироваться и формулироваться групповые интересы. Возникновение стабильных партий, где интересы будут политически защищаться.
- Укрепление правовой системы, независимой от политики и действующей на территории всей страны.
- Контроль над исполнительной властью, президентом и правительством со стороны самостоятельного, ответственного парламента и общественности.

Все это требует времени. За короткий срок после обвала советской системы трудно многого ожидать: Германии потребовалось сто лет и три попытки, пока стабильная демократи-

ческая система смогла развиваться. В России были и есть предпосылки для этого во многих областях. Но в экстремальных условиях эти предпосылки не получают должного продолжения.

Элитные картели как актеры российской политики

Переход к рынку после 1991 года с приватизацией и гиперинфляцией был связан в России с возникновением специфического политического режима. Лишь меньшинство получало выгоды от нового порядка и всерьез использовало шанс приватизации и разрешение предпринимательской деятельности. Горстке из них удалось создать настоящие финансовые и промышленные империи. Под прикрытием ельцинского руководства эти «олигархи» приобрели в первой половине девяностых годов огромные состояния и значительные части привлекательных, экспортно ориентированных отраслей. Прежде всего в нефтяной отрасли и производстве цветных металлов. Со своей стороны они поддерживали администрацию Ельцина и организовали его переизборы в 1996 году. «Система Ельцина» базировалась на симбиозе политического руководства и промышленных элит. Благодаря этому же властному картелю в 1999 и 2000 годах состоялись победы Путина.

Однако с приходом Путина к власти отношения изменились. Весной и летом 2000 года правоохранительные и налоговые органы начали расследовать финансовые злоупотребления промышленных и финансовых групп. Большое количество дел, вместе с тем, без рассмотрения, путем компромиссов закончились для причастных предприятий без последствий. Только в двух случаях органы были жесткими: медиамагнат Владимир Гусинский и финансовый спекулянт Борис Березовский, которые до 2000 года контролировали важнейшие телеканалы, были вынуждены покинуть Россию, дабы избежать уголовного преследования. Президент Путин подчеркивал политический масштаб этого конфликта, когда в 2000 году французской газете «Ле Фигаро» объяснил: «в случаях с Гусинским

и Березовским государство действует против «олигархов»». У государства есть дубинка, и она бьет только один раз, но по голове».

Судя по всему, для администрации Путина были важны две вещи: контроль над электронными СМИ, который был достигнут устранением Гусинского и Березовского, и запугивание политических конкурентов, которые обладали влиянием во времена ельцинской власти. Для уменьшения негативных последствий своих действий Путин искал диалога с важнейшими предпринимателями. Это была ставка на основательную кооперацию с предпринимательством, а последнее могло бы действовать без волнений о государственном преследовании. И действительно администрация Путина предоставила большим финансовым группам свободное поле деятельности, с одной лишь оговоркой — предпринимательство не будет стремиться к самостоятельной политической роли. Таким образом, альянс между политическим руководством и промышленными элитами остался, но с измененным распределением ролей. Правила игры устанавливает политика, что однозначно проиллюстрировал арест нефтяного магната осенью 2003 года.

«Административные партии»

В то же время, как и прежде, отсутствуют структуры, которые превращают общественные интересы в политику. Ни одна из существующих партий не переживет один-два электоральных периода. В декабре 2003 года именно «Яблоко» и СПС споткнулись о 5%-ный барьер — две партии, которые с 1993 года участвуют в выборах и олицетворяют собой определенную демократическую традицию. Вместо этого почву под ногами обретают «административные партии», выдуманные, созданные и финансируемые исполнительной властью.

Партия «Единая Россия» на думских выборах получила более 37% голосов. Эта партия была создана после выборов 1999 года по настоянию политического руководства в результате слияния двух «административных партий», которые сами организовались незадолго до выборов-99. «Админист-

ративные партии» или «партии власти» — это образования «сверху», политическая значимость которых поддерживается региональными администрациями и гарантируется центральной исполнительной властью. Своим победам в выборах они обязаны, как правило, «административному ресурсу», в числе прочего, и соответствующему поведению электронных СМИ.

«Единая Россия» — не первая попытка создания «административной партии», но, судя по всему, самая удачная. В 1993 году партия либеральных реформ «Выбор России», из которой позже выделился Союз правых сил, получила 15% голосов, сильно отставая от праворадикальной, популистской ЛДПР, которая набрала 23% голосов избирателей. В 1995 партией власти выступил «Наш дом Россия», получив 10% голосов и отстав от ЛДПР (11%) и КПРФ (22%). В 1999 году произошла вообще причудливая ситуация, когда сразу три «административные партии» пошли друг против друга: «Наш дом Россия» в блоке с «Отечество — вся Россия», которым руководили столичный мэр Лужков и бывший министр Примаков, и партия «Единство (Медведь)», созданная за три месяца до выборов для парламентской поддержки Ельцина и «семьи» финансовым магнатом Березовским. «Наш дом Россия» самораспустилась в результате поражения (1,2%), но две другие сходу получили впечатляющие 13% и 23%.

После выборов 1999 года политтехнологи президентской администрации работали над объединением этих двух партий. Когда осенью 2001 года это удалось, партия «Единая Россия» получила солидное преимущество в голосах по сравнению с ее главным конкурентом — коммунистами. Для этой цели использовались не только электронные СМИ, контроль над которыми получила путинская администрация в 2000–2001 году, но и факты сознания и поддержки новых партий, предназначенные для «оттягивания» голосов у коммунистов. Например «Партия пенсионеров», которая уже в своем названии содержала сегмент электората, набрала 3% голосов избирателей. Еще успешнее была партия «Родина», созданная лишь в августе 2003 года бывшим коммунистом и реформатором Глазьевым и международным политиком с ярко выраженным на-

ционалистическим профилем Рогозиным. Партийный список представлял собой сборную солянку из известных генералов, левых политиков, банкира-миллионера, который избирался на пост мэра Москвы и известного праворадикала Сергея Бабурина. «Родина» сходу получила 9% голосов и завоевала большую популярность, несколько большую, чем хотелось бы политтехнологам путинской администрации. ЛДПР смогла удвоить результат 1999 года за счет голосов избирателей коммунистов. Партию праворадикального политического клоуна Жириновского тоже можно отнести в президентскому лагерю, так как 50%, или 225 мест, в партийном списке ЛДПР принадлежат ему. Настоящим трюком президентского лагеря был выигрыш 102-х прямых мандатов из 225. Успех привлекает. И вскоре многие независимые депутаты и представители мелких партий присоединились к 222-м из «Единой России». В результате этого уже в конце января фракция «Единая Россия» насчитывала 304 депутата и доминировала в нижнем парламенте с 67,6%.

Это соотношение сил практически с ног на голову поставило волеизъявление избирателей. Распределение голосов показало, что треть избирателей поддержала партию Президента. В российских условиях — это не очень плохой результат. Но 11% избирателей поддержали праворадикальную ЛДПР, как альтернативу Путину; 8% голосовали за либеральные партии «Яблоко», СПС; 28% — за «левую» политику в лице КПРФ, «Родины», партий пенсионеров и аграриев. Таким образом в основном голосовании большинство было против истеблишмента. Это соответствует социальной ситуации, когда между богатым меньшинством и бедным большинством существует большая пропасть. Оппозиционный лагерь политически раздроблен. Манипуляции президентской администрации довершили дело. В результате выборов, где две трети избирателей высказались за оппозиционный лагерь, сформировался парламент, в котором исполнительная власть заполучила две трети большинства. Логическим продолжением стали выборы президента в марте 2004 года. После поражения либеральных и левых партий, ни один серьезный кандидат не решился выступить против популярного, владеющего всеми администра-

тивными ресурсами и СМИ Президента. С большим трудом президентская администрация смогла подвинуть некоторых политиков второго плана выставить свои кандидатуры. Шеф праворадикальных либерал-демократов выставил кандидатом своего телохранителя. 14 марта Владимир Путин был переизбран 71,2% голосов. В этой победе наряду с профессиональной кампанией большую роль сыграл личностный фактор. И действительно, в настоящее время в России нет политика, который мог бы приблизиться к Путину по популярности. Путин — «правильный человек», «настоящий парень». Таким образом, плебисцит 14 марта — процесс голосования трудно назвать выборами — подтвердил впечатляющую легитимацию Президента.

Перспективы российской политики

С ослаблением региональных элит и усмирением олигархов исполнительная власть является единственным политическим актером в путинской России. Это создает ситуацию, в которой нет надежды на демократическое развитие:

- электронные СМИ подконтрольны администрации; критические издания существуют, но не играют особой роли из-за малых тиражей;
- до сих пор нет стабильных политических партий; вместо этого исполнительная власть создала «административную партию»; на этот раз удачнее, нежели в 1995 и 1999 годах;
- как результат — нет парламента, который критически относится к «власти», контролирует ее, сопротивляется ей.

Для развития гражданского общества не хватает места. Стоит подчеркнуть, что зачатки демократического развития в России были и, несмотря ни на что, остаются, но под эгидой путинской администрации значительно деформированы. Шансы прорыва функционирующей демократии, по Баррингтону Муру — противостояние произволу власти, замена этой власти на справедливую и рациональную форму, привлечение граждан к процессу создания законов и правил, — заметно снизи-

лись. В сегодняшней России мы имеем почти латиноамериканский сценарий:

- раздробленное на богатых и бедных население;
- атомизированное общество, неспособное на политическое влияние;
- «власть», которая действует бесконтрольно, правит через манипуляции общественностью;
- кланы, группировки, властные аппараты, играющие важную роль в правящих кругах.

Конечно, второму Президенту Российской Федерации удалось стабилизировать политическую ситуацию. Из интеллигентного бюрократа без политического профиля и власти, с помощью массивной имиджевой кампании вырос государственный руководитель, который, стал суверенным политическим вождем, обладающим поддержкой населения и аппарата. На пути к этой цели пункты российской Конституции, в основном, были соблюдены. Но сознательное недопущение политических конкурентов к электронным СМИ не соответствует нормам Конституции и является массированным нарушением демократических норм Основного закона.

Сегодня политическое и властное положение Путина неприкасаемо. Его режим все больше делает авторитарные ходы. Многочисленные проблемы в обществе, социальной и внутренней политике не решены. Реформа здравоохранения, реорганизация социального страхования, борьба с криминалом и коррупцией не двигаются дальше. Большая разница в доходах ведет к социальному напряжению и усилению авторитарных тенденций. Подобная ситуация вызывает озабоченность у наблюдателей из Германии, Европы, у непосредственных соседей из Евросоюза, которые желают России демократического пути развития, неприятные ощущения.

Выбор России и выбор интеллигенции

А.А. Галкин,

д. и. н., профессор (Горбачев-Фонд)

В последнее время на нас обрушился поток пессимистических оценок перспектив демократии в России. Они прозвучали и в ходе нынешней дискуссии. К этим оценкам можно отнестись по-разному. Я, например, оцениваю их с изрядной долей скептицизма. Однако полностью игнорировать подобные оценки тоже неверно. Когда пессимизм приобретает такие масштабы и поражает значимую часть общества — значит, у него есть, пусть не адекватно воспринимаемые, но, тем не менее, объективные истоки.

Первое место среди этих истоков, как мне кажется, занимает повсеместно фиксируемое отчуждение значительной части российского общества, как от власти, так и от отождествлявшихся с нею демократических ценностей. Степень этого отчуждения не следует преувеличивать, но в целом, оно проявляется как тенденция. В разных социальных группах ее сила не одинакова. Различаются также формы ее проявления. Тем не менее, не учитывая этой тенденции, невозможно правильно оценить происходящее.

Чтобы понять, как зародилось и прогрессировало отчуждение, следует вспомнить недавнюю историю

Политическая система, сложившаяся в России в 90-е гг., и опирающийся на нее режим, возникли в результате отторжения обществом прежнего общественно-политического устройства, растерявшего кредит доверия, полученный в 1917 году. Политический капитал, оказавшийся в распоряжении новых властных институтов и возглавившей их элиты, вначале был значительным. Об этом свидетельствовали, в частности, результаты голосования в поддержку первого президента России в 1990 г.

Однако полученный политический капитал был по своей сути заемным. И из этого следовало многое. Очевидно, прежде всего, то, что для его сохранения и приумножения

нужно было руководствоваться не только своими представлениями о «должном» и «полезном», но учитывать настроения и чаяния основной части общества, идти навстречу ее интересам.

На практике же приобретенный политический капитал был воспринят новыми правителями как «карт-бланш» на проведение серии волюнтаристских общественных экспериментов в духе модных неолиберальных теорий, далеких от российских реалий. Тяжесть последствий таких экспериментов усугубило поведение элиты, оказавшейся не на уровне задач, требовавших безотлагательного решения.

Список повсеместно признаваемых ныне прегрешений и ошибок, повисших тяжким грузом на власти, — прямой результат ее исходных позиций. Вместо обещанной идиллической картины процветающей рыночной экономики российские граждане узрели жуткую реальность бесконтрольного расхищения государственного имущества, созданного трудом многих поколений, группой супербогачей-олигархов и узкой прослойкой государственной бюрократии.

Экономика страны не обрела качеств современного хозяйства. Получился некий мутант, соединяющий олигархический капитал, остатки государственного социализма, зачатки корпоративизма, рыночных структур, обширный массив примитивного предпринимательства, опутанный паутиной теневых и криминально-мафиозных отношений. Одновременной произошел обвал социальной сферы, худо-бедно, но защищавшей граждан от материальных бедствий и лишений. Общество столкнулось с вопиющим социальным неравенством. Индивид оказался одиноким и беззащитным перед ликом дикого рынка и бездушной бюрократии.

Разумеется, разрушительные итоги проведенных экспериментов не могли не сказаться на состоянии политического капитала, находившегося в распоряжении власти.

Первоначально этот капитал реализовался в форме двух установок. Первую образовывали иллюзорные расчеты на немедленные позитивные последствия принятия страной вестернизированной системы ценностей и основанного на ней общественного устройства. Вторую — иррациональная вера в харизматического лидера, способного осуществить необходи-

мые для этого преобразования, которым казался многим первый президент России Б.Н. Ельцин.

Последующий печальный опыт вызвал размывание обеих установок. Однако происходило оно крайне неравномерно. Наиболее быстро размывалась репутация лидера, чему способствовали некоторые его личные качества и манера поведения. Через три-четыре года после установления нового режима популярность Президента приблизилась к нулевой отметке. Гораздо устойчивее оказалось доверие к вестернизованным ценностям. Оно тоже выдыхалось, но значительно медленнее, чем репутация Ельцина.

Коррективы в этот процесс внес приход к власти В.В. Путина. Хотя он был выдвинут на президентский пост и активно поддержан Б.Н. Ельциным, общество в своем большинстве восприняло его как антипода предшественника. Немалую роль в этом сыграл правильно выстроенный имидж. Недовольство ельцинским правлением сублимировалось в сознании миллионов российских граждан в категорическое неприятие внешнего облика и манеры поведения прежнего президента. Поэтому ожидаемая смена политики, осознанно или интуитивно, ассоциировалась со сменой типа лидера. Между тем человеческий имидж Путина в полной мере отвечал массовым ожиданиям. Вместо деградирующего старца — человек в расцвете сил. Вместо сибаритствующего любителя возлияний — деятельный трудяга, умеющий соблюсти меру. Вместо мало сведущего импровизатора — знающий и компетентный администратор, за которого, во всяком случае, не стыдно.

Все это, наряду со многим другим, обусловило необычайную устойчивость политического кредита, полученного В.Путиным от общества. Несмотря на сложное положение, в котором продолжает находиться страна, уровень доверия к нему на протяжении первых лет правления не только не понижался, но становился даже выше. Вместе с тем продолжала слабеть приверженность общества к вестернизованным ценностям. Углублялось недовольство засильем несправедливого богатства и бесконтрольностью бюрократии, курсом на демонтаж созданной прежде социальной инфраструктуры. Соответственно, ослабевала и поддержка демократических форм правления.

В результате возникла своеобразная, парадоксальная си-

туация. С одной стороны — устойчивое доверие к главе государственной власти. С другой — растущее отчуждение граждан от ответственных за результаты проводимой политики административных и политических институтов, начиная с правительства федерации. С одной стороны — стремление к порядку и стабильности, и, соответственно, готовность поддержать многие жесткие меры власти, с другой — нежелание расстаться со ставшими привычными демократическими процедурами — свободой печати, передвижения, зарубежных поездок и т.д. С одной стороны — готовность до поры до времени терпеть проводившуюся до сих пор политику, с другой — настойчивое ожидание от Президента изменения этой политики в сторону существенной большей социальности и справедливости и т.д. Эта парадоксальная противоречивость в какой-то мере проявилась во время выборов в Государственную думу.

Теперь перед правящей элитой, и, прежде всего, перед президентом стоит крайне сложная задача: как совместить столь противоречивые установки, утвердившиеся в обществе, не подорвав при этом своего политического кредита. Игнорировать их в угоду приближенным к власти олигархических и бюрократических кланов или же частично идти навстречу тем или иным общественным установкам. Скорее всего, на протяжении следующего четырехлетнего правления В.В. Путина это будет решаться в результате межклановых компромиссов. Поэтому нам придется еще не раз быть свидетелями разнообразных кульбитов, российского варианта политических качелей.

Сами по себе политические качели — вещь не столь уж и страшная. Они хорошо знакомы и западным обществам, опирающимся на глубокие демократические традиции. Однако российские политические качели отличаются существенным своеобразием. Если они начинают движение, то оно приобретает такой размах, что выворачивают нутро наизнанку, а то и делают полный круг со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому, глядя на происходящее, следовало бы не кликушествовать и не рвать на себе волосы, чем занимаются сейчас некоторые политически озабоченные деятели, а всерьез задуматься о том, как и в какой степени можно умерить потенциальную амплитуду размаха «качелей».

Теоретически рассуждая, огромную роль смогла бы сыг-

рать в этом деле интеллигенция, и, прежде всего, ее творческие верхи. В России всегда не только «поэт был больше, чем поэт», но и интеллектуал — больше, чем интеллектуал: он был интеллигент.

Беда, однако, состоит в том, что путь к этой роли для значительной части верхушки российских интеллектуалов перекрыт. Вернее, она перекрыла его себе сама, оторвавшись о российской действительности в такой степени, что существует ныне в «ином пространстве».

Я не очень жалею наше телевидение. Но предвыборные страсти побудили меня то и дело включать «ящик». Меня потрясло многое. Но, прежде всего, мягко говоря, странные взгляды многих из тех, кого я привык уважать как писателей, публицистов, художников, режиссеров и т.д.

Их рассуждения, претендующие на оценку ситуации в стране, чаще всего сводились, по сути дела, к тому, что им — добрым, умным, хорошим — к сожалению, достался плохой народ — примитивный, отсталый, инертный, упрямый, ленивый, не привыкший к самостоятельным решениям, не способный адаптироваться к меняющимся условиям. И что делать с таким народом — неизвестно. По мнению одних, следует подождать лет 50 или 100. Быть может за эти годы этот народ изменится к лучшему. По мнению других — время его не излечит. Надо действовать, не обращая на него внимания. А если будет сопротивляться, то помахать кнутом. Только так можно будет привести страну к тому, что принято именовать то ли цивилизованным состоянием, то ли демократическим обществом.

Конечно, каждый вправе думать, как ему заблагорассудится. Но статус интеллигента все-таки кое к чему обязывает.

Господин Ламбсдорфф говорил здесь, что есть только одна демократия — это власть народа и от имени народа. И другой демократии быть не может. Я с ним полностью согласен. А когда люди, занятые умственным трудом и добившиеся в своем деле значимых результатов, вместо того, чтобы отстаивать общественное благо, интересы народа, высокомерно отводят ему место на задворках, мня себя вершителями судеб, они теряют моральное право именовать себя и интеллигентами, и демократами. И это не чье-нибудь постороннее решение, а выбор, который они делают сами.

Дискуссия

Участники дискуссии:

Беляева Н.Ю. — д. ю. н., профессор, зав. кафедрой Публичной политики ГУ ВШЭ, Фонд «Интерлигал»

Гринберг Р.С. — д. э. н., зав. отделом ИМЭПИ РАН, главный редактор журнала «Мир перемен»

Игрунов В.В. — депутат Госдумы РФ, заместитель Председателя комитета ГД по делам СНГ и связям с соотечественниками, Директор Международного Ин-та Гуманитарно-политологических Исследований, председатель партии «СЛОН»

Холодковский К.Г. — д. и. н., ИМЭМО РАН

Дробижева Л.М. — д. и. н., профессор, директор Института Социологии РАН

Горбачев М.С. — Президент Горбачев–Фонда

Фадеева Л.А. — профессор, Пермский Государственный Университет

Борко Ю.А. — д. э. н., профессор, руководитель Центра исследований европейской интеграции и заместитель директора Института Европы РАН

Ланской Г.Н. — к. и. н., доцент РГГУ

Шейнис В.Л. — д.э.н., профессор, ИМЭМО РАН

Ивашников К.В. — аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени РГГУ

Кузнецов М.И. — вице-президент Фонда Плеханова, член СДПР

Ильяшенко И.Ю. — Современная гуманитарная академия

Чечель И.Д. — к. и. н., РГГУ

Вопросы и ответы

Борко Ю.А.

Мой вопрос, в принципе, ко всем докладчикам. Как вы оцениваете роль демократических организаций в процессе строительства или не строительства демократии в России в 90-е годы и в начале XXI века?

Пивоваров Ю.С.

Юрий Антонович, я лично оцениваю очень низко. Я вспоминаю слова Ленина о декабристах: «страшно далеки они были от народа». Так было всегда в русской истории. Но это не значит, что они плохие. Я думаю, что демократические, либеральные традиции в нашем обществе очень слабы. Поэтому демократические силы тоже очень слабы.

Славин Б.Ф.

У меня есть вопрос к Пивоварову, в частности. Ваша концепция, если ее упростить, состоит в том, что со времен XIX века до XXI века вообще ничего не произошло в России, авторитаризм господствовал у нас на протяжении всех этих лет. Но это же противоречит реальной истории. Такая концепция игнорирует то, что произошло в XX веке — и революции, и смена авторитаризма демократией, и перестройка и т.д. Все выглядит в одной плоскости. Так ли это?

Пивоваров Ю.С.

Если упростить, то выглядит так. Но если не упрощать, а внимательно посмотреть, то, конечно, произошли грандиозные изменения — социальные, политические, экономические. Тем не менее, разве очень многое изменилось в России? Вы сказали: с конца XIX и до начала XX века. 100 лет — это небольшой срок, когда Россия из традиционного общества стала превращаться в современное, и, конечно, многое сохранилось, но мно-

гое ушло. Я не настаиваю на том, что все сохранилось. Я говорю о том, что, к сожалению, некие фундаментальные ценности остались — остался тип социальности, тип политической культуры.

Для меня характерным примером является то, что деревня практически уничтожена, но «передельная ментальность» перенесена в город и существует. Я ощущаю это сегодня не как ученый, а просто как человек, который живет в своей стране, работает. Я не настаиваю на том, что ничего не меняется: например, такие дискуссии были бы невозможны 30 лет назад. Я думаю, что сейчас мы лучше знаем свою страну. Многое меняется, но разве вы не видите, сколько фундаментальных вещей остается несмотря ни на что?

Здесь говорилось, например, о партиях — о том, что партий нет. А Ключевский когда-то говорил: «В России нет борьбы партий, в России есть борьба учреждений». Разве мы не наблюдаем это сейчас? Что, «Единая Россия» — это партия? Это учреждение, кстати, очень опасное. «Единая Россия» прежде всего для Путина опасна, она ему бросит вызов, если она встанет на ноги. Пока еще не было партии власти, которая становилась бы на ноги и существовала долго. Но если она останется, то будет угрозой для Президента. Но это уже вопрос будущего.

Я не утверждаю, что Россия не изменилась, но, к сожалению, замечаю, что фундаментальное осталось. Об этом говорил Ключевский, и даже раньше — и в XIX веке, и в XVIII веке и прочее и прочее.

Чечель И.Д.

У меня два вопроса к Юрию Сергеевичу Пивоварову.

Первый вопрос. Если мы можем действительно выделить некие исследовательские критерии, на основе которых мы оперируем с российской цивилизацией, и на основании этих критериев выделить фундаментальные свойства этой цивилизации, то существуют ли некие критерии, на основании которых можно выделять и фундаментальные же свойства западной цивилизации? Если да, то мне хотелось бы, чтобы вы о них немножко рассказали.

Второй вопрос. Если таковые фундаментальные свойства западной цивилизации выделяются, то каким образом на них воздействуют события 11 сентября?

Пивоваров Ю.С.

Я думаю, чтобы ответить на эти вопросы, надо читать лекцию, а это невозможно, поскольку идет живая дискуссия. Но мне кажется, что для русской цивилизации характерно (мы об этом уже говорили), например то, что власть и собственность не разделены, что в правовых традициях право не является основным социальным регулятором или регулятором социальной жизни, и многое другое. Тип русской культуры во многом определен православием, которое отличается от западных версий христианства, и т.д. Мне кажется, что это все известно. Для меня этот вопрос очевидный.

Западная культура очень отличается от русской, а русская очень отличается от западной. Я думаю, что, пожалуй, нас объединяет христианство. Но у нас другая версия христианства. Здесь говорилось о возможности какой-то интеграции России в Европу, я думаю, что это будет очень сложно сделать. Россия, с моей точки зрения, не европейская страна, не западная страна. Россия не Восток, но это и не Запад.

Что касается 11 сентября, то, конечно, весь мир изменился после 11 сентября. Начался XXI век с новыми вызовами, угрозами. Это тоже очевидно.

Ильяшенко И.Ю.

У меня вопрос к профессору Галкину. Скажите, пожалуйста, а как влияет на состояние демократии в России в наше время полная разобщенность так называемого демократического лагеря, то есть фактически отсутствие правой оппозиции в новой Думе?

Галкин А.А.

Вообще это ненормально, когда в парламенте не представлена часть политического спектра, за которым стоит определенная часть населения. Это нонсенс, и, конечно, он будет негативно сказываться на работе нашего парламента. Что касается оценки результатов, полученных этим лагерем, я счи-

таю, что, с моей точки, неверно под единую скобку подводить неудачу Союза правых сил и демократической партии «Яблоко». И те и другие не прошли в парламент, но по разным причинам. А самое главное, с моей точки зрения, что они опираются на различный электорат. Если «Яблоко» опирается прежде всего на достаточно массовые группы населения, интеллигенции, в общем, понесшие серьезнейший ущерб в результате реформ 90-х годов, то Союз правых сил опирается, на группы населения, которые в значительной степени выиграли от этих реформ. Так что — это разные силы, и поэтому неудача их объединения, несмотря на их общий либеральный антураж, связаны вовсе не с плохим характером Немцова или с плохим характером Явлинского, а с некими объективными обстоятельствами. И я не уверен, что если они просто сложат свои силы, то получат вместе столько, чтобы можно было на следующих выборах попасть в Думу. Скорее всего, тогда часть электората уйдет в какую-то другую сторону.

Фадеева Л.А.

У меня вопрос тоже к Александру Абрамовичу Галкину.

Когда Вы говорите об отчуждении российского общества от демократических ценностей, то имеете в виду отчуждение именно от демократических ценностей или же от тех политических сил, которые называют себя демократическими?

Галкин А.А.

Вполне оправданный вопрос. В реальной жизни на уровне массового сознания такое различие делается едва ли. Для нас с вами ясно различие между демократическими ценностями и политикой партий, называвших себя демократическими. Для массового избирателя разница эта не просматривается, не прощупывается. Поскольку партии, которые работали с демократическими лозунгами и опирались на демократические ценности, несут ответственность за реальные последствия своей политики, это приводит к разочарованию в демократических ценностях. Что неправильно, но является фактом.

Выступления в дискуссии

Беляева Н.Ю.

Хочу вступить в дискуссию с новой темой, которая, на мой взгляд, незаслуженно была забыта. Мне кажется, что тема демократии, какой бы она ни была широкой и всеобъемлющей, все-таки до сих пор освещалась только с одной стороны. Все выступающие говорили об институтах: о президентской власти, о законодательной власти и политических партиях, которые тоже при успешном стечении обстоятельств попадают в Думу и становятся частью власти. И вся критика, которая прозвучала здесь в выступлении профессора Пивоварова, сводится к тому, что целый ряд показателей жизни общества и общественной культуры слишком тесно привязываются к власти и через власть себя идентифицируют. Тем более важно при дискуссии о демократии говорить о той части общества, которая совершенно сознательно себя определяет вне власти. Вот почему тема гражданского общества и его развития, мне кажется, очень уместна в сегодняшней дискуссии. Мне хотелось бы ее заявить и проследить, как развивалось гражданское общество на том историческом промежутке, который мы сегодня рассматриваем — «от Горбачева до Путина».

Я хотела бы сразу согласиться с профессором Галкиным, напомнившим, что мы все-таки очень мало знаем общество, в котором живем. Все выступающие, говорят либо, что общества нет, либо что оно настолько зависимо, настолько пронизано властными импульсами, что боится само себя реализовать. Что оно жестко к этой власти привязано, себя без нее не мыслит. Я позволю себе с этим не согласиться и напомнить некоторые факты.

Эпоха Горбачева нам запомнилась массовым общественным активным политическим участием. Я думаю, это еще не забыли — и народные фронты, и массовые демонстрации. Эпоха Горбачева запомнилась тем, что политические институты ослабили свое давление. Это был период, когда власть позволила гражданам самоопределяться и самоорганизовываться. Мы это сразу получили в огромном масштабе. Наверняка

вы все еще помните массовые демонстрации, массовые заявления, которые имели очень серьезное продолжение. Именно на волне массовых движений «Демократической России» Ельцин завоевал популярность и стал президентом России. Поэтому говорить о том, что массовые движения ничего не значили и не оказали никакого влияния на политическую систему, наверное, было бы неверно.

Те политические лидеры, которые почувствовали эту гражданскую энергетику, почувствовали значение гражданских выступлений, возглавили ее в определенный момент, стали народными лидерами и народными избранниками, а потом закрепили эту роль в качестве лидеров нового политического режима. Когда новый политический режим начал экономическую перестройку, стал заметен серьезный спад гражданского активизма. Это тоже вполне понятно, потому что активизм был обращен на собственное экономическое выживание, на строительство и адаптацию к новым экономическим условиям.

В тот период, несмотря на то, что не было массовых демонстраций, жизнь гражданского общества была очень интенсивной, и она была направлена на структурирование гражданской активности.

Фонд «Интерлигал», который я представляю, вместе с целым рядом других общественных организаций, вел мониторинг этой деятельности. Оказалось, что 5–8 лет (считая с 90-го года) были использованы как время на самоорганизацию теми гражданскими союзами, которые хотели самоопределяться независимо от власти с точки зрения источников финансирования, рекрутирования волонтеров, выстраивания своей повестки дня и политического участия. И они воспользовались этим временем, на мой взгляд, очень умело: родился целый ряд устойчивых движений, имена которых, хорошо известны. Это — Московская Хельсинкская группа, которая укрепила свои сети; Общество «Мемориал»; целый ряд женских организаций. Безусловно, все они пользовались поддержкой западных грантов, но перестройка на то и была нужна, чтобы открыть нам двери в мир и на Запад. Появилась возможность использовать негосударственные источники, хотя российский бизнес, к сожалению, очень мало мог поддерживать гражданскую активность. Действительно, до 93–94-го гг., в основном, финансы

шли из-за рубежа, но они были использованы в ряде случаев очень разумно и грамотно.

На что они были использованы? Целый ряд организаций приобрели офисы, то есть стали независимы даже при повышении арендной платы, которым им постоянно угрожало московское правительство. Они обрели устойчивый персонал. Они приобрели значительное количество техники. Вокруг этих организаций сконцентрировалось большое количество профессионалов — людей, которые понимают, что такое политическое участие, поскольку получили прекрасное образование, в том числе и зарубежное, и могли четко и грамотно выстраивать свою политику.

Итак, до середины 90-х годов гражданское общество, не участвуя в массовых демонстрациях, занималось устойчивой самоорганизацией. Из 350 тысяч негосударственных, некоммерческих организаций, которые зарегистрированы в Министерстве юстиции, по оценкам всех без исключения экспертов, 10-15 процентов (а это значительная часть) работают как профессиональные общественные структуры самоорганизации.

Здесь говорилось, что партии значат очень мало. Я с этим согласна. Но кроме партий есть и другие структуры гражданского общества — те, о которых я говорю, в том числе и Фонд Горбачева. У нас очень много аналитических структур, которые существуют как общественные, гражданские, независимые, некоммерческие организации. Они вносят громадный вклад в развитие той самой демократической политической культуры, о которой здесь уже говорили. Я думаю, что результаты этой деятельности мы уже можем наблюдать.

На следующем цикле выборов, на смену Ельцину пришел Путин. Но еще до выборов Путина, были выборы 99-го года. С точки зрения политического участия, на мой взгляд, это был очень серьезный рывок, очень серьезный скачок в развитии демократического общественного движения и с точки зрения политического сознания, и с точки зрения политического участия. Что именно произошло тогда?

Гражданские союзы существовали либо в виде отдельных организаций, либо профильных сетей. Например, все экологи собирались в союзы экологических организаций. Все женщины — в сети женских ассоциаций. Все противники армии или

сторонники реформы армии — в коалицию за альтернативную гражданскую службу. Все общественные организации, которые интересуются детьми, — в коалицию «Гражданское общество детям». Все беженские организации — в форум беженцев России, и т.д. — я могу долго перечислять. Факт в том, что каждый существовал в своей нише. Именно в 99 году, когда была значительна угроза фальсификации выборов со стороны власти, все значимые сети — от политических или тех, которым безразлична политика (например, «Мемориал»), до тех, которые занимались совершенно не политическими вопросами (молодежные, женские, экологические) объединились в некоторую единую сеть, которая сначала называлась «Гражданское общество. Выборы-99», а потом меняла свое название, превратившись в коалицию «Мы, Граждане!».

Таких сетей стало появляться много. Какую они ставили общую задачу? Первое и самое главное — осуществлять гражданский контроль над реализацией властью своих главных властных задач в период формирования власти, то есть в период выборов.

Все мы наблюдали сегодняшние выборы не «с чувством удовлетворения», у нас растет подозрительность, возникает чувство, что «неправильно Вешняков считал». У меня — данные общественных наблюдателей, которые продолжают работать в сети коалиции «Мы, Граждане!». Это более 600 организаций во всех регионах России — от Калининграда до Сахалина. Вот подробные оценки протестного голосования: по Тюмени — 19 процентов, по Орлу — 18 процентов, по Владивостоку в четырех регионах — 12, 10 и 15 (почему-то у Вешнякова только 4 процента). По Нижнему Новгороду — около 30 процентов в ряде регионов. По моим личным оценкам или оценкам коалиционных наблюдателей, протестный процент гораздо выше. Это — голоса «против всех». Мы считаем, что и явка была завышена. По нашим оценкам, явка была значительно ниже.

Чтобы оценить политическую культуру и политическую активность, нужно иметь адекватные данные. Не забывайте, что этим гражданским организациям ни олигархи не платили, ни Сорос не платил, ни Вешняков не платил. Это я готова доказать. Это легко проверить, посмотрев на счета Коалиции и на то, как она работает.

В течение 5 лет мы работаем без единого гранта западных спонсоров. Это было сделано намеренно, чтобы не получать упреков в том, что мы реализуем интересы западных инвесторов. Но это стало возможно только потому, что до этого, в течение шести лет шло накопление ресурсов. Мы не можем сказать, что нам не помогали западные инвесторы. Конечно, помогали, 10 лет помогали, но сейчас гражданские союзы в состоянии сами ставить задачи и их реализовывать.

Сейчас фиксируются очень серьезные тенденции в общественной жизни, которая позиционирует себя отдельно от власти и выстраивает свою политическую культуру, не считая, что личная неудача Немцова — это провал демократов и демократии. Или что провал Явлинского — это конец демократическим преобразованиям.

Студенты Высшей школы экономики, которую создавали Гайдар, Шохин и Ясин (всем хорошо известные) — это правый электорат. Но и они не чувствуют провала и развала, а наоборот, организуют семинар за семинаром по выстраиванию новой логики строительства демократического движения. За этот период сформировалось поколение, которое пропитано демократической, европейской культурой.

Я категорически не соглашусь с тем, что Россия от Европы отделена Китайской стеной. Более того, гражданские активисты, с которыми мы работаем, начиная с 89-го года, когда «Интерлигал» создавался, и когда уже в рамках коалиции работало больше 600 организаций, — это люди, которые впитали в себя такие понятия как права человека, свобода, неотчуждаемые свободы. Они никогда не согласятся с тем, что эти свободы у них отнимают. Это не массовое сознание, но оно не может быть массовым сразу. Это сознание, я думаю, около 15-ти процентов населения. Разве этого мало? Я считаю, что это громадная часть населения, которая пропитана европейскими демократическими ценностями, а не демонстрирующая их из желания выглядеть демократами перед партией власти, или из желания угодить зарубежным донорам. Среди них есть люди, которые сформировали свою политическую культуру, когда были диссидентами (им сейчас за 60 лет, и они всю жизнь такими были, им меняться не пришлось), но есть 20-30-летние, которые входят в жизнь как сознательные граждане.

Во время последней избирательной кампании привлекали студентов Высшей Школы Экономики, которые живут в пригородных городах Москвы. Они провели больше 10 акций по пропаганде прав наблюдателей: они не агитировали «против всех», наоборот, они всех агитировали за выборы. Они проводили местные акции: «Город против наркотиков», «Город за демократического мэра», «Прими участие в выборах», участвовали в конкурсе плакатов, где рисовали, что такое «политическая тень» (это — ничего не значить, когда ты не ходишь на выборы), и что такое «выйти на политический свет» (это — отдать свой голос за демократию). Такое движение постепенно начинает овладевать значительным слоем молодого поколения.

Гринберг Р.С.

Я согласен с первым тезисом графа Ламбсдорффа — нет наций, которые в принципе не были бы готовы к демократии, и ответственная власть должна заботливо поливать ее ростки. Правда, в России теперь это не очень принято, многие весьма серьезные люди говорят, что мы исторически приговорены к авторитаризму. Мол, 90-е годы — всего лишь какой-то исторический зигзаг, после которого мы возвращаемся к старому.

Я категорически против таких представлений. В России вот уже полтора десятка лет продолжается попытка построить что-то похожее на демократическое общество. Это очень мучительный процесс. Он может ускоряться либо приостанавливаться. Главное — не отчаиваться. В этом отношении ФРГ во второй половине XX века, может быть, переживала свой золотой век. Там была создана почти идеальная модель жизни — плюралистическая демократия, гражданское общество, сбалансированная федерация и социальное рыночное хозяйство. В каком-то смысле даже ненормально, что абстрактная теоретическая модель (ордолиберализм) почти полностью была реализована. Другое дело, что жизнь не стоит на месте: возникли новые проблемы, которые требуют решения. Демократия всегда в кризисе, в сущности, это ее форма жизни. Только постепенно преодолевая кризисы, она укрепляется и развивается.

Второй тезис, с которым я согласен, гласит: парламент должен определять политику. Между тем в России сложилась политическая система, в каком-то смысле напоминающая режим личной власти. Президент любого может назначить министром и любого может отстранить от должности. При этом и назначенный, и уволенный не несут ответственности ни перед парламентом, ни перед народом. Другое дело, что передача даже части теперешних полномочий президента парламенту в России — теперь совсем не модная идея, и, наверное, не скоро станет таковой.

Приемлем для меня и тезис о непропорционально мощном влиянии телевидения. Я, правда, добавил бы «и денег». Комбинация телевидения и денег создает такую силу, против которой никаким наблюдателям бороться невозможно.

Теперь о том, с чем я в принципе не могу согласиться. Особенно это касается утверждения, что положение президента теперь настолько укрепилось, что он может, наконец, начать «истинно либеральные реформы». Необходимо подчеркнуть, что именно такого рода реформы проводятся в России уже более десятка лет, начиная с 1991–1992 г.г., когда, как известно, сложились наиболее идеальные условия для либеральной модернизации. Их результаты известны. Социальная цена такой «модернизации» оказалась столь высокой, что необходима как раз серьезная модификация проводимого сейчас социально-экономического курса. Без этого страна обречена, с одной стороны, оставаться в тисках массовой бедности, а с другой — превратиться в часть «мирового технологического захолустья».

Как известно, бывает либерализм идеологический и рационально-прагматический. Я настаиваю на том, что в России на протяжении всего постсоветского периода практиковался именно идеологический либерализм, т.е. в политике реформ не учитывалась специфика места и времени. В присутствии наших уважаемых немецких коллег уместно, мне кажется, заметить, что в постсоциалистическом мире только две страны — Германская Демократическая Республика и Российская Федерация — в полной мере пережили настоящую шоковую терапию. Единственная разница между ними именно в том, что в течение 90-х годов, ежегодно для 17 миллионов человек в быв-

шей ГДР переводились 100 млрд. долларов, в то время как Россия вместо собственной модернизации оказала неожиданно крупную помощь западным странам в размере 200 млрд. долларов за счет утечки капитала. И если в первом случае «сетка социальной безопасности» была обеспечена (при всех моральных издержках присоединения), то во втором — социальное бедствие было запрограммировано. Надо ли удивляться, что российский народ проголосовал против именно «таких» реформ?

Но парадокс ситуации состоит в том, что как раз в тот момент, когда разочарование реформами растет, предлагается так называемая либеральная модернизация, под которой понимается ничто иное, как целая серия непопулярных реформ. И очень печально, что такой подход находит широкую поддержку в западном истеблишменте.

Оспарю еще один тезис: раз гражданское общество и демократия возможны в любой стране, то, что требуется делать в зрелом обществе, можно осуществить и в переходных странах, где строительство, так сказать, цивилизованного капитализма только начинается. Убежден, что здесь не только нельзя унифицировать цели и средства, но, наоборот, — надо дифференцировать их в зависимости от разных фаз модернизации.

Воистину, черт прячется в деталях. Скажем, когда президент Путин выступал со своей блестящей речью (без иронии) в немецком бундестаге, он сказал о том, что мы добились некоторых выдающихся успехов. Среди них он назвал введение плоской (13 процентов) шкалы налогов на личные доходы. Тогда лидер Вашей партии встал и начал громко аплодировать. На мой взгляд, он слишком упрощенно представляет социальную ткань в нашей стране. Дело в том, что преждевременная валютная либерализация или преждевременное применение плоской шкалы вело и ведет только к дальнейшей поляризации доходов и деградации инфраструктурных отраслей. Другими словами, эти хорошо известные способы либерализации в одном случае оправданы, в другом — нет. В общем — «каждому овощу свое время».

Надо ясно отдавать себе отчет в том, насколько чудовищно разнятся условия, в которых делается попытка добиться

«стройности» социального государства в теперешней ФРГ и российская ситуация, в которой «непопулярные» реформы предлагаются народу, почти половина которого находится ниже черты бедности.

В ФРГ в целях экономии социальных расходов идет, в сущности, спор о том, чтобы безработный мог отдыхать на Канарских островах за счет казны не две недели, а неделю. Чтобы он неделю отдохнул, а потом начал бы искать работу. В России же принципиально другая история, определяемая тем, что половина страны находится на грани чистого выживания. Когда речь идет о простом выживании, вряд ли кто-то будет думать о демократии и правах человека. В общем, приходится считаться с тем, что российские адепты идеологического либерализма, к сожалению, используют риторику, а не практику Запада. А это сплошь и рядом совсем разные вещи.

Теперь по поводу позиции Юрия Сергеевича Пивоварова. Я полностью согласен с ним и даже шутливо сказал Михаилу Сергеевичу Горбачеву: слава Богу, что политики не так, наверное, хорошо разбираются в российской истории. В противном случае они не начинали бы ничего делать, заранее зная, что у нас нет никакого выбора. Есть только постоянный вопрос — что лучше произвол власти или власть произвола? Ничего другого якобы не существует, и мы вынуждены все время выбирать между «холерой» и «чумой». Я с этим не согласен. По сравнению с 1917 годом, когда у нас было полгода свободы, сейчас как-никак — уже 15 лет. Пусть преобразования во многом ущербны, но их финал открыт, и дальнейшее развитие событий не в последнюю очередь зависит от нас.

Игрунов В.В.

На мой взгляд, то, что мы переживаем, очень похоже на события, которые происходили во Франции в конце XVIII и начале XIX века. Когда в свое время в 1987 году я об этом написал, наши социологи и политологи затопали ногами. Я тогда предупреждал по поводу ускоренного развития. Горбачева все время подталкивали. А мы помним, что случилось после созы-

ва Генеральных Штатов во Франции, когда контроль над процессом был утрачен и стихийно произошел слом государственности.

Любая революция опасна для страны, которая её переживает. Тем не менее, мы пережили свою революцию. Если предыдущие 4 года можно было бы назвать периодом Термидора, периодом некоторого синтеза вновь приобретенных институтов, навыков, идей и старой культурной традиции, то сегодня я чаще всего пользуюсь словом «реставрация». Возможно это — слишком сильное слово. Но в отличие от коллеги Пивоварова я не испытываю по этому поводу пессимизма. Казалось бы, мне, всю жизнь потратившему на модернизацию нашего общества, на излете жизни столкнувшись с реставрацией, надо было бы впасть в некоторый пессимизм. Ничего подобного.

Предшествующий выступающий, коллега Гринберг сказал совершенно точную фразу — в начале XX века мы имели полгода демократии, худо-бедно в начале XXI века мы имеем 15 лет. И финал не предопределён. Мы не знаем, как будут развиваться события. В этом смысле, я думаю, что у России есть много перспектив.

Пользуясь тем, что здесь находятся немецкие коллеги, я хотел бы оттолкнуться от их выступлений. Итак. Я считаю, что финал не закрыт, что у Путина есть очень много возможностей для развития. Именно в силу авторитарного характера его власти, он может сделать вовсе не то, на что его так усиленно подталкивает общественное мнение. У него есть люфт и есть возможности. Авторитарный властитель в России часто бывал реформатором — это и Александр I, и Александр II, и Михаил Сергеевич, и Никита Сергеевич и т.д. Поэтому я считаю не предрешенным исход развития. Тем более, здесь Нина Юрьевна Беляева сказала о том, что у нас в гражданском обществе есть силы, которые могут работать сегодня в том же диссидентском режиме, в каком они работали до перестройки.

Что меня поразило в выступлении коллеги Шрёдера? Возможно, я имел дело с неточным русским переводом. Возможно, русский язык более жесток, и переводчик представил выступление господина Шрёдера почти как обвинение нас, рос-

сиян, в том, что мы установили авторитарную власть, провели несправедливую приватизацию, что у нас слишком сильное расслоение, которое толкает к тому развитию событий, которое есть. Я еще раз хотел бы сказать, что я не полемизирую с коллегой Шрёдером, я полемизирую с тем переводом, который был у меня в ушах.

Я хотел бы спросить: уважаемые немецкие коллеги, вы не чувствуете части вины в том, что происходит у нас в России? Я думаю, что часть такой вины есть и у вас. Господин Ламбсдорфф сказал, что у нас, россиян, хорошая Конституция. Но господа, у нас плохая Конституция, у нас авторитарная Конституция, у нас Конституция а-ля 1906-й год. И эту Конституцию нам навязали под дулами танков, когда нам вывернули руки. А вы, на Западе, аплодировали этому. И вы подталкивали к этому решению. Вы подталкивали к этой приватизации.

Я помню декабрь 90-го года, когда я подвергся шквальной критике ваших немецких коллег-либералов, которые мне говорили: «Как ты смеешь защищать Горбачева? Горбачев — это бревно, которое лежит у вас на пути демократизации. Надо, чтобы Горбачев ушел, и у вас будет все хорошо». Когда я говорил о той культурной инерции, которая существует, которую блестяще описал господин Пивоваров, мне отвечали: «Ничего подобного — русские, как и все остальные, готовы к демократии. Только Горбачев вам мешает. Он должен уйти». Горбачев ушел. Мы пережили следующую драму революции. Но эта драма революции развивалась в соответствии с той культурной инерцией, которая существует в любом обществе.

Я хотел бы сказать, что Франция, развивавшаяся на гораздо более благоприятной почве, в гораздо более спокойных условиях, провела почти 100 лет до тех пор, пока окончательно установила демократию у себя. По крайней мере, ей для этого понадобилось 90 лет.

Вы же подталкивали нас к созданию демократических институтов и демократического общества в считанные годы, а может быть и месяцы. Результат — это наша реставрация.

Я хотел бы предупредить всех: сейчас мы переходим к мирному периоду. У нас было хаотическое развитие, когда политики действовали не осмысленно. После полного цикла мы

приступаем к решению тех же задач заново, но уже осмысленно, с хорошим слоем политологов, с хорошими общественными предпосылками, так что успех обеспечен.

Холодковский К.Г.

Мне кажется, что главная коллизия нашего времени обрисована, как ни странно, в послевыборной дискуссии 7 декабря двумя лицами.

С одной стороны, Жириновским, а с другой, Сатаровым. Жириновский утверждал, что Россия есть Россия, и в ней ничего меняться не может. Россия — это страна монархическая, и в ней будет, если не царь, то генеральный секретарь или авторитарный президент. С другой стороны, Сатаров напомнил, что Советский Союз развалился из-за того, что это была слишком жесткая система. «Хотите сделать еще более жесткой систему? — Тогда развалится Россия».

Мне кажется, что в этом и состоит коллизия. С одной стороны, современные условия толкают Россию к эффективной современной демократии. С другой стороны, Россия еще не готова к этой демократии, не готова психологически, прежде всего, не выстрадала еще демократию.

Если мы присмотримся к социологическим опросам, мы увидим, что примерно 1/3 населения остаются приверженцами демократии. Я думаю, что это хорошо, потому что этого не было ни 50, ни 100 лет тому назад. В этом смысле, я думаю, Юрий Сергеевич Пивоваров ошибается. Однако, если присмотреться к тому, как понимает российское население демократию, то окажется, что есть небольшое меньшинство интеллигентных людей, которые понимают демократию примерно так же, как ее понимают на Западе, но для основной массы тех, кто вербально, декларативно эту демократию признает как ценность, мне кажется, характерны три непонимания.

Первое. Не понимают, что демократия — это сложный механизм, это процедура, это совокупность неких структур и, соответственно, существует явная недооценка этих структур. Отсюда негативное отношение к партиям, к профсоюзам не только потому, что они плохи у нас, но и, так сказать, изначально.

Как же понимается тогда демократия? Демократия понимается, прежде всего, как хорошая власть, которая ничем не опосредована в своих отношениях с обществом. Это не столько даже власть народа, сколько власть для народа, хорошее правление.

Второе непонимание. Многие считают, что демократия — это власть большинства и точка. Но они не понимают, что это не только власть большинства, но это и обеспечение прав меньшинств. Если мы припомним то, что было 10 лет назад, и сравним с теперешней ситуацией, то тогда именно активное меньшинство накладывало отпечаток на происходящее. Сегодня все больше на происходящие события накладывает свой отпечаток пассивное большинство.

Третье непонимание. Непонимание, что демократия не валится с неба. Она требует активного гражданина, требует деятельности, требует защиты прав, требует давления на власть, на государство. В этом отношении то, о чем повествовала сегодня Нина Юрьевна Беляева, чрезвычайно обнадеживает, потому что есть уже сдвиги и на этом направлении.

Мне кажется, что если есть какие-то способы сейчас переломить ситуацию, то эти способы связаны с двумя вещами.

Во-первых, с тем, что явилось предметом рассказа Нины Юрьевны Беляевой и это, наверное, главное. Это деятельность самих масс, низов общества, направленные на отстаивание каких-то конкретных интересов, на достижение каких-то конкретных требований. И именно в этих практиках переламывается пассивное ожидание демократии или каких-то благ, сваливающихся сверху.

Второе. Политическое просвещение масс — то, с чем у нас дело обстоит чрезвычайно плохо. Потому что ни власть, которая, очевидно, мало заинтересована в этом, ни российские интеллигенты, российские ученые, социологи и политологи этим не занимаются. Конечно, здесь ключевой позицией является телевидение. И если мы хотим что-то изменить, наверное, одним из требований должно быть действительно общественное телевидение. Если битвы вокруг необходимости общественного телевидения, произойдут, они, очевидно, могут решить многое. Но, конечно, в отсутствие этого положение тоже небезнадежно.

Через преподавательскую деятельность, через газеты, через тех людей, которых можно назвать лидерами общественного мнения, может переламываться ситуация, может меняться застарелое непонимание того, что представляет собой демократия, и того, что необходимо сделать, чтобы эта демократия состоялась. Может быть, власть своим сопротивлением демократии тоже примет какое-то участие в этом процессе, то есть она даст народу понять, что означает это отсутствие демократии для рядового гражданина, для рядового человека — заставит понять, что демократия необходима.

Дробижева Л.М.

Уважаемый Юрий Сергеевич, я хотела бы выступить в Вашу поддержку и одновременно с контрверсией.

С одной стороны, Вы совершенно правы. Мы в чем-то сильно изменились, а в чем-то не изменились. Но все-таки, мне кажется, нам важнее сейчас — учитывая атмосферу в обществе — понять, в чем мы изменились. Поэтому я приветствую выступление Нины Юрьевны Беляевой, и хотела бы коротко сказать о том, что изменилось за последнее время в понимании того, какие мы, россияне.

Один из главных выводов, который мы должны сделать на основании результатов прошедших выборов — вывод об огромном разнообразии России. Об этом говорит, например, сравнение результатов голосования в Якутии и Татарстане. Якутия дала нам высшие, по сравнению со всеми, цифры голосования за «Единство», но на втором месте СПС — 12 процентов; в Татарстане оказалось 50 процентов проголосовавших за «Единство». За этими цифрами, безусловно, стоят разные по своей природе явления.

Для понимания России много дают исследования, позволяющие дать сравнительную перспективу: Россия и другие страны. Сейчас в Институте Социологии РАН закончены два таких исследования. Главный вывод первого (его автор В. Магун) состоит в том, что принципы протестантской этики, которая считается чисто западным феноменом, распространяются и в России. Особенно это характерно для молодежной среды.

Другое сравнительное исследование (Россия — Германия — США), которое закончил В.А. Ядов, показало, что современный российский рабочий по ряду характеристик ближе к европейскому (в данном случае, к немецкому), чем к американскому. Так, например, ему важно, чтобы отношения с начальником, которого он признает как руководителя, было дополнено человеческим контактом с ним (не оставалось чисто формализованным).

Еще об одном сходстве России с Германией. Русские, как когда-то немцы, пережили травму (вспомните Веймарскую республику), и сейчас они демонстрируют протестное голосование — отдают голоса Жириновскому или «Родине». В 90ые годы происходил кризис русского самосознания — социологически, это фиксировали и ВЦИОМ, и Институт социологии. Однако кризис проходит, складывается новая русская идентичность, и этот процесс обусловлен, прежде всего, болезненной реакцией населения на развал Советского Союза.

Развал СССР вызвал еще один процесс, который сближает нас уже с современной Германией — речь идет о высоком притоке эмигрантов. Опасно то, что наша молодежь, которая, кажется, демократически ориентирована, этнически не толерантна. Это выявило голосование за «Родину» и ЛДПР. Но то, что происходит у нас, происходит и в Европе, в том числе в Германии. И не продуктивно, если мировая общественность будет беспрерывно повторять: «вы, русские, — другие». Такая позиция «работает» на негативные, антидемократические процессы в России.

Горбачев М.С.

Я высоко оцениваю наши побратимские связи, которые демонстрируются здесь. Я еще раз приветствую Фонд Науманна. Думаю, реальный опыт показывает, что мы можем довольно успешно и интересно сотрудничать. Более того, я думаю, что мы заинтересованы в этом: немцы заинтересованы в успешной, демократической, стабильной России, а мы заинтересованы в сотрудничестве с немцами. Это тоже не новость, это

традиция для Европы, это был наш выбор в истории. Сегодня мы должны об этом помнить.

Теперь что касается прозвучавших здесь суждений о нашей демократии. Напомню еще раз один исторический эпизод. Приехала французская делегация в Китай, встречается с премьер-министром Чжоу Эньлаем. И, в частности, задают вопрос: «Господин премьер, скажите, как Вы оцениваете итоги и влияние Французской революции в мире?» Одна минута раздумий, и Чжоу Эньлай отвечает: «Еще рано подводить итоги».

Нам же, кажется, все уже ясно — и немецким друзьям, и нам. Мы во всем разобрались и уже можем выставлять оценки. Это несерьезно. Несколько лет назад в Москву приехала французский профессор Лили Марку, которая написала несколько книг о России. У меня с ней состоялась беседа. Она сказала: «Вас все критикуют за то, что Вы действовали медленно, нерешительно. Я считаю, что это неправильно. Вы навязали слишком быстрый темп перемен. В такой сложной стране, как Россия, подобный темп нельзя было выдержать».

Тут был политический интерес: одни критиковали за одно, другие — за другое. Это борьба крайностей. Тому же, кто ведет взвешенную, ориентированную на национальные интересы политику, всегда будет трудно. Я думаю, судить о нашей демократии, о том, что мы сделали за это время, надо с учетом нескольких обстоятельств.

Вы хотите, чтобы у нас была такая же демократия, какая она сейчас у вас. Я должен сказать, что и мы этого хотим. Но вы считаете нас более талантливыми, чем вы сами. Я согласен, что мы талантливы, но не настолько. Вам потребовалось 200 лет для того, чтобы создать демократию. А от нас хотите — за 200 дней. У нас уже были 500 дней.

Поэтому, дорогие друзья, в том числе присутствующие здесь Отто Граф Ламбсдорфф, Фальк Бомсдорф и все остальные, прошу иметь в виду, что в лице России вы имеете дело с самым сложным объектом для реформирования. Более сложного нет. Даже Китай, огромный по масштабу, проще, чем Россия. Здесь — и набор всех наций и языков (225 языков и наречий). Здесь все мировые религии, здесь огромные пространства, здесь страна, созданная в результате работы на окраинах на протяжении столетий. «Ядро» в какой-то мере надорвало

себя: это результат войны, выбившей десятки миллионов самых активных людей; результат милитаризма и много другого. Очевидно, что Россия — очень сложный объект для реформирования. Поэтому — первое, надо учитывать фактор времени.

Второе. Сейчас уже общепризнанно, что навязывать демократию штыками, танками, ракетами — абсурд. Прежде всего, должны быть отвергнуты любые превентивные удары и превентивные меры. Потому что иначе мы должны сказать: нам безразличны культурное многообразие, менталитет, исторический опыт, этническое разнообразие. Сегодня даже убежденные демократы отвергают этот путь.

Демократы должны встать на защиту языка, культуры, литературы и истории. Мы должны сберечь культурное многообразие. Мы что же, будем бороться за то, чтобы в мире не стало меньше видов животных и растений, а себя будем уничтожать и выравнивать цивилизационным катком? Вот это будет настоящее «равенство», о котором могут договариваться только те, кому нужна свободная торговля, чтобы торговать, используя свои преимущества, навязывая свои правила — а народ этого не принимает. Кстати, Толстой одним из первых сказал в начале XX века: «Я не принимаю прогресс, который отторгает Восток». Восток не в смысле географии, а Восток в смысле культуры и истории.

Мы не можем допустить, чтобы превентивными ударами навязывались права и свободы, формы демократии. Надо идти в рамках исторического процесса, вписываться в этот исторический процесс. 80 стран в последней четверти XX века (я говорил об этом, открывая заседание) вступили на путь демократических преобразований. Значит, мир идет в правильном направлении, но нельзя навязать всем одно и то же, — это не проходит. Поэтому, как хорошо сказал профессор Пивоваров, «мы сильно изменились» и «ничего не изменилось». Потому что существуют различия в опыте, в менталитете, которые заложены столетиями. Их нельзя «перемолоть». Их надо учитывать, а не топтать.

Я думаю, демократия будет успешной, но сейчас мы переживаем процесс критического отношения к ней со стороны нашего населения. Почему? — Потому что у нас были абсолютно провальные социальная политика и социальные преобразования. После распада Союза две трети населения оказались за

чертой бедности и у черты бедности. Надо остановить процесс разрушения народа. Демократия будет демократичной, если она будет опираться на средний класс, если разовьется малый и средний бизнес, если учительство и ученые обретут высокий социальный статус, ибо без науки, без образования невозможно даже думать о будущем.

Сегодня более 50 миллионов избирателей не пошли голосовать. Часть проголосовавших (я сомневаюсь, что только 5 процентов) проголосовали «против всех». Это — кризис той демократии, которая сложилась у нас, кризис методов управления страной.

Вместе с тем люди верят, что Президент все-таки что-то сделал за первый период своего правления и что на него можно делать ставку в будущем. Потому что остальные фигуры людям неясны. Те, кто пошел на выборы, на первое место поставили отношение к Президенту. Голосование за «Единую Россию» — это отношение к Президенту, который заявил своим патронаже, о прямой поддержке «Единой России». Поддерживая Президента, люди отдали голоса той партии, на которую он собирается опираться. Людям трудно разобраться в ситуации во всех деталях, но если они сделали ставку на Президента, они перенесли ее на «Единую Россию».

Проиграли правые партии, СПС в первую очередь, проиграли из-за того, что они страшно далеки от народа: рассуждают, выдвигают лозунги, а люди живут в бедности, некоторые — просто в нищете. Поражение правых партий — это провал либеральной политики в том виде, как она проводилась у нас, в России.

Последнее. Мы не завершили переход от тоталитаризма к демократии. Это надо тоже иметь в виду нашим друзьям. Не объяснять, что у нас и того нет, и другого нет, и что-то не получается, а действовать так, как мы поступаем сегодня — вести диалог, обмениваться идеями и опытом.

Наша номенклатура, не выдержавшая испытания демократией, опять пробирается к власти. У нас сложная ситуация, она обусловлена и прошлым опытом, и менталитетом народа, и теми задачами, которые мы решаем сейчас. Но я остаюсь оптимистом — мы на правильном пути.

Фадеева Л.А.

Я представляю один из регионов России, Пермскую область. Для того, чтобы объяснить мою позицию по обсуждаемым вопросам, позвольте сделать небольшое пояснение о специфике нашего региона.

В эпоху Горбачева Пермь считалась политическим болотом, в силу того, что регион демонстрировал слабую реактивность на катаклизмы федерального уровня. Исследователи пермской политики отмечали преобладание позиции «выжидательности» как со стороны местных «верхов», так и со стороны «низов» по отношению к тому, как определится доминанта российской политической жизни и каким образом это может сказаться на судьбе региона. Впервые существенное место на страницах центральных СМИ Перми было отведено совсем недавно в связи с созданием Пермского края. Референдум проходит 7 декабря, и абсолютное большинство избирателей (70%) проголосовали за объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Таким образом, Пермь выступила пионером в процессе укрупнения субъектов Российской Федерации.

Это отнюдь не означает отсутствия демократических процессов в регионе. Демократизм пермяков выражается, прежде всего, в отношении к основной форме политического участия — участию в выборах. Регион демонстрирует устойчивые демократические предпочтения на выборах всех уровней. По мнению политолога Ф. Туровского, Пермскую область по типу электоральной культуры можно отнести к «столичному типу», поскольку жители Пермской области голосуют на выборах так же, как жители Москвы и Петербурга. Последние выборы, в Государственную Думу подтвердили устойчивость этой тенденции: в регионе СПС получил 8,7% голосов, «Яблоко» — 5,5%. В регионе действует Целевая программа развития политической и правовой культуры населения Пермской области на 2002-2006 гг. В настоящее время мы проводим серию семинаров по гражданскому образованию. Я говорю обо всем этом отнюдь не для отчета. Сегодняшняя дискуссия идет о демократии, а демократия имеет разные измерения.

Кирилл Георгиевич Холодковский сказал: «И все-таки надо тащить народ к этой демократии хоть за уши». Вопрос — к какой демократии? Надо иметь ввиду, что представление о демократии — тоже элемент демократии. Демократия как некое явление, как феномен включает в себя не только объективные, но и субъективные явления и процессы, включающие представления людей о демократии. Вы помните, в советские времена были модны дискуссии о западном обществе на тему: «Какая демократия? Для кого?». Их целью было доказать, что реально демократия на Западе существует для немногих.

На самом деле такой же вопрос или такие же вопросы могут быть сейчас адресованы российскому обществу. Какая демократия? Для кого? Что люди включают в понятие «демократия», что они считают демократичным или недемократичным. От этого зависит отношение людей к реформам. В частности, в Пермской области, анализ тенденций развития политического сознания жителей показывает, что в общественном мнении идет увеличение числа людей, разочарованных в реформах, однако, полного разочарования в рыночных реформах не наступило: они продолжают быть ценностью для довольно значительного числа людей. Люди хотят, чтобы реформы были ориентированы на отечественного товаропроизводителя, имели «человеческое лицо».

Люди хотят «достойного правления» (a good government), об этом тоже говорил К.Г. Холодковский. Лозунг достойного правления — это же не российское изобретение, это очень популярный английский термин. Это — один из компонентов представления о том, что в стране есть демократия.

Второй момент, о котором мне хотелось бы сказать, связан с тем, что действительно, в последние 30 лет (Михаил Сергеевич Горбачев с этого начал свое выступление), происходит крушение авторитарных режимов — переход от авторитаризма, но к чему? К демократии. А к какой демократии? Представление о чистой, стерильной, замечательной демократии с ее критериями озвучил профессор Шрёдер, говоря о демократии, основанной на экономически развитом обществе, большом среднем классе, обществе не фрагментированном, а интегрированном, хорошо бы еще с гражданской культурой. Такой демократии, на самом деле, в последние десятилетия не

удалось построить нигде. Вот почему, применительно к латиноамериканским, восточноевропейским, а также российским реалиям, политологи стали использовать, может быть, не слишком удачные, не слишком красивые определения: «делегативная демократия», «управляемая демократия», «формальная демократия», «фасадная демократия». Можно этот перечень продолжать.

Более того, в последние годы активизировался вопрос о том, если демократия в Америке, есть ли демократия в Европейском Союзе. Можно вспомнить позицию Йошки Фишера, высказанную в его скандальной речи насчет того, что на самом деле в ЕС нет никакой демократии, а есть брюссельская бюрократия с ее полным доминированием в политическом плане. В связи с расширением ЕС идет дискуссия насчет того, будет ли демократия сохранена или, наоборот, новые страны создадут опять нечто непонятное, со всякими прилагательными, не слишком привлекательное. Во всяком случае, вопросы о демократии бесконечно стоят перед обществом и не только в России. А проблема американской демократии после последних президентских выборов и войны в Ираке? Трудно себе представить сейчас кристально чистый образец демократии, который бы Россия могла взять и пересадить на свою почву, если бы такая пересадка была в принципе возможна. Поэтому лично мне представляется, что выражение «гибридный режим» не такое уж оно страшное: сочетаются разные стороны — старое и новое.

И опять же применительно к общественному мнению, результаты социологических исследований показывают, что если разделить демократию на компоненты, то некоторые компоненты определенно занимают в иерархии ценностей для людей значимое место. Если говорить о ценностях, то права человека однозначно воспринимаются обществом, как очень важное, о чем следует заботиться.

Нина Юрьевна Беляева говорила о том, что молодое поколение, (например, студенты Высшей школы экономики) демократично, для него права человека — «номер один» в системе ценностей. Я могу привести пример из нашего опыта работы с учителями по гражданскому образованию. Мы проводили семинар в Музее политических репрессий Пермь-36, в котором

принимали участие учителя из самой глубинки, из сельской местности. Они рассказали такой случай: ученик, отвечая на вопрос об эпохе Ивана Грозного, написал: «Толком про эпоху плохо что помню, только помню, что права человека нарушали. Это было очень скверно». И исследования социологов, и практика российской жизни доказывают, что права человека как ценность уже довольно серьезно укрепились в общественном сознании.

Социолог Григорий Кертман рассказывал на III Всероссийском конгрессе политологов о том, что как бы люди ни ругали выборы, как бы им ни не нравилось слово «электорат», но когда задается вопрос, может быть, стоит отменить выборы или предложение отменить выборы, то ответ однозначно негативный — нет. Выборы надо сохранить. Какими бы они ни были, но они должны быть сохранены. Большинство россиян не только признают важность многих демократических политических институтов, но и не соглашаются на их ликвидацию даже во имя обеспечения порядка в стране — наиболее популярного лозунга в России на протяжении всех последних лет. Так, свободными выборами ради обеспечения порядка в стране готовы были пожертвовать всего 6 % опрошенных граждан России, свободой средств массовой информации — 7 %, правом свободного въезда и выезда из страны — 7 %, правом частной собственности, свободой частного предпринимательства — 11%, свободой митингов, забастовок, других массовых акций протеста — 12%. Правда, многопартийностью ради обеспечения порядка готовы были пожертвовать существенно больше — 20 % опрошенных. Социологи объясняют это общей слабостью, неразвитостью политических партий и кратковременностью функционирования института многопартийности в современной России.

Г.Г. Дилигенский писал в одной из последних своих работ: «В России есть некоторые устойчивые группы массового политического сознания (как, впрочем, были и всегда, но проявлялись в различных соотношениях) — сторонники реставраторских тенденций и сторонники принципов экономического и политического либерализма. Но и те, и другие занимают, скорее, маргинальное положение сейчас. Основную же массу населения характеризует «гибридное», «промежуточное» сознание,

соответствующее облику самого общества и его институтов. Именно поэтому ему подходит название «постсоветское»: оно уже не вполне советское, но и не может в силу своей незавершённости быть определённно каким-либо собственным, содержательным понятием».

К этому сознанию применим также эпитет «переходное», в том смысле, что он отражает незавершённый, неустойчивый характер общественных структур, альтернативные возможности их развития. Поэтому я насчет того, что российское общество переходное — может быть, не так уж это и плохо, значит, оно живое.

Борко Ю.А.

Я бы хотел решительно возразить против тезиса, который выдвинул Вячеслав Владимирович Игрунов — о том, что Запад виноват в том, что у нас произошло. Не виноват Запад в этом.

Во-первых, потому, что у Запада очень мало возможностей реально влиять на события в России. Не только на то, что произошло, но и на то, что будет и в плохом, и в хорошем. Вся жизнь мировая влияет — это верно — на развитие Запада. Но целенаправленное воздействие Запада крайне ограничено. Может быть, хорошо, если бы оно было больше.

Во-вторых, потому что в эпоху таких трансформаций, как сейчас, любые решения тех, кто стоит у власти, очень ограниченно влияют на реальные процессы. Потому что скорость и характер изменений в такие периоды определяется не тем, что думают на верхах, а изменениями в ментальности десятков миллионов людей. За 15 лет у нас произошел такой гигантский перелом, что люди не в состоянии были полностью это осознать, и сейчас они только начинают это осознавать. Вот в чем проблема.

Конечно, возможно, демократы могли бы сделать больше, но одно из моих разочарований состоит в том, что демократические силы, попросту говоря, оказались несостоятельными в этой ситуации. Они не смогли консолидироваться и использовать тот демократический потенциал, который был на рубеже 90-х годов. Но это другой вопрос.

Что нас ждет? Очень трудный период, я думаю. Я полностью согласен с господином Ламбсдорффом, когда он сказал, что таких благоприятных условий для изменения ментальности, образа мыслей и поведения миллионов людей, для формирования новой демократической ментальности не было прежде в истории России. Причин этого две.

Первая. Россия уже не в состоянии закрыться от мира. Глобализация плюс международный терроризм вкуче с фундаментализмом (в данном случае с исламским), плюс информационная революция привели в тому, что «закрыть» Россию стало невозможно. Мы, сидя в своей комнате, себя чувствуем землянами.

Вторая (об этом говорил Лукин): глубинные процессы трансформации только разворачиваются. Я горячо поддерживаю профессора Беляеву, профессора Дробижеву, когда они говорят о новом типе мышления и образа действия миллионов людей. 3–4 года назад русский философ Владимир Кантор написал книжку «Феномен русского европейца». Когда была презентация, мы спорили, сколько же — 20–25 или 30 процентов населения — фактически, являются людьми этой формации.

Когда встречаешься с молодым поколением студентов, аспирантов, молодых преподавателей, поражаешься тому, насколько это новое поколение. Но беда в том, что десятки миллионов людей, уже мыслящие и действующие по-другому, еще не осознают себя таковыми. Они не понимают, что такое социальная солидарность, социальная ответственность, социальная связь. Вот когда они осознают это, мы перестанем быть атомизированным обществом, о котором говорил профессор Шрёдер. Мы только в начале этого процесса.

Действительно у российского государства есть два лица: реформаторское и корпоративно-охранительное лицо, которое выражает давнюю традицию российского государства — корпоративный класс чиновничества, который путает свои интересы с интересами государства и нации. Вот тут есть колоссальная опасность, потому что возможен разрыв рыночной экономики и демократии, которые в историческом плане связаны, но в конкретной ситуации могут быть разорваны.

Процесс становления рыночной экономики у нас будет продолжаться, развиваться, но это может быть государствен-

но-бюрократический капитализм. Это — тоже рыночная экономика, которая нас по-прежнему будет связывать с мировой экономикой, но процесс становления демократических институтов может быть гораздо более длительным. И в этом реальная опасность. Я не исключаю, что в какой-то период мы будем действительно жить в условиях авторитарного государства. В какой степени оно будет авторитарным, зависит от силы российского общества.

Мне кажется, что нам нужно думать о том, что делать сейчас реформаторским силам. Их лидеры оказались прекрасными ораторами, с трибуны конгресса народных депутатов прекрасно говорили. Они оказались плохими политическими менеджерами и бойцами. Разрыв между партиями и российским населением остался огромным. Партии не превратились из трибунных в партии действия.

Поэтому самая главная проблема в том, чтобы участвовать в формировании ячеек гражданского общества. Будь то правозащитные организации, «зеленые» организации, организации защиты беженцев, которые прибыли на российскую территорию. Мне кажется, это самое главное. Может быть, нам не хватает фигур, подобных Леху Валенсе, соединяющих популизм, программу и политическую решительность.

Чем может помочь нам Запад? Я думаю, что возможности Запада весьма ограничены. Может быть, самое сложное в том, чтобы найти какой-то разумный баланс: считаясь с определенными особенностями, не очень красивыми чертами нашей жизни, уметь, тем не менее, этот баланс находить, чтобы партнерство и сотрудничество укреплялось.

Ивашников К. В.

Не желая повторяться, я лишь обозначу моменты, которые мне кажутся важными.

Как уже было совершенно верно подмечено, большинство населения России под демократией понимают совсем не то, что под этим принято понимать на Западе. Ведь формально она существовала и в Советском Союзе. Было декларировано народовластие, существовали выборные органы. Более того,

если бы произошел катаклизм и из всех документов эпохи Сталина осталась только его Конституция, историки судили бы об этом периоде как о наиболее демократическом в истории нашего отечества.

Поэтому я хотел бы уточнить термин. Надо говорить о «либеральной демократии». То есть о той демократии, которая признала безусловный примат большинства при принятии решений, но постулирует учет мнения меньшинства и ведущую роль человека по отношению к государству.

В российском обществе демократии было придано еще одно не свойственное ей значение. Произошло это, как мне кажется, в 1993 году, и сейчас достигло если не пика, то уже достаточно прочно закрепилось: демократия стала пониматься не как свобода борьбы политических партий, свобода мнений, но как власть одной партии демократов.

Если Ельцин после расстрела парламента собрал вокруг себя некую демократическую группу, на которую в дальнейшем опирался, то сейчас, говоря о поражении правых на выборах, говорят о том, что проиграла идея демократии. Но выборы эти были, как признано наблюдателями, законными. Подсчет голосов, который ведет КПРФ, отличается от официального очень незначительно. Поэтому говорить именно с демократическими институтами происходит что-то не то, мне кажется, не совсем верно. Надо говорить о кризисе именно либеральной идеи, т.е. о кризисе одной из позиций, которая является ведущей в современном мире, но которая в России демократию, по сути, обесценивает.

Как совершенно справедливо заметил Михаил Сергеевич, диалог очень важен, очень важно обсуждать все эти вопросы, но одна из черт русской демократии состоит в том, что свобода слова обернулось обесцениваем слов. Можно сколько угодно говорить и сколько угодно апеллировать к власти, но поскольку отсутствует гражданское общество, его институты находятся в зачаточном состоянии, отсутствует возможность общества осуществить реальный контроль. Этому примеров масса. В России уже который год идет чеченская война, которую многие называют гражданской. Если даже не использовать столь сильную терминологию, все равно идет война, и гибнут люди. Но общество не выражает никакого протеста. Более то-

го, никакой обеспокоенности, кроме той, которую высказывает незначительная группа людей, после последних выборов перешедших в стан маргиналов. А это самые правые либеральные силы.

У Владимира Сироткина есть книга «Демократия по-русски», в которой он описывает специфические черты того, что в России является демократией: он говорит о преемственности советским режимом дореволюционного устройства (место царя занял Генеральный секретарь, место дворянства — заняла партия и прочее, прочее). Мне кажется, что эти элементы самодержавного сознания нельзя не учитывать, их нельзя переломить путем реформ и путем разговоров. Они существуют. И выборы явились показателем того, насколько народ далек от того идеала, в виде которого его хотела бы видеть интеллигенция, хотели бы видеть правые.

Мне кажется, что упрек правым, что они далеки от народа, не совсем справедлив, поскольку они далеки от «другого» народа, но близки к тому, что присутствуют на конференциях, что учатся в университетах и т.д. Идти на контакт с другим русским народом — это, мне кажется, будет пагубно, что показала очевидная попытка «Яблока» апеллировать к нему путем демонстраций, фотографий встречи Путина и Явлинского. Это только оттолкнуло часть избирателей.

Мне кажется, в данном случае правильнее было бы повторить слова из «Белой гвардии»: «народ не с нами, народ против нас». И смирившись с результатами выборов, решить для себя вопрос: нужна ли демократия для подавляющего большинства населения России и не станет ли ее внедрение в тех или иных формах новым большевизмом, поскольку придется ломать очень глубокие архитипы сознания, что вряд ли это может произойти быстро и бескровно.

Кузнецов М.И.

Я хотел бы начать с того, что не согласен с выводом, который сделал Михаил Сергеевич Горбачев. Он сказал, что номенклатура не выдержала испытания демократией. С моей точки зрения, наоборот, номенклатура как раз доказала, что

она выдержала испытание демократией и сохранилась. Это печальное событие, и нам нужно это осознать и попытаться увидеть настоящее на этом фоне.

Я согласен с Ю.С. Пивоваровым, что власть в России значит больше, чем в других странах. Если иметь в виду рыночную терминологию, то, я бы сказал, что власть в России — это наиболее конвертируемая валюта. У меня такое впечатление, что собственность никогда и не отделялась от власти. По сути, собственность в России давалась на кормление и отбиралась в случае необходимости. Мы видим сейчас то же самое. Более того, мне кажется, произошла специфическая «склейка» понятий: правые, либералы, демократы. Всегда, когда слышу «я демократ», вспоминаю, скажем, такую народность, как саамы. Если вы посмотрите в словаре, после «саамы» в скобках написано: «самоназвание». Демократы мы или нет, как правило, мы узнаем тогда, когда получаем власть. А пока власти не получили, очень многие готовы называть себя демократами.

Что касается других особенностей, которые имеют значение для оценок того, о чем здесь говорили коллеги, то, мне представляется, что российское общество было маргинальным в специфической форме закреплённой маргинализации.

Здесь говорили, что деревня за короткий период перешла в город и не закрепились. И действительно, анализ даже таких маленьких патриархальных городов, как, например, Мышкин, показывает, что глубина укорененности в городе — полтора поколения. На самом же деле, советские люди прикреплялись пропиской, ожидаемой квартирой, зарплатой и т.д.

Если говорить о власти нынешней, о власти президента Путина, то можно рассматривать эту власть, как устойчивое положение Президента. В этом смысле прошедший период его правления, был именно таким. А власть как способность реализовывать, проводить в жизнь некие идеи — мы пока еще не видели, тем более, что президент, видимо, имея в виду свое происхождение из известной организации, демонстрирует не себя, не свои взгляды, не свои намерения, не свои программы, а некую легенду президента, чаще всего, зачитывая очень многие тексты. В этом смысле его собственные высказывания очень часто — раздражение на какую-то ситуацию, когда он

может на журналиста определенным образом вылить свое раздражение, или дает указание и т.д.

Мне представляется, что мы именно сейчас можем увидеть намерения Президента, которые могут быть реализованы в следующем цикле. Потому что на самом деле все демократические институты, которые мы таковыми считаем, — судебная власть, парламент — показали себя как технические, а не демократические институты: Президент вызывает к себе руководителей партий и с ними встречается; Президент вызывает к себе председателя Конституционного суда; Президент вызывает к себе (даже по случаю их дня рождения), выдающихся актеров. Это приучает общество к определенному восприятию Президента.

И последнее, о выборах. Разговоры относительно гражданского общества, гражданских организаций, дискуссии — это настолько несущественно в свете того, как в целом была организована кампания не в ее конкретном проявлении во время выборов, а в период последнего полугодия. Были возбуждены низменные эмоции граждан — агрессия, межнациональная рознь. Это было разлито в воздухе. И в этом — гигантская негативная роль последних выборов для населения и для становления демократии в России.

Шейнис В.Л.

Мне импонирует общий настрой, дух, направление поиска, которые доминируют на происходящем здесь обсуждении. Можно понять и разделить разочарование итогами парламентских выборов, которое отчетливо проявляется в дискуссиях, которые ведутся в эти дни в различных залах и на страницах демократической печати. Но первая обязанность и политика, и исследователя — не предаваясь отчаянию, постараться осознать, что произошло, почему это произошло и как выглядит перспектива дальнейшего развития событий. Не плакать, не смеяться, а понимать — говорил Спиноза.

Результаты декабрьских выборов многие комментаторы поспешили объявить «оглушительными». Так ли это? Я утверждаю, что ничего исключительного, чрезвычайного, чего никак

нельзя было ожидать, на этих выборах не произошло. Это видно не только при сопоставлении их итогов с прогнозами и опросами, но и с предшествовавшими парламентскими выборами 1999 г.

И все же изменения есть. Главное из них — слом четырехсекторной структуры парламента и электората, которую фиксировали все выборы, начиная с 1993 г. Эта модель выглядела так: демократы, «партии власти» (или квазицентр), коммунисты и некоммунистические (подчас даже антикоммунистические) националисты. Существовали четыре основные политические ниши, в каждой из них располагались один-два монополиста и аутсайдеры, состав которых от выборов к выборам менялся. Известная инерционность в электоральном поведении наших граждан сохранилась. И можно отметить сохранение приверженности больших групп избирателей партиям (политическим образованиям) — фаворитам прежних выборов.

Но, во-первых, в значительной мере угасла интрига, которую прежде задавало противостояние соизмеримых по влиянию сил и непредрешенность результатов голосования. Во-вторых, менее привлекательной оказалась демократическая позиция: значительная часть прежних избирателей демократических партий либо ушла к другим, либо — в основной части — просто не пришла на выборы. В-третьих, расколотая на выборах 1999 г. на два враждующих клана «партия власти» (или, точнее, «партия при власти») консолидировалась и эффективно использовала все преимущества собственного положения и инструментарий своего создателя и покровителя. Следует отметить, однако, что «Единая Россия» получила в процентном выражении примерно столько же голосов, а в абсолютных цифрах — меньше, чем «Медведь» и «Отечество» в 1999 г. Ее доминирующее положение в Думе определили скромные результаты конкурентов, бонус, достающийся крупной партии при распределении мандатов партий, не преодолевших барьер, и контроль в одномандатных округах. В-четвертых, некоторые перестановки произошли в составе тех сил, которые фактически или номинально противопоставляют себя власти с позиций социального популизма и национал-державнической демагогии. Часть прежнего коммунистического электората перешла к новообразованию, одним из лидеров которого стал политик,

взращенный самими коммунистами, и к партии, казалось, угасавшей от выборов к выборам, но возродившейся в новой политической атмосфере, — партии, именующей себя либерально-демократической, но не имеющей никакого отношения ни к либерализму, ни к демократии и вообще являющейся не партией, а небесталанно организованной клакой непревзойденного демагога и политического клоуна.

Если же сопоставить политико-идеологическое обеспечение платформ, которые большая часть конкурировавших меж собой сил выкатила перед избирателями, то нельзя не заметить их сходства, экспансию социальных, националистических, державнических лозунгов из тех секторов, где они зарождались, по всему политическому полю. В целом, произошло не то чтобы укрепление позиций главной политической партии как таковой, созданной Кремлем для обслуживания своих интересов в парламенте, а существенное ослабление всех противостоящих или хотя бы отличных от нее сил. Это — в электорально активной части общества. А в самой Думе, учитывая еще большую зависимость от центральной власти (и от выстроенных ею региональных властей) депутатов-одномандатников по сравнению со «списочниками» соотношение сил, надо полагать, станет складываться в еще большей степени в пользу победителя.

Таковы, в общих чертах, главные изменения партийно-политического ландшафта в стране. Чему они обязаны? Напрашивается ответ, лежащий на поверхности, — административному ресурсу вплоть до прямых фальсификаций итогов голосования. Насколько это объясняет случившееся? Что до грубых фальсификаций — вброса соответствующим образом заполненных бюллетеней, переписывания протоколов и т.п., то подобные факты, вероятно, имели место, что и было зафиксировано в отдельных случаях наблюдателями. Можно предположить, что в некоторых субъектах Федерации, прежде всего в ряде республик Волжского бассейна, Северного Кавказа они носили достаточно распространенный характер, но я не думаю, что в целом по стране они были больше, чем на прошлых выборах и решающим образом изменили картину голосования. Намного важнее был собственно административный ресурс — управление голосованием избирателей посредством

контроля над СМИ, прежде всего, электронными (что отметили международные наблюдатели), прямые предписания, адресованные зависимым людям, оттеснение конкурирующих политических сил от средств информации и финансовых источников, включение избирательных комиссий в механизм «управляемой демократии» и т.д.

Все это имело место. И все же главное, что определило разочаровавшие демократов итоги голосования, — это реальные сдвиги, произошедшие (конечно, тоже не без административного воздействия, но не только благодаря ему) в общественном сознании и поведении. Сказалась, во-первых, электоральная усталость на фоне некоторой социально-политической стабилизации и экономических улучшений. К урнам не пришли несколько миллионов избирателей, принимавших участие в предыдущих выборах. Процент явки сократился с 62 до 55%. Можно предположить, что это в основном были люди, принадлежавшие к протестным слоям населения и неконформистской политической культуры.

Во-вторых, в настроениях значительной части общества под влиянием разных факторов произошел антилиберальный сдвиг, фиксируемый многими социологическими опросами, прорезался запрос на так называемую «социальную справедливость». Запрос этот исходит далеко не в первую очередь из самых бедных, обездоленных слоев — скорее от тех, кто, почувствовав отвердевшую почву под ногами, стал с завистью поглядывать на раздражающие образцы пришедшего в страну потребительского ажиотажа, бесстыдно демонстрируемых на экранах ТВ и уличных билбордах. Дело ЮКОСа, лидеры которого были избраны властью для показательной расправы по политическим мотивам, стало катализатором. Нужды нет, что как раз эта компания в большей степени, чем многие другие, отвечала современному представлению о социальной ответственности бизнеса. Массовое сознание такие тонкости не фиксирует — раздражают миллиардные доходы владельцев компании. И поэтому то, что было вопиющим нарушением гражданских прав и извращением судебных процедур для части общества, наиболее приверженной демократическим ценностям, большинством населения было принято как начало восстановления «справедливости». Экономически безграмотные

рассуждения о переделе природной ренты, исходившие из уст дутых авторитетов, широкими слоями народа, не имеющими ни малейшего представления о ренте как экономической категории, были приняты на ура. В этом климате возбужденных страстей традиционные идеологи перераспределения богатств — коммунисты, попользовавшиеся деньгами «олигархов», были оттеснены партиями, разжигавшими люмпенские вожделения.

В третьих, обострился так называемый «веймарский синдром» — проросшее под влиянием впечатляющих демонстраций мощи бывшего соперника — США болезненное чувство утраты державного величия. Из кругов зараженной этим чувством политической элиты обостренные устремления «назад в СССР» — могучую мировую державу, с которой должны «считаться» ближние и дальние, — стало проникать в более широкие слои населения. И картинка разжигающего ничтожный конфликт политика мелкого пошиба, овеваемого ветрами на косе возле о. Тузла, в сознании этих людей стала восприниматься чуть ли не как символ, сравнимый с первым российским президентом на танке в действительно критический исторический момент.

Вот эти и некоторые другие склонения и настроения, возобладавшие в обществе, вывели на политическую авансцену победителей декабрьских выборов. Не надо строить иллюзий: избранный парламент в общем представляет тот расклад, который существует сегодня в российском обществе. Правда, одновременно существенно снизилась роль парламента. И дело вовсе не только в том, что Конституция оставляет ему мало власти. Хотелось бы поспорить в этой связи с оценкой, которую здесь до меня дал Вячеслав Игрунов Конституции 1993 г. Да, она была принята под аккомпанемент танковых выстрелов. Но, во-первых, не следует забывать, что до танков был мятеж, штурм мэрии и Останкина бандами реваншистов. Обстрел Белого дома, откуда была сделана попытка перевести острый политический конфликт, в котором были повинны обе стороны, в вооруженную борьбу, подавил гражданскую войну в зародыше. А во-вторых, хотя это была Конституция победителя, в целом она не так уж и плоха. Да, парламенту в ней «не додано» прав. Но юристы хорошо знают различие

между Конституцией реальной и формальной, Конституцией «в книгах» и «в жизни».

Взять хотя бы те же выборы. В 1989 г и 1990 гг. выборы проводились по очень несовершенному избирательному закону советских времен. Но проходили эти выборы в условиях общественного подъема, порыва к свободе и дали они поразительные результаты, стали исторической вехой. А последние выборы проводились на основе тщательно разработанного, в основном соответствующего мировым демократическим стандартам закона — и мы получили то, что имеем. Все дело в том, что исторический период, начало которому положила перестройка Горбачева, завершился. Развитие прошло высшую точку, описало параболу и находится в нисходящей фазе. Возможно, низшую — до следующего подъема — точку мы еще не прошли. Из нашей жизни почти ушла публичная политика. А вне публичной политики парламент мало чем отличается от погремушки...

Парламентские выборы прошли, на календаре — выборы президентские. Очень многое парламентскими выборами (хотя не только ими) предопределено. Очевиден победитель. Очевидно отсутствие у него сильных конкурентов и, следовательно, предопределен значительный его перевес на выборах. Достаточно вероятно поэтому, что победа будет завоевана в первом туре. Некоторые сомнения вызывает лишь явка избирателей, но на президентские выборы у нас обычно приходило больше избирателей, чем на парламентские, а опыт натягивания явки у нас велик.

Не очевидно — что станет делать победитель после выборов. К концу первого срока президента Путина его курс определился следующим образом. В экономической политике — умеренно либеральные реформы. Во внутренней политике — последовательная и систематическая ликвидация всех независимых (и полузависимых) очагов власти и влияния. Во внешней политике — ориентация на включение в сообщество демократических государств после американской трагедии 11 сентября 2001 г. приобрела известную определенность, хотя и после того не всегда была последовательной. В отличие от времени первого российского президента ситуация в мировой экономике и политике была для Путина в общем благоприятной, расширяла открывавшийся перед ним коридор возможностей,

чем он и воспользовался для укрепления собственной власти. Как будут развиваться события дальше, насколько совместимы будут очерченные выше три политических вектора — сегодня сказать трудно, если не невозможно.

Если непосредственное влияние общества на решения, которые принимаются сейчас и будут приниматься в главной государственной «комнате с кнопками управления» предельно ограничено, если сигналы о действительных интересах и потребностях общества не исходят от его организованных (в том числе и оппозиционных) сил и не транслируются через независимые СМИ, а интерпретируются внутри узкой, соответствующим образом подобранной властной группы и ее экспертов, если публичное обсуждение болезненных проблем (таких, как Чечня, деятельность силовых ведомств и спецслужб, функционирование судебной системы и т.д.) табуированы, то реализация даже субъективно честных намерений власти оказывается под вопросом. Не говоря уж о том, что в выстраиваемых сегодня корпоративных государственных структурах общественные интересы неизбежно оттесняются интересами частными. Иными словами — власть, не ограниченная эффективным общественным контролем, неизбежно будет воспринимать и реализовывать частные интересы, выдавая их за общественные.

Можно ли рассчитывать, что наша власть будет более или менее искусно проводить назревшие реформы, как это иногда бывало в истории России — достаточно вспомнить деятельность Александра П или Горбачева? Или прав был Чернышевский, написавший в известном письме Герцену: «Прощайте и помните, что уже сотни лет губит Русь вера в добрые намерения царей»? У меня нет ответа на этот вопрос. Непреложным же представляется следующее. Первейшая задача сегодня — сохранить все те зародыши, очажки гражданского общества, которые пришли в нашу жизнь с горбачевской перестройкой. На меня, как и на всю аудиторию, произвел большое впечатление прозвучавший здесь рассказ Нины Беляевой о деятельности неполитических общественных организаций. Надо воздать должное и пожелать всяческих успехов общественно озабоченным, самоотверженным людям, работающим в «Мемориале», Обществе потребителей, Комитете солдатских матерей и др.

Но не следует предаваться иллюзиям. Никакие общественные структуры, как бы важны и эффективны они ни были, не могут заменить демократические политические партии. Между тем, именно судьба двух главных демократических партий в России — «Яблока» и СПС поставлена под вопрос прошедшими выборами. По-видимому, выжить они смогут, критически переосмыслив свою деятельность, проведя необходимую реорганизацию, обучившись жить, работать, привлекать сторонников, не имея трибуны и фракций в парламенте. Как это сделать — специальный разговор, который, однако, нельзя откладывать. Без восстановления демократического фланга в российской политике события могут принять достаточно опасный, даже трагический оборот. Развитие почти всегда носит альтернативный, а не жестко детерминированный характер. Мы сейчас так же, как и много раз в прошлом, находимся перед развилкой, и энергия демократической интеллигенции должна быть направлена на то, чтобы затормозить нисходящую линию развития и оказать влияние в той мере, в какой это возможно, на перелом хода событий. От того, произойдет такой перелом через 5–10 или через 20 лет, зависит жизнь каждого из нас и жизнь всего общества.

Краткая биография Отто Графа Ламбсдорффа

Отто Граф Ламбсдорфф родился 20 декабря 1926 года в Аахене. Женат, имеет троих детей.

С 1932 по 1944 год учился в школе в Берлине и Бранденбурге. Сразу после окончания школы был призван в вермахт и в 1945 году, после тяжелого ранения, попал в американский плен.

С 1947 по 1950 год Отто Граф Ламбсдорфф изучал право в университетах Бонна и Кельна. В 1952 году ему присвоена степень доктора юридических наук. С 1955 по 1971 год он занимал руководящие посты в банковских учреждениях, затем стал членом правления одной из крупнейших страховых компаний Германии.

С 1951 года Отто Граф Ламбсдорфф является членом Свободно-Демократической партии Германии. В 1972 году был избран депутатом Бундестага и оставался им до 1988 года. С 1977 по 1984 год Отто Граф Ламбсдорфф занимал пост Федерального министра экономики.

С 1998 по 1993 год был председателем Свободно-Демократической партии. В настоящее время вместе с Гансом-Дитрихом Геншером является почетным председателем этой партии. Кроме этого Отто Граф Ламбсдорфф — председатель правления Фонда Фридриха Науманна, одного из крупных политических фондов Германии. С 1999 по 2001 год специальный представитель Федерального канцлера по выплатам компенсаций лицам, находившимся на принудительных работах в Германии во время Второй мировой войны.

Отто Граф Ламбсдорфф принадлежит к графскому роду Российской империи, большинство его предков были российскими поданными. Изначально графы Ламбсдорффы жили в Вестфалии, в западной части Германии. Первые упоминания о них относятся к концу XXI века. Ветвь всех ныне здравствующих членов семьи Ламбсдорффов восходит к Матвею Ивановичу Ламбсдорффу, генерал-лейтенанту царской армии, первому губернатору Курляндии воспитателю будущего Императора Николая Павловича и Великого князя Михаила Павловича. В 1817 году Император Александр I пожаловал ему наследный титул Графа Российской Империи. Другой предок — Владимир Ламбсдорф занимал с 1900 по 1906 г. пост Министра иностранных дел России. Дед Графа Ламбсдорффа был офицером запаса

русской армии, а его отец воспитывался в Императорском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге.

Отто Граф Ламбсдорфф — специалист не только в области экономики, но и в вопросах внешней политики и безопасности. Как никто из немецких политиков он знает Соединенные Штаты и их элиту; со многими уже несколько десятилетий он находится в тесном контакте, некоторые относятся к числу его друзей. Тесные отношения поддерживает он и с Россией, которой служили его предки. Первые контакты с Россией он установил еще в 70-е годы в качестве Федерального министра экономики. С начала 90-х Граф Ламбсдорфф наладил многочисленные связи с представителями новой России. Каждый год как Представитель Фонда Науманна он бывает в России, чтобы проводить встречи и принимать участие в мероприятиях Фонда; при этом он бывает не только в Москве, но и в российских регионах.

В Германии Граф Ламбсдорфф принадлежит к плеяде крупных политических деятелей последней трети XX века. Он стал одним из создателей политической культуры страны. Его четкие суждения, высказанные о важнейших политических и общественных проблемах, оказали влияние на ход политических дискуссий. Знамениты интервью, данные им телевидению и прежде всего, немецкому радио, где Граф Ламбсдорфф очерчивал контуры той или иной проблемы и определял пути ее решения. При этом Граф Ламбсдорфф всегда подтверждал репутацию человека ясных формулировок. Он никогда не пытался использовать СМИ, чтобы создать собственный определенный имидж и в соответствии с этим преподнести себя. Успех и популярность в немецких политических кругах Граф Ламбсдорфф завоевал в значительной мере именно благодаря тому, что никогда не старался казаться не тем, кто он есть на самом деле. Как говорят немцы, он всегда оставался верен себе.

Сегодня Граф Ламбсдорфф один из старейших государственных деятелей Германии. Его мнение эксперта, умение вести переговоры востребованы, как и прежде. Как и его готовность, последовав за призывом канцлера, заняться работой, связанной с компенсацией лицам находившимся на принудительных работах, показывает, он не уходит от решения соответствующих задач — и трудится на благо страны и общества. Поэтому неудивительно, что в Германии часто можно услышать сетования на то, что таких людей, как Отто Граф Ламбсдорфф, слишком мало.

**«ПЕРЕСТРОЙКА 20 ЛЕТ СПУСТЯ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»**

30 июня 2004

Участники дискуссии:

1. **Андреев Д.А.** — к.и.н. доцент (МГУ)
2. **Баранов А.С.** — кандидат культурологии, доцент (РГСУ)
3. **Бахтурина А.Ю.** — к.и.н., доцент (РГГУ)
4. **Воробьева О.В.** — к.и.н., доцент (Липецкий Государственный педагогический университет)
5. **Горбачев М.С.** — Президент Горбачев-Фонда
6. **Долуцкий И.И.** — историк
7. **Есяян Ю.В.** — член правления СДСМ, Санкт-Петербург
8. **Зверева Г.И.** — д.и.н., профессор РГГУ, (*ведущая дискуссии*)
9. **Здравомыслова О.М.** — к.ф.н., руководитель Общественно-политического центра Горбачев-Фонда
10. **Ивашников К.В.** — аспирант (РГГУ)
11. **Иоффе Ю.Б.** — член правления, председатель программно-политической комиссии Социал-демократического союза молодежи (СДСМ) Санкт-Петербурга
12. **Карпов А.И.** — председатель СДСМ Санкт-Петербурга
13. **Каспэ И.М.** — аспирантка (РГГУ)
14. **Климов И.А.** — Институт социологии РАН
15. **Кузнецов М.И.** — вице-президент Фонда Плеханова, член СДПР
16. **Леонтьев К.** — Союз Советской молодежи
17. **Либман А.М.** — Институт международных экономических и политических исследований РАН
18. **Лобанов Н.А.** — Институт славяноведения и балканистики РАН
19. **Митрохин Н.А.** — к.и.н., Международный Мемориал

30 июня 2004 год

20. **Палажченко П.Р.** — руководитель службы международных контактов (Горбачев-Фонд)
21. **Прозоров В.Б.** — к.и.н., доцент (МГУ)
22. **Славин Б.Ф.** — д.ф.н., профессор (Горбачев-Фонд)
23. **Федорова Е.С.** — член Российского Социал-демократического союза молодежи
24. **Цепцов В.А.** — Институт психологии РАН
25. **Черняев А.С.** — к.и.н., (Горбачев-Фонд)
26. **Чечель И.Д.** — к.и.н., старший преподаватель (РГГУ)
27. **Шмидт В.Р.** — Московская высшая школа социальных и экономических наук
28. **Юхневич К.В.** — студент-историк (РГГУ)

ТЕМА: ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Образ «нового поколения»

Каспэ И.М.

Термином «поколение» можно пользоваться как инструментом, принимая за аксиому, что история состоит из поколений и на смену старшему обязательно приходит младшее. Меня же поколения интересуют не как инструмент, а как объект исследования.

Поколенческая общность (будь то общность года рождения, или исторического опыта, или статуса) в одних культурных и социальных ситуациях оказывается особенно важна и всячески подчеркивается, в других — может не оговариваться вообще. В определенных ситуациях возникает «поколение» (более или менее устойчивый образ, с которым удобно идентифицироваться и который удобно идентифицировать, распозна-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

вать) — в определенных ситуациях история начинает осмысляться и описываться именно в поколенческих терминах.

Понятие поколения в последние годы, безусловно, востребовано. Сошлюсь лишь на один пример: в название одного из относительно недавних выпусков программы Михаила Швыдкого «Культурная революция» был вынесен вопрос: «В России растет потерянное поколение?». Участникам передачи и ее зрителям предлагалось разделить ощущение «разорванного прошлого» — выросли «дети перестройки», то есть «поколение, никогда не жившее в Советском Союзе».

Иными словами, «конфликт поколений» (а это один из традиционных элементов поколенческой риторики) описывается через проблему непонимания, отсутствия общего языка, невозможности коммуникации, взаимодействия. «Младшее поколение» обозначается как нечто чужеродное, иное, непознаваемое, говорящее на принципиально другом языке. Такой образ «нового поколения» сейчас чрезвычайно распространен. Он имеет множество вариантов, именно к нему, в конечном счете, сводятся разговоры о том, что «современные дети ничего не читают», или читают, но какие-то «другие» книги, «уходят в Интернет» и т.д. Этот разрыв кажется закономерным — действительно, повороты сопоставимые по масштабу с тем, который произошел в нашей стране, случаются не так уж часто. Категория «поколения» в данном случае как раз и позволяет провести границу между «советским» и «постсоветским», причем рубежом будет вторая половина 80-х годов — подразумевается, что «дети перестройки» рождаются и вырастают в новом обществе.

Здесь нужно подчеркнуть другой момент — само понятие поколения, его востребованность, непосредственно связаны с символами «перестройки». Я имею в виду не только символы обновления и перемен, но и меняющееся восприятие истории, новый способ говорить о прошлом: первоначальная программа «назад, к Ленину», идея заполнения «белых пятен» — все это разрушало не только образ последовательного движения вперед, к коммунизму, но и вообще упрощенный образ линейной, логичной, последовательной истории. Понятие поколения соединяет представления о разрыве и преемственности, о новизне и норме (когда социальные нормы распадаются, «поко-

ление» олицетворяет «нормальную», «естественную» смену жизненных циклов) и, в том числе, поэтому оно оказалось столь значимым. Темы молодости, «молодого поколения» попали в число первых «перестроечных» тем — то есть были признаны проблематичными и открыты для публичного обсуждения.

О «перестройке и поколениях» много писали социологи первого ВЦИОМа — Ю.А. Левада, Б.В. Дубин. Дубин в одной из статей замечает, что проблема молодых регистрировалась на языке и с точки зрения старших. В самом деле, достаточно вспомнить, как смотрелись многочисленные фильмы о молодости и о молодых, снятые теми, кто уже не мог отождествить себя с молодым поколением. «Молодые» зрители не столько следили за основным сюжетом, сколько отмечали появление тех или иных узнаваемых поколенческих символов. Для «старших» авторов фильма эти символы, как правило, так и оставались непонятными, нерасшифрованными, а образ «молодого поколения» нередко связывался с молчанием (характерный эпизод из фильма К. Шахназарова «Курьер» — один из второстепенных героев, почти срываясь на крик, доказывает, что его сын всем хорош, но только не говорит ничего о себе, не спорит, не возражает — просто молчит). Иначе говоря, ужас «молчащего поколения», а точнее — непонятного, чужеродного, закрытого для коммуникации, появляется задолго до передачи «Культурная революция» и связан, с одной стороны, с программой интенсивного обновления, а с другой — с распадом представлений о линейной истории, о последовательной передаче опыта.

Я заканчивала школу в конце 80-х и помню довольно специфическое ощущение: те книги, которые воспринимала как новое знание, читали, одновременно со мной, чуть ли не все пассажиры в метро, (а всем нам одновременно приходилось осваивать новые сценарии социального поведения). В каком-то отношении в роли молодого поколения оказалась вся страна.

Конфликт «учителей» и «учеников» в науке?

Юхневич К.В.

Развивая тему «поколение перестройки» нельзя обойти вниманием поколение молодых исследователей и его роль в науке. Естественно, это понятие достаточно растяжимое. Я отношу себя к поколению молодых исследователей, потому что я родился в 83-м году, и начало моей научной деятельности пришлось на конец 90-х.

Для меня и для моих коллег проблемы, поставленные перестройкой, и социальные процессы, которые происходили в это время, оказываются значимыми и сейчас, но для меня лично перестройка — это уже скорее факт научный и литературный. Потому что, когда происходили основные события, я еще не понимал, в полной мере того, что происходит. Это воспоминания личного характера — обрывки постоянных телевизионных трансляций съездов, кухонные разговоры и прочее.

Я считаю, что перестройка внесла в жизнь общества и в жизнь молодых исследователей, в частности, такое важное понятие, как ответственность. Нередко об этом говорилось с самой высокой трибуны. Я даже помню одно из выступлений Михаила Сергеевича: где-то в поле он говорил — «что такое перестройка? — Перестройка — это когда каждый на своем рабочем месте ответственно выполняет свою работу». Это очень примерная цитата. Но эти слова «ответственность» и «личная ответственность» вошли в общественный дискурс и оказали на нас влияние. Мое поколение выбирало темы для своих исследований, абсолютно лично и ответственно, конечно, при определенном влиянии научных руководителей. Но если что-то было интересно вне обязательных курсовых и каких-то других работ, то этим уже можно было заниматься. Такой свободы не было у наших научных руководителей, которые понимали, какие темы доступны для научного изучения — какие разрешены, а какие запрещены.

С этой точки зрения «выбор» — второе, может быть ключевое слово перестройки. Выбор в самом широком понимании. С выбором мы сталкиваемся каждый день. Да, безусловно, нельзя отрицать, что на смену масштабному государственному заказу в гуманитарных науках, пришла политико-экономическая конъюнктура. Но, во всяком случае, сегодня можно уйти от этой конъюнктуры, находиться на маргинальных позициях по отношению к ней, при этом имея возможность сохраниться в науке. Этого были лишены наши научные руководители.

По другому выразилось влияние перестройки на людей, которые встретили ее в расцвете своей научной карьеры. Я вновь говорю о наших научных руководителях, которым сейчас примерно 40–50 лет, а в перестройку им было 25–30 лет, кому-то больше, кому-то меньше. Они учились, кто-то уже успел получить ученую степень еще до начала перестройки. Они, естественно, несут в себе определенную традицию советской научной школы. Но при этом на их глазах произошел распад этой научной традиции, крах многих научных школ. Особенно болезненно это происходило в гуманитарных науках. Это вынуждало в максимально сжатые сроки осваивать немислимые объемы новой информации, используя тот инструментарий, который заложила советская средняя и высшая школа.

Нередко это приводило к упрощенной ревизии научных ценностей, когда запрещенные темы становились лидерами только потому, что они когда-то были запрещены. Например, до перестройки труды историка Льва Гумилева, мягко говоря, критически разбирались в официальных научных журналах (если эти труды публиковались). Период перестройки стал апогеем интереса к этому автору. Официальной властью насаждалась, например, марксистская наука, в ее советском варианте, — в перестройку в отечественной социологии марксистская социология стала подвергаться остракизму. Только сейчас мы приходим к пониманию, что зарубежная социология многообразна и без Маркса ее не было бы так же, как и без Конта, Вебера, Парсонса и других.

Нельзя не упомянуть доступные нам новые источники и методы работы с этими источниками — архивы (особенно это важно для историков), которые были до перестройки закрыты. Мы в 20–25 лет читаем те книги, которые нашим научным руко-

водителям не были доступны. А значит, мы и пишем по-другому. Я думаю, что в дальнейшем, когда, наступит пора защиты кандидатских, отличительные черты пост перестроечного поколения исследователей будут все более и более явственными.

Шестидесятники и восьмидесятники: неоконченный диалог

Воробьева О.В.

В рамках заявленной темы, речь идет о поколении в историко-культурном смысле. В этом значении оно имеет символический характер, характеризуя участников или современников важных исторических событий, людей с общими представлениями или настроениями.

Я против жестких поколенческих макростратификаций, поскольку поколение никогда не существует как однородное целое, в нем всегда выделяется некая группа, которая окрашивает представление о нем (как, например, это было с декабристами или большевиками или шестидесятниками). Эта группа выражает те качества, которыми свойственны определенному времени. В рамках поколения всегда есть целый спектр отстоящих друг от друга позиций и человеческих свойств, и порой, различия внутри поколений куда более фундаментальные, чем между ними. Я знаю шестидесятников с совершенно постсовременным мировосприятием и восьмидесятников с постмодернистским языком, но абсолютно шестидесятнической психологией. Поскольку мир личности — это мир внутренней автономии перед лицом внешних вызовов и детерминант, каждый, будучи представителем определенного поколения, выступает от себя, т.е. переживает свой собственный опыт, свою ответственность, свою сопричастность процессу изменений и обновлений. Я, например, не причисляю себя к поколению восьми-

десятников, хотя именно на это время приходится годы моего становления и учебы в вузе. Существует и феномен «выпадения из поколения».

Думается, что смену поколений нельзя рассматривать как разнонаправленный процесс, скорее, это движение в одну сторону, но с разными скоростями. Для одних это кардинальная смена системы ценностей, для других, — вынужденное приспособление, для третьих — что-то еще...

Проблема поколений — это еще и проблема восприятия и позиционирования, готовности к диалогу, обеспечивающему одновременно преемственность и развитие.

Принимая вышесказанное, мне хотелось бы заметить, что перестройка, а, по сути, резкая смена парадигм (1985–1993), имела своим следствием четко выраженный поколенческий сбой. Этот сбой связан с тем, что в современной России явно присутствует ярко выраженный слой инноваций, которые постоянно взламывают культурные традиции, затрудняя процессы адаптации. Получается, что постперестроечный человек, идентифицируясь, ведет поиски в постоянно изменяющейся среде, т.к. все объекты, с которыми он соприкасается, пребывают в постоянно ускоряющемся движении. То есть ему приходится выбирать среди меняющихся ценностей и новых, которые еще не родились.

Но, признавая *сбой*, если угодно *надлом*, я бы не стала говорить о *разрыве*, о том, проблема отцов и детей носит в современной России ярко выраженный антагонистический характер. Да, изменился характер преемственности. Если прежде молодое поколение в значительной мере опиралось на опыт предков, то с началом перестройки использование только этого опыта перестало давать чувство реальности. Но наряду с этим многое продолжает функционировать, хотя бы потому, что практически все ныне живущие в России поколения в значительной степени вскормлены на советской системе ценностей. В их ментальности эти ценности имеют реальный вес, хотя и в неодинаковых пропорциях. Конфликт, безусловно, есть, но пока он, к счастью, *не внешний, а внутренний*. И от властей в значительной мере зависит, произойдет ли разрыв. Пока же власти разговаривают с народом на непонятном языке непонятно на кого рассчитанным: отцов или детей.

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

В этой связи не может не вызывать тревогу позиция, занятая нашими СМИ, усилиями которых поколенческие размежевания зачастую вводятся «внутри» ценностных идентификаций: динамизм, успех, открытость новому, мобильность, высокий уровень притязаний, независимость суждений, самостоятельность поступков и вера в будущее — это, де, для «молодых», а вот чувство долга, гражданственности, патриотизма, духовности, способность к самопожертвованию, верность профессии — это для «стариков». Более того, сегодня все мы являемся свидетелями того, как современные масс-медиа предлагают молодежи совершенно иную, «имитационную» модель формирования идентичности, в которой мучительные поиски самого себя и места в обществе заменены многообещающими и весьма эффективными технологиями конструирования собственного имиджа. Это осложняется тем что, в условиях оторванности нескольких поколений россиян от своей культуры, молодым навязываются красиво упакованные суррогаты другой культуры. На этот вызов массовой культуры надо как-то отвечать.

Сегодня в России явно присутствует три поколения, которые условно можно маркировать как *«детей оттепели»*, *«детей застоя»* и *«детей перестройки»*. В чем особенность идущего между ними диалога?

Перестройку начинало поколение шестидесятников. К сожалению, перестроечный импульс перемен вызвал острое критическое отношение их последователей ко всему содеянному ими, зачастую подвергая насмешкам их ценности и идеалы. Усилиями тех же СМИ молодым подчас навязывается представление, что их жизнь — это бесцельно прожитые годы. Убеждена, что это не так. Во-первых, потому что, в отличие от последующих, это было *«делающее»* поколение, что все-таки является лучшим вариантом, чем *«ничего не делать»* и при этом пытаться навязывать свои идеалы будущим поколениям. Во-вторых, потому, что в мировосприятии шестидесятников кроются ресурсы, оставленные нами без внимания, которые мы едва начинает осознавать и которые, на мой взгляд, представляют особую ценность для современной духовной и политической ситуации. На мой взгляд, поколение шестидесятни-

ков отличалось каким-то особенным включением обыденной жизни в культуру, и эта культура была лично переживаемой. Отсюда вероятно, их стремление сделать ее более демократичной. Центр их личного сознания был не в субъективности, а в культуре, в исторической традиции. Они были открыты миру, они были готовы к диалогу. Они во многом ошибались, но главная их беда (не вина!) не в этом: они не сумели или не успели создать достаточно широкий слой преемников, которые были бы в состоянии учесть их ошибки и воплотить идеалы на практике. Общество оказалось не готово впитать их идеи. Возможно, это случилось потому, что шестидесятники, по сути, были скорее пропагандистам, чем борцами. На роль духовного и политического лидера среди них мог претендовать, наверное, только А. Сахаров, но он ушел слишком рано.

Мы — дети шестидесятников, и при всех произошедших с нами метаморфозах генетически с ними связаны. Наше детство пришлось на застой, поэтому, в отличие от отцов, мы мыслим его не как препятствие, а как данность. Время оказалось к нам благосклонным. Наша юность совпала с перестройкой, более того, мы успели пережить ранний, наиболее светлый период гласности. Не удивительно, что перестроечная оттепель дала нам увлечение гуманитарными науками, т.к. в нашем мироощущении подспудно присутствовало ощущение, что история в России делает какой-то поворот, и нам определена в нем особая роль. Мы не ощущали поколенческого разрыва. Напротив, тогда казалось, что люди разных поколений, различных профессий и убеждений сходятся в стремлении к общению, диалогу и взаимопониманию. Сегодня понятно, что настоящего диалога тогда не получилось, но все условия для него были.

Фактически мы — поколение трех-четырех годов (1986–1989). В середине восьмидесятых мы пришли в вузы, успели сдать истмат, диамат и прочие идеологизированные дисциплины, чтобы после 1989 г. начать учиться заново, в значительной мере переосмысливая прежнее содержание истории. Только на все это нам оставалось год-два. В 1990 г. иллюзии уходят, и у нас на глазах все рушится. Мы не успели реализовать себя в этом времени, мы только получили импульс, а когда настал момент ответить на него, оказалось, что источник

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

импульса иссяк. Эта атмосфера свободы, улетучившаяся на наших глазах, была одним из самым болезненных переживаний последствий перестройки. Последовавшая за этим коммерсализация общества буквально расколола наш поколение. Одни ушли в бизнес, и им до смысла истории не стало никакого дела. Другие — в науку, опять-таки не сильно заботясь об ее экзистенциальных смыслах. Третьи махнули рукой на Россию, четвертые вообще на все махнули рукой. Люди поколения, о котором я говорю, отчасти смирились с логикой событий, и я не уверена, что такая судьба вызывает у них сожаление. Конечно, среди них есть и такие, которые продолжают верить в бессмысленность своих надежд, но явно не они определяют лицо поколения.

Поколение идущее за нами, поколение выросшее в постперестроечный период, на первый взгляд очень сильно отличается от предшествующих. Наиболее отчетливо конфликт проявляется в сфере материальных интересов, ценностно-нормативной, нравственной и культурной сферах, в сфере объективации социально-типических черт личности. Так, например, явно изменился характер взаимоотношений в системе «человек-общество» в сторону усиления первого компонента в ущерб второму. Это имеет как свои несомненные плюсы, т.к. способствует появлению другого представления о собственном достоинстве, так и минусы, проявляющиеся в частичной утере чувства ответственности за происходящее. «Я отвечаю за все», — это куда-то ушло.

Сегодня много сетуют и по поводу инфантилизации молодежи, не говоря уже о признаках криминализации сознания современных молодых людей. Однако, мне кажется, что у этого поколения подобные крены являются не только признаком неисправимой личностной испорченности, но и моментом роста. Вспоминается, что в свое время много говорили об инфантильности шестидесятников. Видимо, это некое качество культуры в ситуации изменения модели культурного поведения. Отсюда и тип «культурного подростка». С крушением социально значимых личностных связей в культуре и истории человеку приходится переживать новое рождение, чувствуя невозможность соотнести собственные желания со своими возможностями.

Важно другое: сегодня в менталитете постперестроечного поколения явно присутствует очень важная черта, доставшаяся им в наследие от шестидесятников — открытость сознания, дающая возможность и открывающая путь к диалогу. Кроме того, как показывают опросы, в сознании молодого поколения присутствует ориентация не только на постсовременные, но и на традиционные ценности: например, на приоритет прав личности над правами собственности, высокая ценность семьи, которая превалирует над деньгами и карьерой, приверженность общедемократическим нормам. Следовательно, можно говорить не только о конфликте, но и о преемственности.

1993 год, когда закончилась перестройка

Ивашников К.В.

Я воспринимаю перестройку скорее на уровне частной, повседневной жизни, чем на макроуровне политико-экономических реформ. Перестройка — это уникальный период в истории России: реформы, начатые властью, апелляция к народу, лозунги, которые постоянно вбрасывались в общество — «Гласность», «Ускорение» и т.п., вызвали очень необычное, на мой взгляд, состояние общества. В первую очередь, можно отметить атмосферу свободы, обращение к инициативе граждан — именно это позволяет вывести перестройку из ряда предыдущих периодов реформ.

В этом контексте было бы интересно поставить вопрос о том поколении, которое выросло и сформировалось в период перестройки, на глазах у которого, происходили изменения в обществе и которое во всей полноте ощутило эту новую свободу, реализовав ее в формах неформального и кооперативного движений, национальных фронтов и т.д.

В этом смысле, говоря о перестройке, мне кажется возможным несколько раздвинуть ее границы. В современных

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

учебниках финальной точкой перестройки обозначают распад СССР (1991 год), когда изменилась не только политика с экономикой, но и сама география. Я считаю, что если рассматривать перестройку как период специфической общественной атмосферы (системообразующий признак), то можно (на правах гипотезы) говорить о завершении этого процесса не в 1991, а скорее в 1993 г.

Дело в том, что конфликт октября 1993г. показал обществу, что период надежд, когда казалось, что тебя услышат, ты востребован и твоя инициатива, твое дело нужно и оправдано, завершился — борьба теперь идет не за реализацию определенной идеи, а за власть. Людям дали понять, что все вернулось на круги своя, что народ по-прежнему остается лишь орудием в политической борьбе. Власть замыкается на себе, и обществу ничего не остается, как в ответ также замкнуться на своих частных интересах.

В этом смысле для меня очень показателен пример известного телеведущего Александра Любимова: в свое время его программа «Взгляд» была феноменом перестройки — ее смотрели, ее обсуждали, каждый новый выпуск был огромным событием. Но в октябре 1993г. году этот значимый, для поколения перестройки человек, призвал граждан оставаться дома, не выходить на улицы, не участвовать в том, что происходит. Журналистское сообщество осудило это призыв, но в нем, на мой взгляд, кроется глубокий смысл. Смысл в том, что поколение, воспитанное перестройкой, осознало, что оно больше не нужно, что наступило время заняться собой, своим благосостоянием; недаром президентские и парламентские выборы последних лет являют собой яркую картину аполитичности значительно числа населения России.

Подводя итог, хочу сформулировать следующий тезис: перестройка, для меня, во-первых, более растянута во времени, во-вторых, является периодом ментального генезиса поколения, которое сейчас определяет жизнь современной России, преподнеся ему урок несбывшихся надежд и невостребованности.

Дискуссия

Баранов А.С.

Не думаю, что можно говорить о некоем специфическом исследовательском поколении, которое было порождено перестройкой. Читая сегодня любое актуальное историческое исследование, можно достаточно точно определить, к какой историографической традиции относится автор. Можно довольно точно определить год исследования, но очень трудно, за исключением крайних случаев, понять, к какому поколению принадлежит автор. На мой взгляд, все великие исследовательские поколения рождались в те моменты, когда ментальные сдвиги происходили в условиях относительной стабильности, политической и социальной. Перестройка — невероятно лихорадочное время. Невероятно динамичны были изменения информационной среды. Люди, поступавшие в вузы, например в 86-м, 88-м, в 90-м годах, оказывались в разных ситуациях. Я сам был дважды первокурсником в 89-м и в 91-м, в одном и том же вузе, изучал одни и те же дисциплины. Но это были разные вузы и разные дисциплины. А ближайший аналог этим событиям — это скорее десятые годы XX века — студенты 15-го, 17-го, 19-го годов. То есть скорость изменений была слишком высока.

Прозоров В.Б.

Я, скорее, склоняюсь к тому, чтобы согласиться с Кириллом Юхневичем, чем с Александром Барановым. На мой взгляд (я об этом буду говорить в третьей части нашего «круглого стола») есть поколенческий разрыв в подходе историков к осмыслению исторического процесса, осмыслению прошлого, переосмыслению прошлого. Мне кажется, что очень легко по содержанию книги и по подходам определить, к какому поколению относится историк, причем это относится не только к России, но и к зарубежным авторам.

Митрохин Н.А.

Я соглашусь, что действительно бессмысленно говорить о каких-то больших поколениях, а стоит говорить о локальных поколениях (3–4 года). Что касается подхода историка и определения принадлежности его к поколению, мне кажется, в отношении России это не вполне корректная постановка вопроса. Речь идет о доступе к информации и к книгам. Условно говоря, если в эпоху перестройки научно-философская, гуманитарная литература издавалась огромными тиражами, если она действительно была доступна всем вплоть до самых крайних концов страны, то уже после 91-го года эта система полностью распадается, и обнаруживается грандиозный разрыв в том, что прочли в Москве (или плюс Санкт-Петербург, может быть, плюс Пермь, или еще пара крупных городов), и что прочли в остальной России.

Чечель И.Д.

В одном из последних номеров журнала «Оптимум» было интервью с Владимиром Познером, который в таком роде высказал свое отношение к тому, что происходит в России: «Как ни спросишь славянина русского, что у тебя с жизнью происходит, а что с историей твоей происходит — ответ, в лучшем случае, «нормально».

И сейчас мне хочется задать вот какой вопрос всем выступавшим, всем, кто так или иначе высказал свою точку зрения. А что же, собственно, случилось в годы перестройки, что же произошло? Ольга Воробьева говорит, что люди тяжело переживают то, что случилось, имея в виду шестидесятников. Кирилл Юхневич говорит о кризисе гуманитарного знания. Кирилл Ивашников говорит о кризисе несбывшихся надежд. Ирина Каспэ говорит о кризисе поколенческого сознания и т.д. и т.п.

О каком кризисе мы говорим? Что же случилось в годы перестройки? Неужели действительно только «кризис»?

30 июня 2004 год

Бахтурина А.Ю.

Вопрос задан, и я попытаюсь на него ответить буквально двумя словами.

Что случилось? С моей точки зрения — железный занавес сняли. То есть просто открылась граница. Открылась граница с Западом, появилась информация. Началась и продолжается научно-техническая революция. Собственно, потеря поколения, безработица, (проблемы теперешних 40-летних) — теперь это для многих их умение или неумение вжиться в те обстоятельства, которые для них «сразу» сложились.

То же касается исследовательской практики, то это зависит от того, сумел человек справиться с потоком информации или не сумел. Причем это совершенно не связано с поколением как возрастом, потому что, скажем, европейски образованные профессора, которые нас учили, несмотря на наличие партийного билета — это люди, которые прекрасно вжились в новую исследовательскую ситуацию.

То же касается и последующего поколения, то есть тех, кто учился в конце 80-х годов и считал, что иностранный язык ему не нужен, потому что он не будет востребован в рамках Советского Союза и тех, кто считал, что в жизни все пригодится — сейчас они вживаются в новую исследовательскую ситуацию, в тот поток информации, который хлынул на историков и вообще на гуманитариев с началом перестройки.

Воробьева О.В

Одна реплика по поводу того, что было сказано Ириной Чечель насчет позитива. Мне кажется, что помимо того, что была восстановлена связь с Западом, и поэтому мы включились в это пространство, начала восстанавливаться еще очень живая и личностная связь с нашей предшествующей российской традицией. Мне кажется, что это тоже очень важно.

Мне кажется, что поколение перестройки — это определенный шанс для гуманитарной науки России по двум причинам.

Действительно есть некий конфликт между поколениями. Он есть, потому что то, что хлынуло с 85-го года, была практика, ориентированная на науку, которая до этого у нас либо плохо развивалась в области психологии, социологии, политологии, либо была в «загоне», то есть не приветствовалась. Образовалось три направления, которые трудно было соединить и очень трудно, например, мне как декану факультета было найти преподавателя, который бы и исследованиями занимался, и практиком был хорошим, да еще и учить мог студентов. А вот современное поколение — это самое поколение перестройки (30-35 лет), оно, как ни странно, это делает, и делает, мне кажется, за счет двух ресурсов.

Может быть, один ресурс — это крест этого поколения, я имею в виду несовпадение социальной и индивидуальной идентичности. Второй ресурс — это удивительное стремление отстаивать честь нашей отечественной гуманитарной науки, которую за последние 10 лет поносили так и сяк за марксизм, за отрыв от практики, за дегуманизм. И очень интересно смотреть на то, как наши отечественные пути развития гуманизма и радикальной социологии, функционализма встраиваются в западные традиции. Они-таки и встраиваются разными путями. И в этом плане хочу напомнить, что, например, в психологии лучшим психологом мира был в 72-м году был признан отечественный психолог. Многие отечественные традиции социологии и психологии на Западе были востребованы.

А крест, про который я говорила, это действительно крест. Я прочитала информацию о себе, представленную выступающими — все говорят о том, что они либералы. У меня такой вопрос: вы либералы лично для себя или для всего народа тоже? Лично я для себя либерал, но я знаю, что для нашего народа, может быть, социал-демократия была бы лучше. И я знаю обратную позицию, когда «для себя» человек считается для одних социал-демократом, условно говоря, а для других — либералом. И найти единство идеологического, религиозного, про-

30 июня 2004 год

фессионального самоопределения в нашем поколении трудно. Но именно поэтому мы стараемся найти какой-то нужный нам миф.

Леонтьев К.

Я бы хотел сказать еще об одном важном аспекте поколения, рожденного перестройкой — то, что кроме исследователей, все-таки родились еще и практики. Я представляю организацию Союз советской молодежи, а совсем недавно образовался Молодежный левый фронт, в котором как раз много участников перестройки. То есть тех людей, которые в свое становление, — когда они заканчивали школу и поступали в вузы — смотрели советские фильмы и были воспитаны на советских ценностях. А ценности эти были коммунистические. Это надо четко сказать. И те же люди как раз в процессе перестройки так или иначе занимались бизнесом или какой-то другой практической деятельностью. Приобретая уже практический опыт, имея эти ценности и видя противоречие между действительностью и теми ценностями и идеалами, которые они получили в процессе своего становления, они вернулись в политику. И как раз сейчас может быть какая-то новая точка как раз для будущего роста.

Климов И.А.

Мне не так давно попались в руки цифры исследования, которое было проведено в 2003 году под руководством В.А. Ядова и В.Н. Шубкина. Там любопытная цифра: 35 процентов россиян имеют опыт организации совместных действий. Неважно каких — это может быть связано с досуговой деятельностью, с работой, с очень разными видами совместной деятельности. Что характерно? Во-первых, это люди по большей части 30-35-летние, то есть, на самом деле, это то самое поколение перестройки, которое сейчас входит в жизнь и, сначала освоив ресурс, имеет возможность выстраивать социальную ткань. Но не на символическом уровне: «общность советский

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

народ» или же «вся страна» — а на каком-то более локальном, доступном им.

Во-вторых, что самое интересное, это люди ресурсные, это не самые низко обеспеченные. Как мы привыкли думать, читая Маркса, пролетариату, самым бедным, нечего терять, кроме своих цепей, и поэтому их сила в коллективизме. Нет, ничего подобного. Те люди, у которых есть ресурсы, образование, опыт, определенный уровень дохода, они как раз больше демонстрируют готовность к совместным действиям. И даже более того — к организации этих совместных действий.

Цепцов В.А.

Мне хочется поделиться собственным переживанием, поскольку меня так или иначе относят к тому или иному поколению, с теми или иными свойствами. Но, наверное, если мы говорим о субъективном феномене исследователя-ученого, то идентичность ученого несколько отличается от идентичности гражданина вообще. Идентичность ученого растянута во времени, может быть, от Аристотеля до современных дней, и она не так зависима от СМИ, от дискурса, как, скажем, субъективная идентичность обывателя.

Карпов А.И.

На мой взгляд, феномен перестройки заключается в том, что была нарушена связь между поколениями: старшее поколение просто не смогло донести знания и ценности, которыми оно до этого владело, потому что все потерялись, что-то произошло, — идет перестройка. Знания, которыми владело старшее поколение, просто не смогли дойти до поколения перестройки. Поколению перестройки пришлось самим, эмпирическим путем выстраивать свои идеологические ценности.

Мы только сейчас понимаем, чего мы действительно хотим в этой жизни. То есть мы искали долгое время, на самом деле, практически, все это время.

ТЕМА: ПЕРЕСТРОЙКА КАК ПРОЕКТ

Альтернативные сценарии для России

Андреев Д.А.

Перестройка как определенный цикл развития еще не завершилась. Мы только сейчас подходим к ее финальному этапу. В 85-м году вполне реальными были несколько сценариев, а возобладал наименее удачный из всех них. Почему? Для ответа на этот вопрос следует разобраться в том, какие именно социальные субъекты могли тогда повлиять на принятие стратегических решений. На первых порах наиболее ощутимыми оказались перемены в гуманитарной сфере. Их «продавливали» либеральные интеллектуалы — «шестидесятники» и их духовные наследники. Однако эти «конструкторы» смыслов и мотиваций в период между январским 87-го года Пленумом и XIX-й партконференцией были вытеснены на обочину политического процесса силой, не только предопределившей в конечном итоге курс перестройки, но и до сих пор сохраняющей бразды правления в своих руках. Я имею в виду теневую экономику. Ее бы даже следовало назвать иначе — альтернативная экономика. Альтернативная государственной — внешней и проявленной.

Сегодня можно уже со всей ответственностью сказать (и новейшие исторические исследования убедительно подтверждают данный факт), что альтернативная экономика возникла отнюдь не при Хрущеве, а гораздо раньше. Фактически в первые годы Советской власти. Конечно, не без участия партийной номенклатуры, не просто имевшей с этого ренту, но и фактически руководившей «ударной стройкой» альтернативной экономики. Масштабы и влияние «хозяйственного подполья» красноречиво характеризует хотя бы такой факт, что да-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

же всесильный Сталин и притом уже после войны не смог ввести систему продуктообмена из-за нескрываемого сопротивления «хозяйственной олигархии», чьи интересы лоббировал Микоян. Можно себе представить, что здесь творилось к началу перестройки! Обуржуазившаяся номенклатура жаждала сверхприбылей, а их мог дать только легальный рынок. Дальнейшие события известны.

Меня же как исследователя — да и как гражданина — больше всего интересует несостоявшаяся альтернатива дикому компрадорскому рынку. Эта альтернатива — постиндустриальный рынок на базе высоких технологий. Была и реальная сила, способная взять на себя роль станového хребта такого рывка — это высококвалифицированные управленцы нижнего и среднего звеньев оборонной, космической и иных наукоемких отраслей. К сожалению, директорат указанных секторов промышленности — причастный к альтернативной экономике — уже мало годился для подобных мобилизационных проектов. Однако при тогдашней схеме управления такой сценарий был нереальным. Вместе с тем определенные — и весьма существенные — наработки инновационного обновления этой схемы имелись в достаточном количестве. Вспомнить хотя бы знаменитый институт Гвишиани. Если бы даже малая толика из его проектов была осуществлена, то мы бы сегодня жили в совершенно иных реалиях.

Недавно мы с Геннадием Бордюговым издали книгу, в которой история нашей страны с древнейших времен до настоящего времени рассматривается как последовательное чередование двух моделей развития — мобилизационной и модернизационной. (Оговорюсь, правда, что мой соавтор разделил бы далеко не все тезисы моего выступления.) Россия сегодня пребывает в состоянии стагнационной очаговой (в основном по своему сырьевому контуру) модернизации, «проедающей» (а точнее — уже «доедающей») запасы советской эпохи. Поэтому я думаю, что главная проблема сейчас — это завершение перестройки, выбор внятного и — главное — эффективного сценария развития на долгосрочную перспективу. Судя по тому, как Путин действовал на протяжении своего первого срока, он вряд ли окажется способным выполнить такую миссию. Нас опять ожидает неустойчивое балансирование между каким-то

подобием мобилизационных начинаний и тупиковой догоняющей модернизацией.

Тем не менее, история — многомерный и неоднозначный процесс. Мне кажется, что сейчас происходит зарождение того самого класса, который в силу своей ответственности и компетентности сможет завершить перестройку и выбрать адекватный русской специфике режим развития. Как это ни парадоксально, указанный класс порожден и выпестован той самой альтернативной экономикой, которая легализовалась в начале 90-х годов. Я имею в виду менеджеров — управляющих, но не «царствующих» в отличие от британской королевы. А в России именно второе является непременным условием первого. Давайте вспомним, что Запад в свое время буквально выстрадал «революцию менеджеров». У нас же после нелегитимной приватизации на то же самое потребуются гораздо меньшие издержки. Если еще учесть крайне низкие (по сравнению с западными) претензии к уровню жизни и традиционно невысокую для России оплату труда, то условия для такого сценария — просто идеальные. И пусть «модернизаторы» не твердят о якобы исчерпанном Россией лимите на революции.

Мне кажется, что задача нашего поколения, задача формирующегося нового политического класса, как раз отчасти и заключается в том, чтобы вырваться за пределы этой проклятой системы координат: либерал, консерватор, демократ, левый, правый и т. д. Данные понятия — рудименты безвозвратно ушедшего Нового времени. С ними в постиндустриализм дороги нет. А развилка на самом деле одна — развитие или стагнация. Если мы выбираем развитие, то должны принимать его как наивысшую ценность, которой следует подчинить все остальное. Прагматизм с четкими и ясными горизонтами гораздо лучше романтического поклонения модернистским мифам. По крайней мере, наша страна за минувшие полтора десятилетия сполна ощутила справедливость данного утверждения.

От проекта власти к общественному проекту

Баранов А. С.

Перестройка, особенно на первых фазах ее развития, начиналась не как общественный проект, а как проект власти. Все основные идеи, термины, кампании, лозунги 85–88-го годов — были генерированы властью.

Перестройка становится общественным проектом только в тот момент, когда к 88-му году многие кампании или явления первой фазы перестройки либо завершаются, либо перерождаются в нечто совершенно иное. Уходит из употребления слово «ускорение». Закончилась госприемка. Фактически, прекращается пресловутая антиалкогольная кампания. Но, несмотря на неудачу каждого из названных громких начинаний ранней перестройки, каждая из этих них содержала невероятно мощный, сознательно заложенный в них импульс — импульс, направленный на стимуляцию социальной активности. Этот импульс и был получен обществом. Во многом это было первое явление, которое способствовало тому, что перестройка явилась чем-то большим, чем серия неудачных реформ.

Второе явление, которое сделало перестройку необратимым процессом, — это, конечно, гласность. Первоначально по многим своим характеристикам, это была очередная громкая кампания. Но в 1989–1991 годах Гласность переросла в настоящую и совершенно уникальную информационную революцию. В течение нескольких лет советское общество оказалось в ситуации человека, который, образно говоря, сразу получил все письма за 50–70–100 лет. Исторические события начинают переживаться как факты собственной биографии, а какие-то выдающиеся деятели прошлого воспринимаются как живые персонажи актуальной политики.

Во многом, благодаря взаимодействию двух этих явлений (резкого усиления социальной активности и творческого переосмысления и переживания прошлого) на рубеже восьмидеся-

тых— девяностых годов происходит возрождение двух основных традиций, с каждой из которых связана специфическая модель развития России, свой ответ на основную проблему истории России. Они связаны с проблемой места России в мире — наличием или отсутствием самостоятельного пути развития России. Борьба этих двух направлений, традиционна для России, она продолжается на протяжении всех 90-х годов с конца 80-х. И каждый поворот в истории современной постсоветской России сопровождается усилением активности представителей как одного, так и второго направления. Фактически, смыслом этой борьбы является выяснение, какая же из этих моделей, какая из традиций является маргинальной в тот или иной момент времени.

О проектах сохранения российской государственности

Бахтурина А.Ю.

Я занимаюсь историей Российской империи начала XX века. Основная проблема, которая меня уже много лет интересует, — это способы сохранения государственной целостности, которую я решаю на материале истории Российской империи конца XIX — начала XX. И здесь, конечно, масса аналогий с периодом перестройки, особенно с событиями, которые предшествовали распаду Советского Союза.

За свою многовековую историю Россия переживала как периоды дробления, так и расширения государства. XX век дал нам несколько огромной важности событий: крах Российской империи, создание СССР и его распад. Когда спрашиваешь студентов о том, что такое Советский Союз, то большинство из них, пожалуй, сейчас наиболее связно могут сказать, что это было очень большое государство, а сейчас государство стало намного меньше.

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

Российская история XX столетия ставит современных исследователей перед необходимостью поиска ответов на вопрос, что удерживает колоссальное по территории, по этническому составу государство в единстве?

В период от февраля до октября 1917 г. Российская империя распалась. Ее постигла участь распавшихся почти одновременно с ней Австро-Венгерской и Османской империй. Рухнуло многовековое государственное единство России. На огромных пространствах империи все отделилось от всех, а главным образом, от традиционного центра. Расчленились власть, собственность, территории, армия, промышленность. Аналогичные по своей сути процессы пережила Россия в конце 1991–1992 гг.

Распад крупного государства вряд ли может быть одномоментным актом. Необходимо как существование сил, стремящихся к его разрушению, так и сил, пытающихся его сохранить. В начале XX века Российская империя переживает период модернизации и попыток найти как раз эти силы, которые удержат империю в единстве. И в политике России начала XX в. основополагающей стала идея административно-правового единства империи. Ее появление не было случайным. Увеличение государственной территории в XIX в., присоединение к Российской империи новых земель, развитие общественно-политических движений привело к тому, что к началу XX в. схема «православие, самодержавие, народность» окончательно утратила свое значение. Роль православия в сохранении государственного единства упала уже в силу разнообразного вероисповедного состава населения: различные христианские конфессии, мусульмане, буддисты и другие. Самодержавная власть императора также перестает быть силой удерживающей государство. Она начинает вытесняться стремящимися к власти представительными учреждениями и чиновной бюрократией. В начале XX в. в политике Российской империи, фактически, появляется новая триада, призванная обеспечить государственное единство: право, администрация, государственный язык. Но эти средства также не смогли удержать от распада империю в 1917 г.

Большевикам удалось очень быстро, всего за 5 лет, восстановить бывшее территориальное единство. Что же сделали

большевики? Почему им удалось собрать империю обратно. Что у них было?

У большевиков не было развитой администрации. Советская номенклатура сформировалась не сразу. Дореволюционные чиновники частью пошли на службу к советской власти, частью нет. Правовая система тоже находилась в процессе становления. Но большевики смогли предложить новую идею. Во-первых, они сами нанесли сокрушительный удар по русской великодержавной идее, а во-вторых, радикальный интернационализм большевиков позволил им предложить идею федерации равных народов и этим они «разоружили» национальные движения на окраинах.

В период перестройки вновь на государственном уровне был поставлен вопрос о том, что средства, предназначенные обеспечивать единство и политическую стабильность СССР, подлежат модернизации. На самом высоком уровне было заявлено о том, что необходимо отказаться от жесткой идеологической схемы, необходимо отказаться от административно-командных методов управления.

Распад СССР показал, что модернизация системы управления государством не состоялась. Произошел, практически, одномоментный отказ от традиционных средств, а новые за короткий период времени сформироваться не успели. Способы, которыми большевики создавали государство, до настоящего времени подвергаются самым неоднозначным оценкам. Но это, пожалуй, единственный исторический опыт восстановления российской государственности после 1917 г. Поэтому сейчас мы находимся перед необходимостью, опираясь, в том числе, и на исторический опыт, ответить на вопрос: что же все-таки удерживает государство, что не дает ему развалиться. Что это — сила духа, сила администрации или сила милиции?

Дискуссия

Воробьева О.В.

Я, пожалуй, соглашусь с коллегами, которые говорили о том, что перестройка как общественный проект вообще не задумывалась. Вообще в самом начале проекта не было. Если мы помним, вначале это было действительно ускорение. А когда ускорение начали осуществлять, пришли к тому, что фактически, сделать ничего невозможно. Тогда-то и возник тот знаменитый термин «социализм с человеческим лицом». Откуда этот термин? О чем шла речь? Речь шла о том, что нужно создать, совершенно переконструировать систему институтов общества, переконструировать само это общество. Затем логически возникает идея гласности, необходимости всенародного обсуждения. То есть гласность продолжала идею перестройки. А проекты, на мой взгляд, стали появляться тогда, когда уже общество стало впадать в коллапс, когда ситуация стала буксовать.

Насколько я помню, первые статьи-высказывания — это статьи Николая Шмелева (если помните, «Авансы и долги»), затем программа Явлинского «500 дней», затем проекты, о которых говорили выступающие. Я бы добавила еще два проекта, которые тогда были, но о которых почему-то не упомянули. Один из проектов — это проект «Пиночет». Ведь возможность диктатуры тоже обсуждалась тогда в нашей стране. И, на мой взгляд, один из самых ретроградных проектов — это проект ГКЧП. Потому что перестройкой предлагалась практически, полная смена существующей экономической и политической системы. Но времени уже не было, потому что то, что попытались осуществлять в 91–93-м годах, на мой взгляд, в условиях чрезвычайной ситуации — поэтому не получилось.

Если говорить о том, что происходит сейчас, то, мне кажется, что тоже проекты не существуют. Но ситуация немного иная. Сегодня сама рыночная экономика, основы которой созданы, задает вектор движения, диктует, что надо делать.

30 июня 2004 год

Тяжелее ситуация обстоит в общественно-политической жизни, потому что здесь у России практически отсутствуют демократические традиции. И диалог «гражданское общество — власть» сегодня только начинается, на мой взгляд, и в последних событиях с Ходорковским, мне кажется, это отчетливо проявилось.

Карпов А.И.

Мало того, что я социал-демократ, я еще руководитель отдела в компании. Я достаточно много знаю о кадровом рынке и утверждаю, что сейчас компании достаточно сильно ориентируются на персонал, и сценарий развития получается социально ориентированным, хотя с позиции рыночной экономики. Рыночная экономика сама устанавливает какие-то инструменты мотивации для граждан — жителей России. Здесь можно было бы процитировать Илью Пономарева (КПРФ): «Спасибо товарищу Путину за то, что он делает в государстве. Он отменяет социальные льготы, в ответ на это компании повышают компенсационный социальный пакет своим сотрудникам, и сотрудники работают лучше». Компания заботится о своих сотрудниках, соответственно сотрудники заботятся о своих близких. Это — социально ориентированная экономика и один из сценариев развития, который я сейчас наблюдаю воочию.

Есаян Ю.В.

Я хотела добавить по поводу того, что якобы идеология не давала распасться великой державе. По моему мнению — не идеология, а всего лишь культ, который перерос в культ личности. Чем можно удержать толпу? Именно созданием культа и полицейщиной, которая держит всех в крепком кулаке. У нас сейчас то же самое творится в стране — культ личности, полицейское государство. И нас все время уверяют в том, что в свободной стране мы не можем делать реформы и перестройки.

Либман А.М.

Во-первых, не соглашусь с тем, что у нас есть рыночная экономика. У нас есть институциональная ловушка в экономике и блокада реформ в политике. Поэтому, похоже, надеяться сейчас на прагматизм нового класса управленцев, как возможный выход из этих ловушек и блокад, едва ли возможно.

Прагматизм во многом выражается в стремлении добиться оптимального результата в условиях статус-кво, в отсутствии резких радикальных изменений. Поэтому, с одной стороны, можно согласиться с тем, по всей видимости, без какого-то четкого идеологического движения никакие изменения не возможны. С другой стороны, едва ли можно так надеяться на управленцев.

Кузнецов М.И.

Некоторое время назад, когда группа социологов и учеников Георгия Петровича Щедровицкого обсуждала проблему социальных проектов, выступил Сергей Попов, который говорил о том, что вообще невозможно реализовывать социальные проекты. Потому что проект разрабатывается какой-то определенной группой. Когда он реализуется, тогда приходится либо сказать: «это именно то, что я проектировал», (хотя это «не то»), либо сказать, что «я этого никогда не имел в виду».

В 2001 году мы проводили конференцию, посвященную 70-летию Михаила Сергеевича Горбачева. Он на ней присутствовал. Мы собрали всех тех, кто когда-то его критиковал, подталкивал, возражал. Были Афанасьев, Богомолов, Шмелев, Попов, Третьяков и т.д. и т.д.

Я приведу один фрагмент. Юрий Николаевич Афанасьев, выступая, рассказывал о том, что на депутатско-межрегиональной группе очень много обсуждали: «надо же что-то создать, какой-то проект, какую-то программу написать». Так и не создали. Либо, говорит Афанасьев: «не по зубам оказался орешек» (Союз), либо «мы слабы оказались».

30 июня 2004 год

Я, выступая после этого, обратил внимание на одно обстоятельство. «Юрий Николаевич, — я сказал, — не было никакого проекта, никто его не создавал, а приходилось людям принимать решения в условиях, когда программы и проекта нет. И в этом есть серьезная проблема». Сейчас мне кажется очень важным вопрос о нравственности и культуре людей, которые действовали в политике в тот период.

В заключение две фразы по поводу всего уже сказанного в дискуссии: У каждой перестройки свое поколение. У каждого поколения своя перестройка.

Лобанов Н.А.

Мне очень понравилось выступление Дмитрия Андреева, потому что он говорит о причинах перестройки — не столько о последствиях, сколько о причинах. Конечно, без перестройки общественного создания не могла бы произойти сама перестройка. И, наверное, это началось с шестидесятников. Шестидесятники разбудили Михаила Сергеевича, а Михаил Сергеевич всколыхнул все общество. Стремление к свободе, конечно, притча. Безусловно, одна из сильных мотиваций перестройки — это стремление к свободе, к демократизации. Но основная причина — экономическая.

Я вспомнил в этой связи интересный доклад, который был сделан на Президиуме Академии наук. Очень известный ученый сказал, что основная причина перестройки — это стремление директоров получить средства производства в свои руки. Другими словами, крупный чиновник-директор руководил предприятием, имел большие возможности, но как только он выходил на пенсию, эти возможности резко уменьшались. Его стремление приватизировать, его капиталистическая мотивация — это было основной причиной перестройки.

Долуцкий И.И.

Мне кажется, что мы здесь присутствуем при рождении поколенческих мифов, источником которых становятся молодые участники дискуссии. Как-то все ранжируется по горизонтали: вот у нас поколение 30-летних, вот якобы выпавшее поколение 40-летних «младших научных сотрудников», а тут — невостребованное поколение 50-летних неудачников. Но никто никуда не выпал, все оказалось востребовано.

Гайдаровцы, сделав свое дело, отнюдь не бедствуют (посмотрите на А. Коха, как на «типичного представителя»). В. Кириенко прекрасно себя чувствует. В. Путин 50 лет, он на удивление адекватен последнему десятилетию. Каждое время находит «своих» вне зависимости от их возраста. Поэтому деление поколений продуктивнее осуществлять по вертикали. И если вы будете подходить с исторических позиций (мы же историки), а не с социологических, то увидите, что наше поколение — это поколение Чаадаева и Герцена, а поколение президента Путина и Никиты Михалкова — это поколение Александра III, Николая Павловича и разных шефов жандармов. «Они» по-другому делятся, и «мы» по-другому делимся, надеюсь.

Мы все — поколение перестройки, но наше поведение в ней и после нее определяли не годы, не возраст, на которых делали акцент многие выступавшие ранее.

Не надо упрощать, выстраивая одномерные схемы. Как определить, к какому поколению относится последний выступающий? Вероятно, к старому поколению позитивистов: как и они, он выделяет единственный фактор, определяющий историю. Но перестройка — многофакторное явление, ставшее реальностью под воздействием множества факторов, не сводимых к одному.

Здесь говорили о том, что были три группы субъектов перестройки, либералы — одна из них. Вот сидит передо мной главный субъект перестройки. А был ли Михаил Сергеевич либералом? Или Владлен Логинов? Были ли они либералами? Я сомневаюсь. Они здесь присутствуют и могут сами ответить. Но, думаю, любой участник перестройки помнит, что именно

либеральная часть спектра едва светилась после смерти А.Сархарава.

Посему мне кажется, что надо отказаться от насаждения новых мифов, во-первых. Во-вторых, посмотреть немножко шире на слово «проект». Проект — это не то, что собравшиеся или отсутствующие наметили, проект — это то, что совершает общество. И поэтому то, что говорят о продолжении перестройки, о диалоге власти с обществом, звучит, в общем, дико. Правильно девушка сказала: мы в России сейчас имеем полицейское государство. Война в Чечне, рост ксенофобии и шовинизма, фактическое огосударствление телевидения, ликвидация свободы слова, удушение гражданского общества, сужение поля свободы вообще. А вы рассуждаете о продолжении перестройки. Не продолжение перестройки, а насильственно прерванный в 1991 г. и незавершенный процесс, который теперешнее государство задушило.

Спасибо Михаилу Сергеевичу за то, что при нем действительно существовало гражданское общество. При нем-то и возник диалог, который с 93-го года целенаправленно уничтожался и уничтожен. Нет гражданского общества, как сферы деятельности независимых от государства граждан, независимых от государства институтов. Есть обломки, полусферы, которые крошатся под железной пятой торжествующей государственной власти.

Зверева Г.И.

На мой взгляд, высказывания И.И. Долуцкого несколько не противоречат тому, что мы сейчас обсуждаем, поскольку в данном случае совершенно не предполагается говорить о поколении, как о чем-то моновозрастном. В этом смысле мы совершенно солидарны. Речь идет о совокупности некоторых общих ценностей, нравственных позиций, если хотите, а не о единстве возраста.

Когда началась перестройка, Евтушенко сказал, что мы все в партии перестройки. Ему, практически, никто не возражал. Почему? Потому что общество созрело и жаждало демократизации. Оно жаждало осуществления социалистических идеалов в том марксистском коммунистическом смысле, которым наполнены ранние работы Маркса.

Шестидесятники фактически сформировались как люди ранних работ Маркса. Это поколение было в оппозиции к сталинизму, к старой бюрократической системе, которая начала ломаться при Хрущеве. Но Хрущев, разоблачив культ личности Сталина, дальше не пошел. Перестройка, которую начал Михаил Сергеевич, началась именно с этого, началась робко. Если вы посмотрите доклад М.С. Горбачева на 70-летию Октябрьской революции, там еще Сталину воздается достаточно много позитива. То есть мы хотели разобраться, что же произошло. И вот — перестройка, которую сначала Ю. Бондарев обвинил, сказав, что никакого проекта перестройки нет, что самолет взлетел и не знает, куда сеть. Здесь была доля правды. Но любые революционные изменения, любые качественные изменения никогда не программируются в какой-то бумаге, а потом делаются. Они делаются по ходу пьесы. Субъекты делают ее.

Если с этой точки зрения рассмотреть проект перестройки, то это был проект возвращения к созданию социализма с человеческим лицом. То, что было в Пражской весне, то проявилось и у нас. Это был романтический проект, но его сразу поддержали. Любой проект может существовать только тогда, когда он «снизу» поддерживается народом, народными массами.

В 86-м, 87-м годах даже наметился некий рост экономики по сравнению с предыдущим застойным периодом. А потом начался спад. Экономика стала буксовать. Свобода была на устах у всех, гласность, которую интеллигенция разделяла полностью — и не только интеллигенция. Но только свободой жить невозможно, нужна еще и материальная подкладка. Когда китайцы начали с материальной стороны дела, они научились на

перестройке, но у них не хватает свободы, не хватает гласности. Это придется еще им решать. В этом колоссальное значение перестройки.

Какие были альтернативные сценарии развития, какие силы были главными? Как мне кажется, прежде всего, это субъект самой перестройки, люди, которые ее поддержали, во главе с Михаилом Сергеевичем, его реформаторским окружением и т.д. .

Были силы, боровшиеся против перестройки, которые хотели вернуться назад, они проявились в ГКЧП под разными соусами. Хотя идеологи ГКЧП говорили, что они не хотят возврата к сталинизму, на самом деле это была консервативная сила.

Была и третья сила. То, что мы называем сегодня либеральной колонной. Та, что подобрала власть, которая валялась на улице после провала ГКЧП. Я вам приведу простой пример. Коржаков пишет, что Ельцин боялся, что его сейчас гэкачеписты арестуют, но танки повернули назад. Корнилов говорит Ельцину: «берите власть, Ваша власть целиком». Ведь ГКЧП сопротивлялся, практически, весь субъект перестройки, весь народ, который поддержал перестройку. Если вы посмотрите, кто охранял Белый дом, там были и социалисты, и демократы, и либералы. Но (так очень часто бывает в бархатных революциях), к власти пришла третья сила. Осуществился третий сценарий. Это либеральные фундаменталисты, которые сегодня и делают свое дело. «Потерянное десятилетие» как раз принадлежит им. Оно, конечно, не то же самое, что перестройка — это полный отказ от нее.

Иоффе Ю.Б.

Какие были сценарии, альтернативные перестройке? Первый альтернативный сценарий — ничего не менять. В рамках существующей системы можно было попытаться насытить потребительский сектор экономики товарами народного потребления. Но, я думаю, что долго бы система все равно не протянула, поскольку полностью плановая экономика не может справиться с инновационными задачами.

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

Второй сценарий — китайский. То есть мы меняем экономику, но не трогаем демократию и свободу. Несмотря на то, что Китай — практически, мононациональная страна, а Советский Союз — многонациональная страна, я думаю, мы могли бы пойти по этому пути, но тогда у нас свободы, даже той относительной, которая есть, еще не было бы лет сто.

И, наконец, третий вариант — чисто американский, когда вводится свобода. Но при этом государство должно быть готово к тому, что при развале начинается гражданская война. Это как, например, северные штаты воюют с южными. Соответственно, этот вариант тоже не годится, потому что война никому не нужна.

В принципе вариант перестройки, мне кажется, был выбран верно стратегически. Это и социальные реформы, и реформирование экономики, и какие-то рыночные элементы, и демократия. Единственное, чего не хватало, — это жесткости по отношению к региональным элитам, которые, собственно, все и развалили. То есть необходимо было то, что сейчас делает Путин, — ведет политику как бы демократическую, но, по сути, весьма авторитарную. Вот с этого и можно было бы начинать перестройку

Леонтьев К.

Мне кажется, что все-таки альтернатива у нас есть. Свобода частичная все-таки сохранилась со времен перестройки. То есть у нас есть сейчас свобода выбора формы деятельности. Несмотря на все произошедшие события, надо не забывать, что у нас есть все-таки закон о профсоюзах, закон о местном самоуправлении, закон о благотворительной деятельности и еще ряд других законов, которые, с моей точки зрения, позволят создать новые формы отношений. То есть, если юридические формы наполнить новым содержанием, новыми отношениями, то это позволит в будущем создать зачатки будущего коммунистического общества, не забывать про то, что все мы родились в стране, целью которой было построение коммунистического общества.

Есян Ю.В.

Я хотела бы вернуться к теме, которую подняла в начале дискуссии Ирина Каспэ. К теме молчащей молодежи во времена 80-х и начала 90-х. Я не согласна полностью. Выбор своих рок идолов (Гребенщикова, Виктора Цоя) — это крик, душераздирающий крик. Песня «Мы хотим перемен» — была тогда гимном молодежи. И когда нам дали право голоса, я так ждала момента, что я могу пойти на выборы и проголосовать. Когда я получила право голоса, я знала, за кого я проголосую.

Теперешняя молодежь 2004 года не знает, как распорядиться своей псевдосвободой. (Я считаю, что это псевдосвобода в данный момент). Они не ходят голосовать. Это они — молчащая молодежь.

Каспэ И.М.

Я хотела бы уточнить свои слова. Я говорила о том, как формируется представление о поколении. Оно формировалось с точки зрения старших. В этом смысле я согласна с тем, что перестройка — это был проект власти. Перестройка началась как проект власти. Соответственно и образ поколения формировался тоже глазами старших. Естественно, были поколенческие символы, было все, что угодно. Но здесь очень важен момент формирования самого представления о поколении.

Горбачев М.С.

Я думаю, что мы можем говорить о поколениях, на долю которых выпала судьба жить в переходное время. Здесь, в зале — много людей из перестроечного времени. По мере приближения к нему мы почувствовали друг друга и уже сотрудничали. Китайцы говорят: пожелай своему врагу жить в эпоху перемен, но ведь в середине восьмидесятых ситуация была тако-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

ва, что уклониться от обновления, от перемен уже было невозможно.

Если говорить о поколениях переходного времени, то легче было молодым. Их не мучил груз прошлого, им не мешало то, что сложилось... Так или иначе, человек адаптируется, и если он привык вести дискуссию на кухне — значит, на кухне только и можно. Вспомните: тогда подавлялись все попытки заставить людей мыслить; задачу учебного процесса видели в том, чтобы «наполнять кувшин знаниями», а не в том, чтобы учить, как работать со знаниями, использовать их.

Это приходилось менять и в жизни каждого что-то происходило. Молодые получили шанс не только слушать старших, но и возражать им, сами начали размышлять. Труднее было среднему поколению. Тем, кому было 30 лет, когда их застала перестройка, а сегодня им уже под 50 — им до сих пор трудно. И уж совсем трудно — старикам. Люди закончили свою трудовую деятельность. Казалось бы, пришло время отдохнуть, заняться душой своей, а пришлось думать о куске хлеба.

То, что перестройка была проектом власти, — это абсолютно верно, и другой она не могла быть. Потому что любые, даже индивидуальные протестные заявления карались. Двести человек сидели за инакомыслие, Сахаров находился в ссылке. Я на каком-то этапе — не сразу — проявил инициативу закончить преследования по политическим мотивам.

Я не знаю, есть ли силы, есть ли такой интеллект, который бы мог объять объект реформирования, каким был Советский Союз. Мир миров, мир культур, мир религий, почти 300 миллионов населения, самая милитаризованная страна в мире, милитаризованное сознание и т.д., и т.д. Надо было рисковать. Поэтому, когда говорят «слабаки были перестройщики, у них не было политической воли», я думаю, что это просто несерьезно. Если бы были «слабаки», не взялись бы за реформы с такими целями и задачами.

Приведу пример: Китай и сам Дэн Сяопин взялись за проект, который родился в результате потрясения, пережитого страной в годы культурной революции. Пятнадцать лет действовали (часть этого времени занял выход из культурной революции), но в начале был лозунг: «Ударить по штабам!». Помню,

как в 1988 г., оказавшись на Норильском комбинате, я рассказал, что рабочий из Белоруссии прислал мне письмо, в котором он пишет: «Дайте команду ударить по штабам». Когда я это сказал, рабочие воскликнули: «Вот это он правильно написал — надо. Мы Вас поддержим! А то ничего не меняется.». Я спросил: знаете, чей это лозунг «ударить по штабам»? Одни знали, другие нет. Я сказал, что мы не можем пойти по этому пути. В нашей ситуации лозунг «ударить по штабам» привел бы к самым страшным результатам. (Я сказал тогда: передайте, пожалуйста, этот разговор по телевидению, чтобы все слышали.)

Тем не менее, мы имели иллюзию улучшить социализм, и должны были от нее избавиться. К 1988 году избавились — перестройку можно датировать этим временем. Все остальное — прелюдия перестройки. В наших условиях мы шли правильно. Я и сейчас думаю так — несмотря на все просчеты, ошибки.

Перестройка оборвалась. Я очень рад, что вы это понимаете. Уже 13 лет я не участвую в принятии решений в стране. Но я продолжаю работать.

Если вы послушаете некоторых наших маститых ученых, то, по их мнению, «Горбачев, Ельцин» — все это «перестройка». Конечно, нет Китайской стены между периодами истории, и я не могу снять с себя моральную ответственность за то, что пропустили, прошляпили реформаторы, и в первую очередь, я сам. Это сказалоь на том, куда развернулись события, и на том, кто сыграл на них.

До сих пор идут разговоры, будто гэкачеписты защищали Союз, хотели сохранить его, хотя известно, что вождь ГКЧП Крючков, перефразируя Ленина, 18 августа 1991г. сказал: «сегодня рано, послезавтра будет поздно, завтра выступаем». Им не нужна была новая Конституция, хотя этот договор давал возможность немедленно переходить к выборной кампании, формировать по-новому власти, остановить нарастающий процесс дезинтеграции. Но людям, которые включились в борьбу и поддержали ГКЧП, за малым исключением, это, практически, не оставляло шанса на следующем этапе быть у власти (хотя, между прочим, ничего страшного им не грозило).

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

Говорят, что коммунисты вместе с ГКЧП защищали Союз. Как же они его защищали, если по просьбе Хасбулатова, Зюганов ходил и уговаривал голосовать за Беловежские соглашения? Что же они защищали, когда Беловежье предлагало развал Союза, а коммунисты за это голосовали? В Белоруссии не голосовал за Беловежье только Лукашенко. На Украине — три человека. У нас таких оказалось шесть человек. После одного или двух выступлений сразу раздались голоса: «давайте голосовать, все ясно». Севастьянов воскликнул: «Завтра не будет Горбачева в Кремле!» — это был камень на их пути.

Теперь каждый хочет защитить свои позиции, поэтому надо продолжать расследование, во всем разобраться. Еще рано подводить итоги. Мы же видим даже сегодня, какой существует разброс мнений. Хотя должен признать, что я восхищен тем, как вы размышляете — интереснее и глубже, чем некоторые из «опытных». Поэтому я приветствую сегодняшнюю дискуссию.

30 июня 2004 год

**ТЕМА: ПЕРЕСТРОЙКА И ВОЗМОЖНОСТЬ
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОШЛОГО:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОЗИЦИЯ ИСТОРИКА**

Возвращение позитивизма

Прозоров В.Б.

Когда мы говорим о поколении — особенно, об академическом поколении, о поколении историков, ученых — нельзя разделить его таким образом, кто родился до такого-то года, думает так-то, и на тех, кто родился после этого года, думает совсем иначе.

Я основываю свои наблюдения на опыте изучения не только литературы, но и диссертаций, с которыми я знакомился в России, в Соединенных Штатах и Германии. Прежде всего меня как исследователя интересовали медиевистика, античность и некоторые проблемы ранней и новой истории.

Мне кажется, что за последние 10 лет в историографии и в исследовательских позициях историков наблюдается явный отход от теоретизирования, от социального моделирования и попыток представить изучаемое общество как некий целостный организм. На мой взгляд, историки возвращаются к позитивизму. Они возвращаются к нему в том смысле, что все чаще и чаще история пишется в духе Леопольда фон Ранке, т.е. так, «как это было на самом деле», а фактически так, как история рассказывается в источниках. Я повторяю, что не только в Российских, но и американских и немецких диссертациях это тоже прослеживается.

Что касается России, то фактически из нашей жизни ушла научно-популярная литература. На мой взгляд потому, что в научно-популярной литературе должны присутствовать модели,

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

а раз их нет, значит, историкам, к сожалению, нечего написать. Место научно-популярной литературы заняли псевдонаучные изыскания, псевдонаучные рассуждения, о которых вы, наверное, все знаете и которых слишком много — для этого достаточно зайти в магазины и посмотреть.

Не только научно-популярная литература ушла из нашего с вами обихода, но появилось много энциклопедий, где история тоже трактуется (я связываю это тоже с отсутствием моделирования) позитивистском духе. Появилось много справочников, много учебников, множество переводов источников на русский язык. Это отчасти хорошо, но отчасти и плохо. Потому что, повторяю, если нет моделирования, то переводы остаются лишь попыткой историков найти себе приложение в какой-то другой сфере, например, в сфере переводов.

В связи с кризисом историоцизма самая серьезная опасность грозит образованию. Преподавая в университете, я вижу, что студентам — не говоря уже о школьниках — стало довольно трудно по учебникам представлять себе историю как живой развивающийся организм. Во многих учебниках история превращается в набор фактов. Это — вполне в русле реформы образования, которая состоит в том, чтобы формализовать гуманитарное знание, разбить его на тесты. В принципе это легко сейчас сделать, потому что позитивистский настрой позволяет проводить реформу именно в таком духе.

Я хотел бы призвать историков переломить эту тенденцию. Но прежде всего я призываю историков сохранить классическое образование в том виде, в каком оно существовало до 17-го года и в каком оно в принципе, сохранилось при советской власти. Если нам удастся это сделать, я думаю, нам всем станет жить лучше.

Историк в «обществе-Пост»

Чечель И.Д.

Что такое «классическое историческое образование», так, как оно представлено в дореволюционной отечественной историографии? Это тип истриописания Карамзина или Костомарова, или, быть может, Ключевского? Ведь здесь тоже могут быть и есть многообразные градации. А может быть это т. н. «просвещенческий идеал»? Или еще что-то, что «классично» в меру нашего выбора? Что такое «научно-популярная литература»? К какому жанру исторической литературы мы можем отнести работы последних лет Капустина и Сироткина; Ципко и Афанасьева, Арутюнова; «Краткий курс истории от Владимира Святого до Владимира Путина» Г. Бордюгова и Д. Андреева? Что это — академические или «внеакадемические», популярные или научно-популярные, говоря, кажется, излишне метафорически, «священные или мирские» работы? У меня возникают сомнения в традиционности их научного статуса — не характера их исследовательских обобщений, а «прежнего» (классического?) их статуса в качестве научных.

Тем не менее, непросто говорить о «кризисе историцизма» в отсутствии пояснений, о каких «классике» и «научно-популярной литературе» (не говоря уже об «историцизме») заходит речь. Определимся в терминах, и прежде всего обсудим, в *каком обществе мы сейчас живем*. Это почти андроповский вопрос: «в каком обществе мы живем?» Судя по дебатам в сегодняшней науке, мы живем в *постмодернистском* обществе, в «обществе-Пост». Ученых в этой связи интересуют определенные типы рациональности и не менее определенные наборы исторических текстов. Однако эти каверзные материи мне не хотелось бы затрагивать кратко — я коснусь их только в применении к перестройке. Для меня (как исследователя, как историка, как человека определенного поколения) перестройка — не средоточие несбывшихся надежд и не развенчанное обществом *credo* шестидесятничества, не «провалы» имперскости и

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

вообще не поиск той индентичности, которая не связана с дифференциацией. Для меня перестройка — известное утрирование того, что называется в постмодернистской критике «Высокой Культурой».

Что такое «Высокая Культура»?

Это, например, встреча в ЦДЛ с читательской аудиторией Виталия Коротича, вошедшая в «летописи» «Книжного обозрения» в 1988 году. Он предлагал собравшимся тут же на месте решить: будем ли мы писать советскую историю так, как ее нужно писать, будем ли мы открывать «белые пятна» истории, или же «Огонек» ограничится печатанием бестселлеров и детективов? «Нет!» — выдыхает зал. Это — первая история.

Вторая история. Общество «СССР-Великобритания» устраивает в 1986 г. «круглый стол» с английскими литераторами. Основная тема — является ли ностальгия по прошлому положительным или отрицательным фактором в литературе? В процессе обсуждения Владимир Карпов (будущий первый секретарь Союза писателей СССР) неожиданно выхватывает набор открыток с изображением лондонских панков в майках с фашистской свастикой, а С. Михалков молниеносно комментирует его действия так: «Что бы делали лично Вы, если бы, придя домой, обнаружили, что кто-то из Ваших детей так выглядит». — «Мои дети так и выглядят, — отзывается кто-то из англичан. — Очень милые дети».

Третья история. Тот же В. Карпов, рассуждая в годы перестройки о советском будущем, прошлом и настоящем, отстаивает такие «максимы и мысли»: литература *должна* исцелить раны прошлого: если бы издающиеся сейчас вещи были раньше изданы, наш народ иначе состоялся бы: зло *было бы* пресечено.

И последнее. Взгляните на письма в исторические журналы 1985–1991 гг. Чему они посвящены? Что пишут, обращаясь к дипломированным историкам, «простые советские трудящиеся». «Почему вы молчите, историки»? И это тогда, когда в научной среде провозглашается «настал час историков!»; когда большинство историков дают интервью, высказывается, когда на новый, принципиально иной, уровень выходит научно-историческая публицистика. Почему вы молчите, историки, — таков первый вопрос. И второй вопрос: «Что же вы пишете и пишете»

(я цитирую); «куда вы смотрите? откуда у нас после этого паники берутся?»

Таков и есть поиск «Высокой культуры» — искусное неумение размениваться на «мелочи»: предположение, что теория обогащает практику, а практика — теорию, тогда и только тогда, когда коллективные образцы для подражания (максимально) возвышенны, общественное знание (предельно) истинно, социальная жизнь (только) прогрессивно-планомерна, гражданин (потенциально) сведущ, нравствен, цивилизован; общественная мораль общепринята. Иначе говоря, все, что ни есть должное ровно настолько быть претворено в жизнь, насколько и есть «сама жизнь». И историки «не молчат», если *наглядно* преобразуют действительность, и дети хороши, если не отходят *от всей* полноты памяти прошлого, и литература действительна уже потому, что нравственна, и журналистика — не ниже прочих, если не опускается до пропаганды *легковесных* романов и многое другое что говорит за одно. В 1985–1991 гг. в СССР получает «индальгенцию» социальная инженерия Модерна — с ее утратой «болевого порога» между должным и действительным, символикой обыденного и теоретического. Как сказали бы годы в 1960-е между «физикой и метафизикой». *Hic Rhodus, hic salta.*

Проследив эту линию, мы, исследователи-гуманитарии вполне вероятно, решимся искать «золотое сечение» перестройки в том, каким образом комментируются вопросы соотношения теории и практики, «слова и дела», корреспонденции идей их воплощению — и здесь мы найдем все концы и все начала. Перестройка — *гигантский модернистский эксперимент* в том смысле, в котором он сейчас обсуждается в общественных науках. Ее программа — поиск окончательного (в советской истории) подтверждения тому, что использование рациональности всегда, в сущности, социально, а теория настолько «превышает» жизнь, насколько полна, глубока и напряженна только *может быть* человеческая жизнь. Притом базовая идея «Высокая культура» равно «жизнь», как бы к ней не относится, вызывает уважение.

История сквозь призму общества

Митрохин Н.А.

Перестройка никак не повлияла на мое решение стать историком. Историком я бы стал в любом случае — начались бы реформы или нет. У меня и дед кандидат исторических наук, и отец вполне продвинутый человек по части гуманитарного сознания, просвещавший меня по части истории. Собственно, принципиальное решение стать историком было мною принято как раз в год начала перестройки — в 1985-м. Вопрос: каким бы историком я стал?

Я довольно рано для своего возраста принял участие в перестройке. С 15 лет — в 1988 году примкнул к демократической оппозиции, ориентируясь в идейном отношении на «Демократический союз», и к 17 годам уже имел пару административных судов, несколько задержаний за распространение самиздата и участие в митингах. Сразу после окончания школы я начал работать в первом тогда аналитическом центре «неформалов» — Московском бюро информационного обмена, через полтора года стал сотрудничать и с «Мемориалом».

Главное, наверное, что мне дало это время — это понимание того, что общество — есть. Здесь сегодня неоднократно заявлялось, что в России нет гражданского общества. Мне хотелось бы спросить в этот момент его нет или его и не было? На мой взгляд оно есть всегда. Вопрос — как оно себя выражает, организует, насколько влияет на принятие реальных политических решений.

Что мне дала перестройка? Это интерес к тому, как два-три человека соединяются, и что они вместе делают для выражения общих интересов. Отсюда, наверное, то мое (и моих коллег) противопоставление общепринятой российской исторической традиции. Один из моих предшественников сказал, что должна быть «правильная» история, цельная историческая концепция, которая в российской исторической науке, собственно, понимается одним образом: был царь Иван Грозный;

30 июня 2004 год

царь Иван Грозный сделал раз-два-три-четыре-пять, движение «раз» было хорошее, движение «два» было плохое, движение «три» было противоречивое, но, скорее, хорошее. То понимание, к которому я пришел таково, да, был царь Иван Грозный, но помимо него было еще много разных персонажей вокруг, которые водили рукой этого царя или реализовывали его решения. Соответственно, у меня возникает вопрос: насколько решение царя Ивана Грозного «номер пять» было реализовано? Насколько жизнь всей этой огромной страны или находящейся в ней маленькой деревни зависела от подписанного очередного указа?

Когда «железный занавес» окончательно обрушился и реально уже в девяностые годы до нас дошли (в массовом порядке) современные западные книги, и доехали зарубежные ученые — оказалось, что примерно те же вопросы последние десятилетия волнуют западную историческую науку, да и весь комплекс наук об обществе. Таким образом, для меня общество есть всегда, и оно важнее, чем его формальный руководитель.

Не знаю, можно ли это назвать методом, но, наверное, таково было формирование моего подхода к изучению истории.

Дискуссия

Зверева Г.И.

Тема «Позиция историка, который пытается осмыслить современную историю России, недавнее прошлое, связав его с настоящим» связана с личностным и профессиональным самоопределением тех, кто причисляет себя к нашему общему поколению. Такое позиционирование личное и профессиональное, конечно, во многом определяется и теми способами конструирования социальной реальности, которые каждый профессионал выбирает для себя — разумеется, не произ-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

вольно, а выбирая из фундаментального социально-гуманитарного знания, пользуясь корректными процедурами.

Вопрос, который мы сейчас обсуждаем, мне кажется, имеет не только фундаментальное значение, но и прикладное. Потому что для каждого из нас, как я уже сказала, это проблема конкретного выбора.

Климов И.А.

Позвольте отвлечь вас несколько маргинальными рассуждениями. Маргинальными, потому что здесь предлагается высказаться об исследовательской позиции историка. Я — социолог. Но по роду своих интересов занимаюсь проблемой, которая называется *social memory* (социальная память).

Перестройка для меня стала, действительно, поворотным моментом в том смысле, что сначала я собирался стать историком, но им не стал. Это время для меня отмечено огромным количеством исторических публикаций, литературы, которая выходила, в первую очередь, на тему «История России XX века».

На протяжении последних полутора или двух лет -мы реализуем проект, связанный с изучением памятных дат и отношением к истории Советского Союза, к истории XX века. Здесь есть две аномалии. Первая аномалия исследовательская, вторая — содержательная. Какая исследовательская аномалия?

Я вижу, что в явном или неявном виде присутствует установка, которую один из моих коллег озвучил так: «мы занимаемся «быдловедением». Более элегантно говорят: вот плебс думает то-то. В качестве подтверждающих аргументов говорится, как люди могут любить Сталина, когда было то-то, то-то? Люди ничего не знают о репрессиях или об истории с Катынским лесом или же мимо них прошел весь тот пласт публикаций, которые были в конце 80-х — начале 90-х годов?

Я вижу, что та историческая дискуссия осталась незавершенной. Знания, которые были брошены в общество, нанесли рану, и эта рана кровоточит. Что мне дает право на такое утверждение?

Идет дискуссия — мы организуем исследование по проблеме: фашизм и коммунизм — это одно и то же или нет? Я ви-

жу, людей, которые придерживаются полярных точек зрения, но на самом деле, доводы одной стороны не отменяют доводы другой стороны. Да, были репрессии, но была победа. Если фашизм — это одно и то же, что и коммунизм, то за что мы проливали кровь? Если это разное, то как объяснить сходство концлагерей? На мой взгляд, здесь возникает содержательная проблема.

Когда мы говорим об истории, мы должны понимать, что мы затрагиваем область идентичности. Психологи знают, что идентичность любого человека требует позитивного подтверждения. Например, если ребенку говорят в школе и дома, что он дурак, лентяй, то он будет искать позитивное подтверждение собственной идентичности где-нибудь в подворотне.

Сейчас возникает огромная проблема. Решить ее политологи, политики, историки, социологи, культурологи по отдельности не смогут. Проблема заключается в усвоении, интериоризации негативного опыта. Причем в усвоении, которое не приводило бы к уничтожению: да, был Катынский лес, и это плохо, но мы за это должны каяться.

С другой стороны, знание о преступлениях, о темных фрагментах нашей истории должно вплестись в представление о самих себе на уровне каждого человека. Потому что, если я принадлежу к этому обществу, в котором были лагеря и Катынский лес, то, значит, это как-то характеризует и меня лично. Я должен понимать, если я нахожусь в Кракове, как я должен относиться к мемориалу, к памяти Катынского леса, что я должен сам про себя знать и чувствовать, когда я в Аушвице.

Федорова Е. С.

Михаил Сергеевич говорил о том, что люди, которые живут в эпоху перемен, испытывают большую психологическую нагрузку. Это так, и я могу привести свой пример.

Когда я училась в школе, к нам пришел новый преподаватель истории, который стал преподавать совершенно по-другому и предлагал нам совершенно иную концепцию. В классе (урок шел где-то 50 минут) 40 минут было молчание. Он спра-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

шивает: «Почему вы со мной не спорите, почему не дискутируете?» — «Мы просто не знаем, что сказать, потому что Вы нам говорите то, о чем мы не знаем.» На самом деле, очень сложно это проходило. Такая же картина была в вузе.

Черняев А.С.

Я хотел бы поделиться некоторыми своими впечатлениями. У меня два слоя этих впечатлений. Во-первых, от искренних и глубоких эмоций, которые здесь были продемонстрированы. Во-вторых, от размышлений, от демонстрации серьезного ума, и серьезной образованности. Мне бы хотелось сказать по некоторым пунктам, которые меня заделали.

Здесь, действительно, больше присутствовала эмоциональная сторона и меньше — профессиональная. Мне кажется, если мы примем тезис, что для каждого поколения — своя перестройка, то историческую науку о перестройке можно закрывать.

Сошлюсь на свой собственный опыт. Я очень старый человек. Когда Михаил Сергеевич призвал меня к себе в помощники, мне было 65 лет. Но, кто читал мои книги, тот он поймет, что я устремился в перестройку со всей силой своего характера — значит, я был готов для этого. Не важно, кто в каком году родился, а важно, к чему он подготовлен был своей жизнью до того, когда наступил радикальный момент перехода в его давно им самим ожидаемое состояние.

Мне очень понравилось выступление, в котором говорилось, что нужно справиться с потоком, со шквалом информации. Это огромное испытание для человека, который решил стать настоящим историком. Тем более, в наше время. Тут — главное — в поиске истины.

Важно и другое, о чем здесь тоже говорили. У человека должны быть серьезные моральные критерии, чтобы сделать тот самый выбор и найти слова, чтобы отразить адекватно факты, события процессы.

Второе мое замечание связано с очень интересным выступлением о позитивизме и моделировании. Насчет модели-

30 июня 2004 год

рования. Мы эти модели видим на экране каждый день... В любой публичной дискуссии и многочисленных «круглых столах» журналистов, даже ученых этих моделей полно. Выглядит это пошло, отвратительно.

Я должен вам напомнить, и многие, наверное, знают, что классический образец моделирования в мировой историографии — это «Краткий курс истории ВКП(б)». Не дай Бог, нам скатиться к такой модели, к такому подходу в изучении истории.

Мне бы хотелось, наконец, посоветовать. Если вы, действительно, хотите посвятить себя осмыслению перестройки, изучайте оригинальные документы и свидетельства во всех доступных деталях и обобщайте факты, участвуйте у наших великих историков, которые работали и в классическую эпоху историографии и потом — да, да — в советские времена. Среди них встречались великие умы. Изучая источники, придется иногда подавлять в себе субъективный, эмоциональный подход к предмету.

Вы напомнили о позитивистах, о фон Ранке. Я думаю, что не вредно было бы, чтобы сначала историю перестройки попытались написать именно таким способом — т.е. путем изложения фактов, какими они являются нам в результате конкретного знания всех деталей, на основе ознакомления с их происхождением, с тем, как они изменялись, какими мотивами руководствовались люди на каждом повороте событий, при подготовке каждого решения. Иначе мы будем иметь такие учебники и такие диссертации, такие книги (а они уже есть), которые ничего не дают для подлинного понимания перестройки, а значит интеллектуально не служат будущим поколениям.

Долуцкий И.И.

Хочу внести немного хаоса в благостную обстановку обсуждения. Вы рассуждаете о научных маргиналиях. А я расскажу вам о государственной маргиналии. Я автор единственного учебника, который реально запретили при путинском режиме. Был, правда, фактически запрещен учебник Кредера по всемирной истории, но мой учебник — по истории отечественной.

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

Здесь призывали изложить причины перестройки. Я изложил причины. Но они не устраивают существующую власть. Это понятно — брежневское время не просто дорого большинству россиян, оно — один из аналогов того времени, в котором ныне стоим. Не устраивает полицейский режим описание Отечественной войны как части Мировой. Власть не устраивает то, что в книге показана чеченская война. Власть не устраивает многообразие точек зрения, представленное в тексте, режим поиска и диалога, в котором я предлагаю работать читателям. Власть убоилась несанкционированных ответов на острейшие вопросы. Она оказалась столь слабой, что испугалась шелеста книжных страниц! Авторитарная, по сути — на грани тоталитаризма, она не нашла в учебнике начальственных предписаний в духе нарождающейся единой государственной идеологии самодержавия, православия и подлости.

Здесь говорили о моделях, говорили о единой концепции. Не должно быть единой концепции! У нас, согласно Конституции, нет ничего единообразного. У нас многообразие, плюрализм экономический, социальный, идеологический и политический. А государство реализует проект по введению единомыслия. Я 25 лет работаю в школе и могу сказать: власть с 2000 года форсированно насаждает модель по оболваниванию детей и умышленно оставляет в сетке учебного плана всего два часа истории. Воинствующий дилетантизм чиновников и общественности простирается столь далеко, что требует оставить один учебник, ограничиться изложением событий до 2000, 1991, 1985, 1917 или иного рубежного года под предлогом неоднозначности оценок периода. Так ведь все времена — Грозного ли Ивана, Первого ли Петра, обоих Николаев и прочих оцениваются весьма противоречиво.

Здесь говорили о гражданском обществе. Я очень уважаю Мемориал как один из элементов, не хочу думать, что уже — реликтовых, этого общества. Но удалось ли нам отстоять то пространство свободы, которое мы унаследовали от перестройки?! Ведь перестройка не просто создала возможность переосмысления прошлого — она дала возможность многовариантного переосмысления.

А сейчас власть загоняет нас в единую, очень четко выстроенную концепцию. И что бы вы на социальной поверхности

30 июня 2004 год

или на маргиналиях исторических волн ни делали, там внутри (а каждый год из школы выходит 1 млн.200 тыс. человек) происходит то, что хочет власть, а не то, что хотим мы с вами.

Горбачев М.С.

Я хочу включиться в разговор с Вами. Я пометил себе: время Путина. В дискуссии оно уже появлялось.

Некоторое время назад у меня в этом зале возникла похожая ситуация с молодежной аудиторией. Главная претензия, которая ко мне предъявлялась: почему Вы поддерживаете Путина? Я разворачиваю аргументы: один раз, второй раз. Спрашиваю: теперь вам понятно? — Нет, Вы нас не убедили. — Хорошо, говорю, тогда, пожалуйста, поднимете руки, кто работал президентом? И поднял сам руку. Естественно, это была единственная рука. Они поняли мой ход, засмеялись, и пошел уже другой разговор.

Путин оказался в потрясающей ситуации. Он получил власть в наследство, но у него не было команды, он не готовился к этому. Путину достался хаос — в государстве, в армии, в экономике, в социальной сфере, во внешней политике. Больше того, внешней политики не было вообще. Были разные внешнеполитические шаги, реагирование на то или другое, подбрасывание «хоxm» — причем тогда, когда обсуждались вопросы стратегических вооружений.

Из этого хаоса надо было выбирать, но он уже грозил полураспадом России. Феодалный регионализм процветал. По 100–200 нарушений Конституции в каждом регионе и т.д. То, что Путин остановил эти разрушительные тенденции, начал собирание сил, создал какие-то предпосылки для стабилизации — это надо было поддерживать. А главное — его поддерживают люди. Что бы мы с вами ни говорили, что бы ни писали — и в поддержку Президента и против. В самые критические моменты шкала доверия Путину опускалась до 32–35 процентов, в основном — 50, а в последнее время — 70–75 процентов.

Я вижу, какие ошибки, какие просчеты он допустил в первом периоде, где сказал то, что не надо было говорить. Я полагал так: пусть Президент отвечает за всё, и не надо его поучать.

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

Пусть он слушает, пусть делает выводы, пусть осмысляет, пусть принимает решения.

Не все можно оправдать из того, что делает Президент. Но многое диктуется контекстом правления, и первый период, я думаю, все-таки выходит с «плюсом». Наступил второй. В своих статьях, интервью я говорю: если и второй период правления Президента будет направлен только на укрепление и удержание власти, тогда — это плохо. Нам нужна модернизация. Нам нужно выходить на проект, который вел бы нас к новым технологиям и был основан на современных представлениях об экологии, об инновациях, о новых информационных технологиях и т.д. Перспектива — за обществом знаний.

Недавно я встречался в Мюнхене с бывшим премьер-министром Франции Раймоном Барром. Мы встречались с ним и в тот период, когда Путин только начинал работать. Барр говорил: «Я вижу ситуацию в России. Не обойтись в такой ситуации без авторитарных методов. Придется прибегать к ним». У нас сразу заявляют: «это полицейский режим и т.д.», а он рассуждает: «а не получится ли, что возникнет новый авторитарный режим?». Я ответил: «Насколько я знаю Путина сейчас, мне кажется — нет».

Когда я вернулся в Россию, у нас была встреча с Владимиром Владимировичем, и я рассказал ему об этом разговоре. Он отнесся к нему очень серьезно.

Вы, наверное, обратили внимание, что в своих обращениях Путин делал акценты на тех же вещах: двигаться в постиндустриальное общество, конечно, решая проблемы бедности. Я бы сказал, что ориентиры для такого проекта на второй период есть, но я думаю, что существует большой разрыв между ними и тем, что происходит на уровне исполнения, тем, как это реализуется в реальной политике.

Пока я не могу сказать, что однозначный выбор сделан, но это — не движение к полицейскому режиму.

30 июня 2004 год

Долуцкий И.И.

Я понимаю Вашу позицию, Михаил Сергеевич, но принять не могу. Пользуясь случаем, предоставившимся впервые за последние двадцать лет, хочу сказать, что я с Вами принципиально не согласен.

При Вас произошло расширение поля свободы возможности выбора и рождение гражданского общества. Оказалось, что общество, люди могут организоваться и без Вас. Большое Вам за это спасибо. Да, мы самоорганизовались, когда нас было до полумиллиона человек только в Москве. А сейчас идет обратный процесс. Я думаю, Вы, как опытный политик, прекрасно это понимаете, отвлекаясь от всех позиций — государственных и прочих.

Идет обратный процесс. Оценка в моем учебнике этого режима как полицейского — становящегося или ставшего — послужила главной причиной запрета книги. В учебнике была приведена цитата из Г. Явлинского, другая цитата — из Ю. Буртина: режим де полицейский, авторитарный режим, личной власти Путина. А рядом были слова тогдашнего премьера М. Касьянова о том, что идут либеральные реформы...

Было задание для учащихся: «выберите ту из оценок, которая представляется верной или предложите что-то иное. Предлагалось выбрать и обосновать свою собственную позицию, используя другие источники и средства массовой информации. Именно подобные задания и возмутили больше всего чиновников из Минобразования, такая либеральная методика ныне не ко двору.

Война в Чечне, наступление на гражданские свободы и конституционные права, закрытие телепрограмм, запрещение учебников, дела ЮКОСа и РГГУ, экологов и ученых: все это называется на нормальном языке полицейским режимом. Попытки вмешательства в процесс образования и воспитывать людей с заданными свойствами свидетельствуют: авторитарный режим быстро трансформируется в тоталитарный.

«Полицейский режим» — это, скорее, эмоциональная оценка. Но я хотел бы сказать вот о чем: Михаил Сергеевич, на протяжении десяти с лишним лет издавались учебники истории, в которых содержались крайне резкие, несправедливые оценки перестройки и Вас. Никогда режим — тот, который существовал, и тот, который существует, — против этого не возражал. Ни при Ельцине, ни при Путине против этих учебников не было сделано абсолютно ничего, не предпринято никаких попыток как-то скорректировать такой подход, который превратился в тенденцию.

Здесь критиковали позитивистский подход к истории. Да, факты надо отбирать, но многие факты не введены еще вообще в научный оборот. В частности, хотелось бы, чтобы было введено в научный оборот кое-что из того, что Вы говорили Рейгану и Бушу. (Некоторые беседы уже опубликованы.) Чрезвычайно интересная беседа состоялась в 1988 году, когда только что произошло избрание Буша. Вы были в Соединенных Штатах Америки, выступали в ООН и встречались с двумя президентами одновременно на Губернаторском острове в Нью-Йорке. Мне запомнилось одно Ваше высказывание, когда Вы сказали, что мы перешли определенный рубеж в развитии нашего общества, в тех переменах, которые уже произошли. Вы говорили, что будут еще откаты, будут и какие-то зигзаги, но возвращение в прошлое уже принципиально невозможно. И другие вещи там были сказаны, очень, на мой взгляд, важные.

Мне думается, что сейчас мы действительно, присутствуем при откате или при каком-то зигзаге. Я вижу оправдание Вашей нынешней позиции поддержки Путина (не безоговорочной, но поддержки Путина) в том, что Вы, очевидно, очень твердо настаиваете на той мысли, на том тезисе, который вы сказали тогда, в 1988 году.

Здравомыслова О.М.

В продолжение того, о чем говорил Павел Русланович Палажченко: я вспомнила, как мы собирались перед этим круглым столом с его нынешними участниками. Мы рассуждали о том, что мы будем говорить о 20-лети перестройки, которое ожидается в следующем году. Мы — как историки, как исследователи. Кирилл Юхневич сказал тогда очень важные слова. Я его хочу процитировать: «обратите внимание, нынешняя власть, нынешняя политическая элита, не определяет этого отношения никак. Она не определила его нигде».

Я обратила внимание на то, что, во-первых, это заметил очень молодой историк, и это его хорошо характеризует как будущего аналитика. А во-вторых, есть факты, которые являются ключевыми. Неопределение отношения к перестройке в новейшей истории России — это принципиальный и ключевой момент, это позиция, которая дает понять, при создании какого проекта мы присутствуем.

Юхневич К.В.

Перестройка — это тоже тот опыт, который нужно усвоить, чтобы как-то на него опираться. Наше общество не определилось в конечном итоге, как относиться ко всему тому, что можно подвести под общее название «Сталин», со всеми процессами, событиями того времени, личностями и прочее — такие же проблемы будут ожидать нас, если мы не сможем определиться с перестройкой.

Чувствуется, что у власти нет однозначного ответа на этот вопрос. В последних документах (скажем так, базовых — Посланиях президента), ельцинский период оценивается ближе к стороне «минус», разруха, дезорганизация и прочее. Что тогда перестройка в данном контексте? Это начало дезорганизации или это начало, скажем так, правильного пути, а затем произошло отклонение?

Митрохин Н.А.

Возвращусь все-таки к нашей главной теме. Мне кажется, что увлечение учебниками и обсуждениями, что должно быть в учебнике истории, а чего не должно быть, немножко неправильно. Хотя я это регулярно слышу и в академических кругах. Относительно недавно слышал такое радостное высказывание заведующего каким-то издательством: «Ну как же, там где-то люди не понимали, что нужен вузовский учебник. Но теперь-то они поняли, что нужен настоящий вузовский учебник».

Конечно, мне как человеку, занимающемуся специфическим предметом, одним из предметов истории, наверное хотелось бы, чтобы предметов истории было в школе как можно больше часов, отведенных на историю; чтобы каждый выпускник в достаточных подробностях знал, чем один царь отличается от другого.

Но, с другой стороны, мне кажется, что это все-таки в целом лишняя нагрузка на учеников, что надо сокращать общий объем преподавания в школах сокращать количество часов. Довольно много людей со мной согласны, в том числе в педагогической системе: специализироваться, давать знания все-таки надо тем детям, которые реально хотят в будущем быть гуманитариями, а не физикам.

Для меня крайне сомнительна вообще идея преподавания истории 90-х годов и даже 80-х годов в рамках школьного курса. Все-таки это актуальная история. Каждый школьный учитель имеет свою точку зрения. Очень многие из них входят в те или иные общественные группы, которые хотели бы лоббировать свою точку зрения для подрастающего поколения. Сейчас мы имеем близкий к этому вопрос — преподавание основ православной культуры.

Поскольку в обществе нет консенсуса по поводу советской истории и, тем более постсоветской, я бы закончил школьно-исторический курс 17-м годом.

30 июня 2004 год

Зверева Г.И.

Думаю, что я выражу, может быть, мнение большинства присутствующих, если скажу, что было бы неплохо, если бы именно такого рода встречи представителей нашего общего поколения стали регулярными.

Мы могли бы еще раз в ближайшее время, в обозримое время, встретиться в Горбачев-Фонде и продолжить этот разговор. Потому что он остался незавершенным. Комкать его, пытаться в десять минут уложить то, что мы сейчас хотим сказать, — это недостойно того предмета, которым мы занимаемся.

Поэтому мое предложение: давайте оставим этот разговор, но обязательно его продолжим.

Горбачев М.С.

Здесь состоялся не простой, не примитивный, а очень серьезный разговор — и по методу, и по глубине, и по общему настроению.

Я много езжу — и за рубежом, и по России. Обязательно в каждом регионе посещаю один-два университета за поездку, встречаюсь со студентами. Это самая благодарная аудитория. Все разговоры о том, что молодежь, студенчество аполитичны — беспочвенны. Задают вопросы, которые свидетельствуют о том, что люди профессионально следят за всем. у них есть большой интерес.

Поэтому я — за следующую встречу.

Авторы выступлений о самих себе

Андреев Дмитрий Александрович

Доцент Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук.

Область интересов: футурология, прогнозирование, макросоциальные процессы, власть, политические технологии, прогнозирование.

Последняя публикация: «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина» (монография в соавторстве с Г. Бордюговым).

Баранов Александр Сергеевич

35 лет, в 1996 году окончил факультет Музеологии РГГУ.

Ученая степень — кандидат культурологии, специальность — историческая культурология. Тема кандидатской диссертации (защищена в 2000 г.) — «Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX — начала XX вв.».

Место работы, должность — РГСУ, Социологический факультет, доцент кафедры социальной антропологии.

Основная сфера научных интересов — преемственность «террористических» эпох в социокультурной истории России.

Бахтурина Александра Юрьевна.

Год рождения: 1966

Звание: кандидат исторических наук

Должность: доцент РГГУ.

Автор монографий «Политика Российской Империи в годы Первой мировой войны» (Москва, 2000), «Окраины Российской Империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны» (Москва.: РОССПЭН. 2004).

Специализируется в области этноконфессиональной по-

литики и управления окраинами Российской Империи конца XIX — начала XX века. Занимается изучением вопросов формирования административно-правового и этноконфессионального пространства в полиэтническом государстве. Изучает факторы, способствующие развитию ассимилирующей способности государства как условия поддержания его целостности.

Область научных интересов — история имперской России начала XX века, национальное самоопределение России, политическая история России XX столетия, история советских государственных учреждений.

Политические пристрастия — не являюсь членом какой-либо политической партии, симпатизирую здравомыслящим политическим деятелям.

Идеология — здравый смысл и конструктивный ко всем вопросам политической жизни страны.

Список публикаций:

- Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: национальная политика и государственное управление в годы первой мировой войны (1914–1917). М.: РОССПЭН. 2004. 25 п.л.
- Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М.: АИРО-XX. 2000. 16 п.л.
- Бахтурина А.Ю. Институты и структуры управления национальными окраинами в России XIX — начала XX века // Ардминистративно-территориальное устройство России. История и современность. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2003. с. 169–201.
- Бахтурина А.Ю. Имперская государственность и российская этнополитика // Исторические исследования в России –II. М.: АИРО-XX. 2003. с. 246–267.
- Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. с. 67–76
- Бахтурина А.Ю. Понятие федерализма в российском государственном праве начала XX в. // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М.: ИВИ РАН. 1999. с. 59–68.

Воробьева Ольга Владимировна

Год рождения: 1969

Образование: в 1991 г. окончила Липецкий государственный педагогический университет по специальности история и право.

Научная степень и звание: к.и.н., доцент

Место работы: Липецкий государственный педагогический университет, кафедра социальной и духовной культуры

Сфера научных интересов: историография, методология современного гуманитарного знания, история англоязычных стран.

Публикации:

- Диалог культур в свете учения А.Д. Тойнби о цивилизациях. Россия и Запад : диалог культур (Материалы 2-й международной конференции 28–30 ноября 1995). М.: МГУ, 1996
- Проблема взаимоотношений России и Запада в учении А.Д. Тойнби о цивилизациях. Историческая мысль в современную эпоху (Материалы II межвузовских исторических чтений, посвященных памяти профессора В.А. Козюченко). Волгоград, «Перемена», 1997.
- Феномен власти в философии истории А.Д. Тойнби. Мир власти: традиция, символ, миф (Материалы Российской научной конференции молодых исследователей, 17–19 апреля 1997). М.: РГГУ, 1997.
- Неоконченный диалог: размышления Н. Конрада и А. Тойнби об исторических судьбах Европы и России. Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1.
- Гуманитарные науки. № 2. 1997 Геополитические факторы взаимодействия России и Германии в XX веке. Копелевские чтения 1997. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 199
- Представление об историческом времени и пространстве в историософиях Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2000

Ивашников Кирилл Владимирович

Родился в 1980 г. в г. Москве.

В 2002 г. закончил РГГУ (факультет архивного дела), в настоящее время аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени.

Сфера научных интересов — «перестройка», постсоветская история, в рамках этих периодов — деятельность неформальных организаций.

Каспэ Ирина Михайловна

Год рождения: 1973

Аспирантка Института высших гуманитарных исследований (РГГУ).

Специальность — теория и история культуры.

Область научных интересов — «литература» как социальный институт, проблемы социальной идентичности, теория «поколений».

Работала в качестве редактора и обозревателя в газете «Ех Libris-НГ», в книжных разделах сайтов «Поле.ру» и «Русский журнал». Постоянно сотрудничала как книжный рецензент с журналом «Новое литературное обозрение». Публиковала статьи и эссе в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас», «Иностранная литература»; участвовала в сборниках «Культура и власть в условиях коммуникативной революции. Форум немецких и российских культурологов» (АИРО-XX, 2002), «Исторические исследования в России — 2» (АИРО-XX, 2003). В настоящее время готовится к защите диссертация на тему «Незамеченное поколение» в литературе русской послереволюционной эмиграции».

Идеологически и политические предпочтения — либеральные.

Некоторые из публикаций:

- Кривое антизеркало. «Советский» и «постсоветский» анекдот: проблемы жанровой трансформации // Новое литературное обозрение. № 43 (3/2000). Феномен «актуальной литературы» в российской критике конца 90-х годов // Неприкосновенный запас. №16 (2/2001).

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

- Ориентация на пересеченной местности: Странная проза Бориса Поплавского. //Новое литературное обозрение. № 47 (1/2001).
- Бегство от власти: литературный журнал в эмиграции и в интернете. «Числа»(Париж) и «TextOnly» // Культура и власть. Форум немецких и российских культурологов / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. М.:АИРО-XX, 2002.
- Представление истории и представления об истории в русском интернете //Исторические исследования в России-2. Семь лет спустя / Под ред.Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003.

Митрохин Николай Александрович.

Родился в 1972 г. в Москве.

Окончил Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (1995).

Кандидат исторических наук (РГГУ, 2002).

Хранитель фондов ЦГА РФ (1989–1991), сотрудник Московского бюро информационного обмена (1989-1990), научный сотрудник Информационно-исследовательской группы «Панорама» (1991–1999),

Центрально-Азиатского проекта Правозащитного центра «Мемориал» (с 1999), директор АНО «Институт изучения религии в странах СНГ и Балтии» (с 2002 г.).

Член правления блока «Общественный договор» Института открытого общества-Россия (2001), член Наблюдательного совета Института толерантности (с 2003), научный консультант Института гражданского анализа (с 2004).

Автор более 60 научных работ по этническим и религиозным проблемам СССР-СНГ (с 1953 г. по настоящее время), опубликованных на шести языках, в том числе монографий:

- «Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы» (М., 2004, в печати);
 - «Русская партия: движение русских националистов. 1953 — 1985» (М., 2003);
- книг (в соавторстве):

- «Экономическая деятельность РПЦ и ее теневая составляющая» (М., 2000),
- «Туркменистан: государственная политика и права человека» (М., 1998), «Епископы и епархии РПЦ» (М., 1997).

Прозоров Вадим Борисович

Год рождения: 1968

Звание: кандидат исторических наук

Должность: доцент Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Специализируется в области медиевистики, истории эсхатологических учений поздней античности и раннего средневековья, патристике, истории Балкан, современных политтехнологий в истории, истории исторической науки, современной истории.

Сфера интересов: средневековье, история христианской церкви, богословие, славистика, история идей

В 1993 г. закончил ист. ф-т МГУ

1993–1997 — аспирантура ист. ф-та МГУ

1994–1995 — магистратура на Отделении средневековых исследований Центрально-европейского университета. Магистр искусств в области средневековых исследований (1995).

1997 — кандидат исторических наук. Диссертация посвящена средневековой балканской истории.

С 1997 — сотрудник кафедры истории юж. и зап. славян ист. ф-та МГУ

С 2001 — заместитель завед. кафедрой; доцент

Читает лекции по истории и географии Центральной Европы и Балкан до конца XVIII в. на историческом и филологическом ф-тах МГУ

2002 — читал курс лекций по средневековым эсхатологическим представлениям на философском ф-те Новосибирского гос. ун-та (вместе с Е.В. Афонасиным и Д.А. Андреевым).

2003 — стипендиат программы Фулбрайт. Стажировка в Католическом ун-те Америки (Washington D.C.).

Чечель Ирина Дмитриевна

Год рождения: 1975

Старший преподаватель кафедры отечественной истории новейшего времени ИАИ РГГУ.

Образование:

Аспирантура РГГУ в период с 1998 по 2001гг.: специализация по кафедре отечественной истории новейшего времени РГГУ. Научный руководитель — директор МГИАИ РГГУ, д.и.н., профессор А.Б. Безбородов. Тема диссертации: «Научно-исторические представления в условиях общественной трансформации (1985–1991гг.)».

Факультет архивного дела РГГУ в период с 1993 по 1998 гг. Научный руководитель — декан ФИПП РГГУ, д.и.н., профессор А.П. Логунов. Тема дипломной работы: «Историографическая ситуация 1985–1991 гг.: содержание и тенденции развития (на материалах отечественной историографии)». Участвовала в спецсеминаре А.П. Логунова «Духовная жизнь русского общества второй половины XIX — начала XX вв.» (1994–1998 гг.).

Некоторые публикации:

- Человек и общество в кризисную эпоху: Материалы «Круглого стола»// Журнал ФИПП. 1997. № 1;
- Чечель И.Д. Историографическая ситуация 1985–1991гг.: проблема самоидентификации профессионального сообщества//Россия в XX веке: проблемы изучения и преподавания. М., 1999;
- Чечель И.Д. Историческая публицистика 1985–1991 гг. и историческая наука: точки соприкосновения// «Новая Россия»: социальные и политические мифы. М., 1999;
- Чечель И.Д. Исторические представления советского общества эпохи перестройки// Образы историографии. М., 2000;
- Чечель И.Д. Кризис исторической науки: на перекрестке мнений// В ориентирах культурной политики: (Науки о культуре — шаг в XXI век: Конференция — семинар молодых ученых. Москва, 20–21апреля 2000г.). М., 2000;
- Чечель И.Д. Феномен «здорового смысла» в российской историографической практике второй половины 1980-х-

- 1990-е годы// Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. М., 2000;
- Чечель И.Д. К вопросу об историографической культуре отечественных профессиональных историков// Выбор метода. М., 2001;
 - Чечель И.Д. Перипетии «застойности»: концепт Времени в представлениях советских интеллектуалов (1970-е— нач. 1990-х гг.)// Историческое знание и интеллектуальная культура: (Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г.). М., 2001;
 - Чечель И.Д. Мифы и «реальность» истории: Об одной тенденции в новейшей историографии// Исторические исследования в России — II: семь лет спустя. М., 2003.

Юхневич Кирилл Викторович

Год Рождения: 1983

Студент института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (ИИФ РГГУ).

В сферу научных интересов входят проблемы российской социально-экономической истории конца XIX — начала XX вв. и периода 1920–60 гг. В частности, такие аспекты, как банковская история (Общественные банки дореволюционной России), повседневность ряда соц. групп советского общества (красные директора, крестьянство 1920–30 гг.), политические аспекты оттепели (десталинизация, работа высшей бюрократии). Интересуют также актуальные проблемы современной политики и культуры.

Четких, в полном смысле идеологических, пристрастий не имею. Выступаю за права человека, гражданские свободы, демократические институты власти. Так что, отношу себя скорее к правополиберальной части политического спектра (по русской классификации).

Публикации:

- Пермский Общественный Марьяинский банк в контексте российской модернизации //Юность науки: материалы открытой конференции учащихся. — Обнинск, 2000.Стр. 44.
- К вопросу об экономической культуре пермских обывателей начала XX в. //Фундаментальные ценности россий-

Горбачевские чтения: Перестройка 20 лет спустя

- ской культуры и образования на рубеже веков. — Пермь, 2000. Стр. 130.
- Ролевые игры в образовательном процессе (некоторые аспекты проявления элементов массового сознания в работе малой группы) (в соавторстве с Б.М. Проскурниним) // Массовая культура как феномен XX в. — Пермь, 2001. Стр. 97.
 - К вопросу о применении социологического метода при изучении истории социально-экономических институтов // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Екатеринбург, 2001. Стр. 156.
 - Архетип в законе // Миф и рациональность в XX в.: материалы четырнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов Майские чтения, — Пермь, 2002. Стр. 69.
 - Second hand — новое культурное пространство // Культурный мир меняющейся России: материалы пятнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов Майские чтения. Пермь, 2003. Стр. 66.
 - Повседневная хозяйственная жизнь русской деревни. 1923–1925 годы // Астафьевские чтения: материалы I-ых гражданских чтений памяти В.П.Астафьева. — Пермь, 2003. Стр. 96.

В настоящее время к выходу готовятся статьи:

- Метод контент анализа в работе с источниками по политической истории (Сборник памяти З. Файнбурга).
- Сталин после Сталина. Концепт Сталина в рабочей практике президиума ЦК КПСС 1954–64 гг. (англоязычный доклад, прочитанный на русско-немецком семинаре Десталинизация в СССР: политика и повседневность // Die Entstalinisierung: Politik und Alltag) в Москве (2004 г.)

**ДОКЛАДЫ
УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА
«ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Влияние перестройки
на исследовательскую культуру историка
и современное историческое образование**

Воробьева О.В.

Главным воздействием перестройки на исследовательскую культуру историка было, с одной стороны, восстановление контактов с западной наукой, включение российских исследователей в современные научные дискуссии, с другой — возвращение личной, живой связи отечественной науки и отдельных людей с собственными научными и культурными традициями.

Последствиями этого стали *ломка сложившихся мировоззренческих основ, отказ от традиционных марксистских и позитивистских основ историописания, стремление использовать новые подходы, расширить проблемные поля и лексикон, расширить пространство исторической рефлексии, в том числе и личностной саморефлексии в среде профессионалов.* Сегодня исследовательское сознание и мышление имеет принципиально иной характер. Он исключает дисциплинарную иерархию и теоретико-методологическую унификацию, ориентирован на стереоскопичность видения изучаемых объектов, многосторонность их дисциплинарных толкований, достигаемых в индивидуальном процессе интеллектуального междисциплинарного диалога. Под сомнение поставлена правомочность претензий исторической науки на познание прошлого.

Горбачевские чтения

Пересмотру подверглись представления и о социальной функции истории и историка.

Тем не менее, эти *фундаментальные сдвиги в академической науке пока что значительно опережают процессы, идущие в системе исторического образования*. Господствующей парадигмой исторического образования по-прежнему остается консервативно-просветительская система правил и предписаний. В учебной литературе преобладают построения и концепты, унаследованные от недавнего прошлого. Стандарты нового поколения, закрепив новые реалии, не только не включили произошедшие в социогуманитарном знании сдвиги в минимум подготовки специалистов по истории, но зачастую приобрели охранительное значение. Так, например, в новых стандартах образования существенно расширено место российской истории в историческом образовании за счет сведения к минимуму компонентов всемирной истории. Не может не настораживать и намерение авторов стандартов рассматривать отечественную историю вне связи с историей мировых цивилизаций. Поскольку объем новейшей истории России в полтора раза больше всего остального объема этой дисциплины, можно говорить о том, что это — мировоззренческая дисциплина с выраженной идейно-политической прагматикой.

Как отмечали организаторы и участники всероссийского научно-методического совещания «Проблемы методологии исследований, инновационных подходов и координации научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе», состоявшегося в Институте всеобщей истории в январе 2003 г., *«кризисное состояние профессиональной историографии, внешне выражающееся в распаде национально-официальной парадигмы, обнаружилось в необходимости соблюдения правил своей профессии и в то же время осознанием нереальности их выполнения. Преодоление этой раздвоенности происходит порой за счет включения в практику исследовательской работы процедур обыденного мышления, введение в профессиональный исторический дискурс архаических идей-образов и концептов коллективной памяти»*.

Это состояние разрыва между возможностями и культурными реалиями внешне выглядит как кризис идентичности, поколенческий сбой, идейный кризис, мировоззренческий анар-

хизм и зачастую переводится в критику новых идейных установок, сопрягается с конструированием негативных фантомов, против которых следует бороться¹.

Воздействие перестроечных и постперестроечных процессов на академическую науку нашли заметное отражение в трансформации социально-стратификационной сферы, утрате традиционной групповой солидарности и выстраивании нового содержательного компонента идентификационного пространства.

Во-первых, речь идет о *значительном увеличении удельного веса негативной идентичности* социогуманитарной интеллигенции в общем процессе поиска себя. Российской интеллигенции сегодня проще идентифицироваться путем указания на чужое, отказа от самопричисления к неприемлимому, выстраивание всевозможных этических барьеров. Во-вторых, наблюдается *сужение рамок идентификационного пространства* и затрудненность формирования общегражданских, общекультурных солидарностей. Устойчивость жизненного мира воспринимается в границах локальных, профессиональных и статусных общностей, коммуникативное, ценностное и символическое взаимодействие между которыми во многом утрачено. В-третьих, нарастает *состояние неудовлетворенности общественными процессами, их общей направленностью, а также рассогласованностью между внешней востребованностью личностных и профессиональных качеств и внутренней целостностью, осмысленностью своей социокультурной позиции.*

По сути, развивается процесс социального конструирования гуманитарной интеллигенции как некоего анклава с идентичностью социального меньшинства.

¹ Подробнее см.: Репина Л.П., Зверева Г.И. История как учебная дисциплина // Преподавание гуманитарных дисциплин в ВУЗах России: состояние, проблемы, перспективы. Аналитический доклад. М.: Логос, 2001. С. 181–197.

Исследование современной интеллектуальной истории: советское общественное сознание 1985–1991 гг.:

Чечель И.Д.

Приступая к изучению общественного сознания периода перестройки, мы исходим из того, что сам выбор типа описания этого феномена представляет определенную трудность. На наш взгляд, в нем должны быть сведены воедино три подхода:

- изучение «идеологической традиционализации»
- осмысление роли советской публицистики
- изучение конвергенции жанров в социальном знании 1985–1991 гг.

Что касается первого подхода, то он базируется на анализе взглядов «традиционных интеллектуалов» (А. Грамши, 1991) — философов, адвокатов, преподавателей, историков, пропагандистов и т.д.¹ — и изучении феномена «идеологической традиционализации» (Д. Нойс, Р. Д. Абрамс, 1999). Под «идеологической традиционализацией» понимается осуществляемый элитой «перевод» (translation) популярных, распространенных или просто локально значимых в низовых субкультурах идей («vox populi»; «community metacommentaries») в руководящие, принципиальные для всего социума «термины» (hegemonic terms)². Можно рассмотреть перестройку, как характерную инверсию контркультурных или маргинальных до того времени (низовых) идей в некие идеологические домини-

¹ См.: Грамши А. Интеллигенция и организация культуры// Тюремные тетради в трех частях. Часть 1. М., 1991. См. об этом: James Fentres and Chris Wickman, *Social Memory*. Oxford, 1992. P. 103; Agnes S. Ku, *The 'Public' up against the State*// *Theory, Culture & Society*. 2001. №18 (1). P. 124.

² Dorothy Noyes and Rodger D. Abrams, *From Calendar Custom to National Memory*// *Cultural Memory and the Construction of Identity*. Detroit, 1999. P. 90, 95.

нанты³. В то же время это было осуществлено за счет совокупного вклада в перестроечный процесс так называемых «прорабов перестройки» — интеллектуальной элиты, сформировавшейся во взглядах (вплоть до начала перестройки зачастую вполне традиционных) задолго до 1985–1991 гг., но также, значительной степени, выразивших эти низовые идеи⁴

Новая роль публицистики

На наш взгляд, среди «традиционных интеллектуалов» 1985–1991 гг. можно особо выделить не только партийных идеологов и ученых, всегда обладавших в советском обществе правом интеллектуальной инициативы, но и слой перестроечных публицистов. Имея в виду определенную модель «ментальной революции»⁵, а именно поляризацию общественного сознания, происходившую в СССР во второй половине 80ых годов, мы избираем в качестве объекта анализа феномен пе-

³ Наиболее очевидный пример — горбачевская идея «реализма» или «здорового смысла», по существу, определявшая и комплексные новации, и подходы к их осуществлению. Являлась ли эта идея плодом развития элитарного сознания и, главное, элитарной инициативой? Была ли она «спущена сверху» и внедрена в общественное сознание прежде всего привилегированными группами населения? Да, действительно. При всей несхожести взглядов советских элит на программу, ориентиры перестройки ее подавляющее большинство (в том числе и вновь формирующаяся элита — т.н. «неформалы») инициировало массовую поддержку «реализма», пропагандируемого с высоких трибун. Тем не менее, признавая эту идею элитарной инициативой и элитарным «предприятием» (в том смысле, что она артикулировалась в законченном виде элитой) нельзя не видеть, что в годы перестройки само ее возникновение в рамках «нового политического мышления» интерпретировалось строго однообразно: в ней усматривалась попытка разрешения противоречий между классической марксовской доктриной и советской практикой в ее трактовке, присущей не элитарному, а массовому сознанию. Такое предположение, типичное для советского политического дискурса 1985–1991 гг., выявляло существо идеи «реализма» и, в частности, ее «низовые» коннотации.

⁴ Ср. определение времени перестройки, касающееся, в частности, партийной элиты: «Новое мышление» — «понимание руководителями того, что уже давным — давно поняли все остальные» (АИФ: «Юмористический словарь эпохи перестройки» (Цит. по: Томашевская К.В. Станет историей завтра// Клио. 1999. №1 (7). С.225).

⁵ См. пример разработки данной дефиниции в: Davies R. W. Soviet History in the Gorbachev Revolution. Birmingham; Bloomington, 1989. P. VII и др. (См.: Part I. P. 8–125).

Горбачевские чтения

рестроечной публицистики. Перечислим причины такого выбора.

*Прежде всего, он продиктован уникальностью места, занимаемого перестроечной публицистикой в общественных дебатах 1985–1991 гг., то есть уникальностью ее социальной топологии*⁶.

— За публицистикой 1985–1991 гг. закреплялась репутация влиятельной социальной силы, способной не только выдвигать на общественное обсуждение те или иные новые темы, но и, воздействуя на общественное сознание, опережать партийных идеологов и ученых по оперативности ответов на наиболее современные его запросы⁷;

— «Публицистический бум» поражал беспрецедентным размахом. К формированию нового лица публицистики подключались партийные функционеры (например, А. Яковлев и Е. Лигачев), известные литераторы, философы, экономисты, историки, деятели культуры, недавние диссиденты (А. Сахаров, В. Максимов, А. Янов, А. Зиновьев, А. Солженицын) и неразличимая прежде социальная категория — «простые советские граждане», считавшие своим долгом выносить на общественный суд самые разнообразные соображения и взгляды;

— Публицистика оказалась ареной гласности, полем своеобразной координации многочисленных представлений о пе-

⁶ Термин, активно разрабатывавшийся М.К. Мамардашвили (См., например: Лекции о Прусте: (Психологическая топология пути). М., 1995; Психологическая топология пути: Марсель Пруст «В поисках утраченного времени». Спб., 1997).

⁷ См., например: По страницам истории// Страницы истории. Дайджест прессы. 1987. Л., 1988. С.3; Годичное собрание АН СССР// Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 224; Chetverikov N. Samizdat Without the Halo: A commentary on the role of Culture in Perestroika// Perestroika 1989/ A. Aganbegyan (ed.). N.Y., 1988. P. 248; Маслов Н.Н. Что мешает воссоздать объективную историю партии?// Историки отвечают на вопросы: Сборник/ Сост. А.Н. Свалов. М., 1988. Вып. 1. С.7; Поликарпов В.В. От составителя// Историки отвечают на вопросы: Сборник/ Сост. В.В. Поликарпов. М., 1990. С. 3; Ковальченко И.Д. «Исследование истины само должно быть истинно»: Заметки о поиске исторической правды (О методологических проблемах, требующих разработки историками и другими общественоведами)// Коммунист. 1989. №2. С. 86; Проблемы истории и современность: «Круглый стол»// Вопросы истории КПСС. 1989. №2. С. 47-48; Баткин Л. Возобновление истории. М., 1991. С.45.

рестройке. Причем в перестроечной публицистике идеологи преобразований, иначе говоря, легитимный (партийный и научный) идеологический дискурс⁸, не занимал однозначно главенствующего положения. Видимым подтверждением доминирования в популярности публицистов над партийными лидерами уже через три года после начала перестройки явились социологические опросы, проводившиеся на так называемой «публицистической волне 1988 года». Отличительное свойство последней — начавшаяся интеллектуализация публицистики, благодаря которой в массовых оценках публицистических статей «вместо общеупотребительных высказываний типа: «правильная — неправильная», «хорошая — плохая», «злободневная — несовременная», «полезная — вредная», «выдержанная — невыдержанная» и т.п. появилась оценки типа: «умная статья», «умный человек», «заставляет думать», «статья-задача», «интеллектуальная работа» и т.д.»⁹.

В этот во многом поворотный для публицистики год ее роль в становлении трансформирующегося общественного сознания изучалась неоднократно.

Например, согласно данным опросов читателей газеты «Книжное обозрение» (март 1988 г.), телезрителей программы «Взгляд» (июнь 1988 г.), опроса аудитории в ходе представления в МГУ нового публицистического сборника «Зависит от нас» (сентябрь 1988 г.), а также телефонных опросов среди москвичей, включенных в адресно-телефонную сеть Института Книги, «в своеобразном конкурсе популярности относительно устойчивым оказалось ядро из пятидесяти авторов». Список выглядел следующим образом, будучи расположен «в порядке убывания упоминаний в среднем по четырем опросам»:

«1. Н. Шмелев; 2. А. Нуйкин; 3. Г. Попов; 4. Ю. Карякин; 5. Ю. Черниченко; 6. В. Селюнин; 7. Ф. Бурлацкий; 8. О. Лацис; 9.

⁸ См. в этой связи диссертацию: Erol N. Ideology as political discourse: a case study of print media discourses on Glasnost and Perestroika: Dissertation .— Michigan State University, 1993.

⁹ Публицистика-88 как объект исследования: (Социологический комментарий) // В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: Лучшие авторы 1988 года. М., 1989. С. 241.

Горбачевские чтения

А. Стреляный; 10. А. Ваксберг; 11. Г. Лисичкин; 12. Н. Иванова; 13. И. Клямкин; 14. Ю. Афанасьев; 15. Т. Иванова; 16. Е. Евтушенко; 17. В. Коротич; 18. В. Распутин; 19. Ю. Буртин; 20. С. Андреев; 21. Т. Заславская; 22. Д. Волкогонов; 23. Н. Ильина; 24. Г. Шмелев; 25. В. Амлинский; 26. В. Лакшин; 27. Р. Медведев; 28. М. Алексеев; 29. Л. Абалкин; 30. Д. Гранин; 31. Э. Генри; 32. В. Астафьев; 33. Л. Овруцкий; 34. И. Васильев; 35. Ю. Щекочихин; 36. А. Аганбегян; 37. А. Гельман; 38. Л. Жуховицкий; 39. М. Горбачев; 40. Е. Лосото; 41. И. Бестужев — Лада; 42. Б. Можаяев; 43. Д. Лихачев; 44. С. Залыгин; 45. А. Ананьев; 46. В. Поликарпов; 47. В. Сойфер; 48. В. Аграновский; 49. В. Шубкин; 50. А. Рубинов»¹⁰.

Как видим, М.С. Горбачев занимал в этом ряду только 39-ю позицию. Тенденции изменения советской информационной среды (и, в частности, известная самостоятельность публицистики в новом идеологическом контексте) были налицо.

Исключительна роль, сыгранная перестроечной публицистикой в обновлении «умственного инструментария»¹¹ советского сознания.

Конечно, никто не станет отрицать того, что большей частью идеи публицистов все-таки опирались на идеологические постулаты, выдвигаемые в 1985–1991 гг. советским руководством¹². Однако их энтузиазм в развитии принципов «нового мышления» с самого начала зашел гораздо дальше, чем рассчитывало даже реформаторское крыло КПСС. Призывы к «осторожности», «серьезности», предотвращению «всплесков эмоциональности» и «сенсационности» советских СМИ и, главным образом, телевизионной и печатной публицистики, звучали со стороны партийной элиты с нарастающей требовательностью.

¹⁰ Там же. С. 242.

¹¹ См.: Febre L. Le probl(me de l'incroyance au XVI (si(cle. La religion de Rabelais, Paris, 1942.

¹² Ср., например: Из реки по имени Факт. Первая книга молодых публицистов. Л., 1986; Прямая речь. Публицистический сборник. М., 1987; Если по совети... М., 1988; Иного не дано. М., 1988; Зависит от нас: Перестройка в зеркале прессы. М., 1988; 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989; В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: Лучшие авторы 1988 года. М., 1989; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Погружение в трясины: (Анатомия застоя). М., 1991.

тью¹³. Параллельно этому, начиная с 1987–1988 гг. КПСС предпринимала и прагматические шаги к ограничению развернувшихся в mass media «неформальных» дебатов. Так, скажем, на XIX партконференции было принято решение документально зафиксировать установку на поиск «возможных» и «разумных» пределов гласности¹⁴ и еще раз предостеречь прессу от скоропалительных решений. Партия вообще демонстрировала обеспокоенность «болезнями роста» гласности. При этом СМИ и их «пятая колонна» — публицистика, радикализировавшая социальные дискуссии 1985–1991 гг., выступали для КПСС, очевидно, главными носителями всех его негативных черт.

Между тем, активность (а в глазах партократов — запальчивость) публицистической «борьбы за перестройку» не угасала, а становилась все большей, собственно же публицистика — идеологически неуправляемой¹⁵. К началу 1990-х гг. сравнительная самостоятельность избранной ею линии интерпретации перестройки переросла в тенденцию к окончательной ревизии советской системы. Все это подтвердило факт сосредоточения в публицистике некоего новаторского идейного потенциала, вызванного к жизни горбачевским «новым мышлением» и, тем не менее, идущего вразрез со «сбалансированной» политикой реформ.

¹³ См., например: Горбачев М.С. Убежденность — опора перестройки//Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т.4. М., 1987. С.368 — 375 (То же — Убежденность — опора перестройки. Встреча в ЦК КПСС// Партийная жизнь. 1987.№5); Горбачев М.С. Практическими делами углублять перестройку// Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т.5. М., 1988. С. 254-267; Никонов В. П. Жить заботами и нуждами народа// Правда. 1988. 25 декабря. См. также: Синенко В.Г. Критика в печати как стимул перестройки: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1996. См. также: Stephen Wheatcroft, Steadying the Energy of History and Probing the Limits of Glasnost': Moscow, July to December 1987// Australian Slavonic and East European Studies i, no.2 (1987).

¹⁴ Определение взято в: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988.

¹⁵ Ср. экспрессивное замечание Ю. Черниченко: «Сейчас идет обновление по всему фронту сознания. Время публицистики — обнаженного мышления» (Цит. по: Нуйкин А. На том стою!.. М., 1991. С.122). См. также: Стреляный А. Постепенность — самоцель?// Апрель. Вып. 1. М., 1989. С.207— 210 [То же — В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: Лучшие авторы 1988 года. М.,1989]; Он же. Признаки живого: Из заметок времен перестройки// В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: Лучшие авторы 1988 года. М.,1989. С. 87-90.

Горбачевские чтения

Не будь так — публицисты 1985–1991 гг. не превзошли бы первоначально возлагавшиеся на них и партией, и обществом ожидания, образовав равноправную интеллектуальную оппозицию КПСС и в то же время точно отразив систему новых социальных приоритетов. Не будь так — они не выразили бы стихийно зарождавшуюся идеологию обновления¹⁶, движение «снизу», превысившее порог идеологической прочности КПСС¹⁷.

Конвергенции жанров в социальном знании 1985–1991 гг.

Перестройка дала поразительный пример свободной циркуляции идей¹⁸. Стоило Г.Х. Попову выдвинуть термин «Адми-

¹⁶ См. в этой связи: Общественное мнение в условиях перестройки: проблемы формирования и функционирования. М., 1990; Общественная мысль: Исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990.

¹⁷ Интересную трактовку этого процесса дает английский историк Д. Лэйн: «Переход к большому плюрализму и автономии общественных групп, всегда сопряжен с рядом опасностей. На Западе региональное, религиозное, этническое и классовое сознание всегда способствует возникновению потенциальных и часто силовых источников расколов, конфликтов, конфронтаций. Со времен Сталина и его преемников и вплоть до Горбачева такого рода манифестации социальных столкновений были лимитированы за счет унитарной идеологии, политических манипуляций и, когда все остальные управленческие ресурсы претерпевали крах, силовых методов воздействия. Отвергая данный идеологический и политический шаблон, Горбачев поколебал идеологический и политический базис, благодаря которому соответствующая система управления получила, начиная с 1917 г., легитимацию. Реформаторская инициатива конфронтировала теперь с не всегда явно выраженными страстями и эмоциями, подчас не имевшими рационального обоснования; некоторые общественные группы ... ставили под сомнение фактические основы советской государственности. Марксизм-ленинизм и формальная властная монополия КПСС утрачивали прежние прочные позиции. «Старый порядок», ведущий свое начало от большевистских идеалов, был основан на своеобразной форме «механической солидарности», имеющей, в свою очередь, корни в специфике русской культуры, а также в особенностях партийной идеологии и партийного контроля. Горбачевские же реформы были прямо ориентированы на поиск «органической солидарности», или «морального порядка», дающего возможность роста социального и политического консенсуса. Однако эта цель не была достигнута, последствием чего явился общий «кризис легитимности»» (См.: Lane D. Soviet society under Perestroika L.; N.Y., 1992. P.129). О недооценке М. Горбачевым следствий политики гласности см.: Buckley M. Redefining Russian Society and Polity. Boulder, 1994.

¹⁸ До начала перестройки информационный поток в советском обществе (См.: Коробейников В.С. Анализ массовой коммуникации. Новосибирск, 1970)

нистративно-командная Система управления» (АКС)¹⁹, как им тотчас воспользовались в обществоведении²⁰, он возник в программных речах М.С. Горбачева, в журнальной и газетной периодике, в выступлениях тележурналистов и письмах в различные редакции «трудящихся»²¹. Стоило выйти на советский экран художественному фильму «Покаяние» (1986 г.)²², как А.Н.

был не только регламентирован, но и институционально стабилен. Так, историки были обязаны решать исторические проблемы, не посягая на проблемы идеологии; деятели культуры — «пропагандировать» советскую культуру, не выходя за рамки ее официально признанных образцов; идеологи также имели свою информационную нишу и систему запретов и ограничений и т.д. Вследствие унитарности советской идеологии и пресечения самостоятельности на местах каждая социальная институция являлась монополистом в своей информационной сфере. С другой стороны, все они структурно оформляли единую идеологию и находились в зависимости от партийных инициатив. Перестройка разрушила эту практику: идеологическая вертикаль стала полицентричной и в меньшей степени обусловленной распределением социальных ролей. Иначе говоря, хотя коммунистическая идеология и оставалась в 1985-1991 гг. приоритетной, КПСС перестала быть единственным источником идеологических, институциональных и информационных новаций. Вся эта ситуация благоприятствовала тому, что «неклассические» по отношению к марксистскому наследию идеи вполне транслировались на самом высоком уровне. О перестроечном «обвале информации» см.: Митрофанов С. Эстетика тупика// Проблемы Восточной Европы. 1989. № 27-28. С. 48.

¹⁹ См.: Труд. 1988. 19 июня. Кроме того см.: Попов Г. С точки зрения экономиста// Наука и жизнь. 1987. №4; Он же. Программа, которой руководствовался Сталин// Наука и жизнь. 1989. №7 [То же — В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года. М., 1989]; Он же. Блеск и нищета административно-командной системы. М., 1990.

²⁰ В частности, Ю.С. Борисов активно развивал идею о «режимах» АКС [«Режим страха» и «Режим маскировки»] (См.: Ю.С. Борисов, В.М. Курицын, Ю.С. Хван. Политическая система конца 20-30-х годов. О Сталине и сталинизме// Историки спорят. 13 бесед. М., 1988. С. 265-266); Т.П. Коржихина в совокупности определяла его «характерные черты» (Сб.: Административно-командная система управления: Межвузовский сборник научных работ. М., 1992. С. 4-26 (Сб. подготовлен к печати в 1991 г.)).

[См. также, например: 30-е годы: взгляд из сегодня. М., 1990; Секушин В.И. Отторжение: НЭП и командно-административная система. Л., 1990]

²¹ См., например: Андреев С. Причины и следствия// Урал. 1988. №10. С. 48-67; Обсуждаем статью Сергея Андреева «Причины и следствия»// Урал. 1988. №1, 10.

²² См.: «Я сделал этот фильм для молодых...»: С кинорежиссером Тенгизом Абуладзе беседует наш корреспондент Анна Гербер// Юность, 1987. №5; Никитин А. Тревожно за перестройку...// Литературная газета. 1988. 25 мая; Кораллов М. Не успеть нельзя// Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С. 233-236; Баткин Л.М. Россия на распутье// Год после Августа: (Горечь и выбор: Сб. ст. и интервью). М., 1992. С. 19; Апрель 1985 — апрель 1991. Что это было?: (Дискуссия

Яковлев предложил принести публичное покаяние²³ за совершенное и несвершившееся в партийной политике и о необходимости покаяния в один голос заговорили публицисты. Стоило появиться статье Т. Самолис «Очищение»²⁴, как было положено начало всеобщему обсуждению назревшей потребности общественного очищения, катарсиса²⁵ и т.п.

В целом в СССР перестроечного периода происходил характерный процесс. На наш взгляд, он имел своим аналогом «рефигурацию социальной мысли» на Западе, отмеченную и одновременно предсказанную в 1980г. выдающимся американским антропологом К.Гирцем.

Гирц описывал ее, опираясь на наблюдение, что в современном обществе видоизменяется роль социальных наук. «Смешение жанров» становится в обществе «естественным положением вещей» и «линии, группирующие ученых в интеллектуальные сообщества, или (что то же самое) разводящие их по разные стороны [Возможен перевод — по разным сообществам. — И.Ч.], в наши дни накладываются друг на друга под самыми эксцентрическими углами».

В его представлении «размытые жанры» (blurred genres) социальных наук, с одной стороны, выливаются в эклектизм современного социально-гуманитарного знания, а с другой — отражают проницаемость границ между различными социальными институтами и типами мышления, то есть изменение информационной структуры общества²⁶.

13 мая 1991г.) //Свободное слово. Интеллектуальная хроника десятилетия. 1985-1995. М., 1996. С.22 [Ю.А. Богомолов], 24 [А.Н. Яковлев]. См. также: Felicity Barringer, «Repentance»: A Soviet Film Milestone, Strongly Denounces Official Evil// New York Times. 16 November 1986; D. Remnick, Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire, N.Y. , 1993, P. 44; Katheleene E. Smith, Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR, Ithaca, L., 1996. P. 45-46, 157.

²³ См. об этом: D. Remnick, Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire, N.Y. , 1993, P.304 — 305.

²⁴ Правда. 1986. 13 февраля.

²⁵ См. об этом: Афанасьев В. Человек и власть// Родина.1991.№3.С. 24-25. В некоторых публикациях возник даже термин «очистительная работа» партии и общества (См.: Человек и символ: Беседа с доктором исторических наук Ю.С. Борисовым// Комсомольская правда. 1988. 2 апреля).

²⁶ Geertz C. Blurred Genres: The Refiguration of Social Thought// Geertz C. Local Knowledge: Futher Essays in Interpretive Anthropology. New York, 1983, P. 19-35. (Впервые статья опубликована в журнале: The American Scholar, Vol. 29, 2, Spring 1980).

В СССР эпохи перестройки имело место нечто подобное.

Сошлемся на следующий пример. В то время как деятели партии, ученые и публицисты, выступали основными фигурантами, а главное – оппонентами, социальных дебатов 1985-1991 гг., и по идее должны были представлять по-разному «распределенное» и функционально разграниченное «социальное знание»²⁷, именно принцип познавательной дифференциации²⁸ не выдерживал «натиска» перемен. Так, с развитием перестройки оказывалось проблематичным установить, чьи подходы и методы, условно говоря, менее публицистичны или более научны²⁹. Термин «профессорская», «докторская» (или «докторальная») публицистика широко применялся в 1985-1991гг. по отношению ко всей публицистике, далеко не всегда научной³⁰. Наряду с этим в партийной и обществоведческой субкультурах (и та, и другая обязаны были представлять ригористическую научность) публицистически заостренными были некоторые выступления в прессе и/или научные статьи, предположим, А.

²⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 78.

²⁸ Имеются в виду самостоятельные сферы социального познания в понимании, присущем выросшей на идеях А. Шюца и Э.Гуссерля феноменологической социологии. «Мир» повседневности (социальный контекст) экзистенциально детерминирует мышление; он упорядочен и, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, «непреодолимо» фактичен. При этом «социальный запас знания как целое имеет свою собственную релевантную структуру» (См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 78): знание, определяемое «как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают определенными характеристиками» (См.: Там же. С.9), планомерно рассредоточено по разным областям социальной и интеллектуальной деятельности.

²⁹ См. в этой связи: Ленинизм, революция, современность// Коммунист. 1987. №7. С.67.

³⁰ В некоторых исследованиях этот термин признавался «формальной характеристикой ... состояния публицистики». В них отмечалось, что термин «докторская» публицистика «прижился с учетом ... творчества», например, Ю. Черниченко, А. Стреляного, Ю. Карякина, В. Селюнина, не имевших ни докторских, ни кандидатских званий, но «по уровню фундаментальности своего анализа» работавших «именно как доктора наук» (См.: Лисичкин Г. Завтрашний день публицистики// В своем Отечестве пророки? Публицистика перестройки: Лучшие авторы 1988 года. М., 1989. С.234).

[Существовала и символическая интерпретация термина «докторальная» публицистика: «в медицинском смысле» публицистика брала на себя «задачу диагноза» общественных «болезней» (См.: Публицистика-88 как объект исследования: (Социологический комментарий)// Там же. С.241)].

Яковлева и Е. Лигачева, В. Сироткина, А. Бурганова, Ю. Афанасьева, И. Бестужева-Лады, М. Капустина и А. Ципко.

По сути дела публицистика 1985–1991 гг. начинала тяготеть к большому объективизму и научности (к научным методам аргументации, научному языку, терминологическим уточнениям, к обоснованию выбора методологии, наконец, к постановке проблемы объективности и истины), тогда как в науке нарастали встречные по отношению к публицистике процессы. Их можно проследить, например, по недовольству партийных идеологов тем, что «в научных кругах» «под видом борьбы с амбициями одной группы, ее претензией на истину «в последней инстанции» навязывают амбиции другой группы, ее пристрастия и привязанности, субъективистскую точку зрения»³¹. Их можно проследить и в не практиковавшихся ранее в широких масштабах разъяснениях, что «возмущение или простое отрицание — не идеологические функции»³².

Мы не говорим о том, что публицистика периода перестройки каким-то особым образом равнялась на науку или намеренно конкурировала с ней, или о том, что «субъективизм», «пристрастия», или, как это говорилось, «эмоциональность» в рамках перестроечного обществоведения — побочные продукты новой для него публицистичности. Известно, что в советской идеологической культуре элементы научности должны были присутствовать в публицистике как инструменте классовой и партийной пропаганды, а обществоведению не был чужд публицистический пафос³³.

Мы не говорим также и о переходе ряда партийных идеологов и обществоведов 1985–1991 гг. в разряд публицистов, хотя, положим, многие ученые стали высказываться на страницах перестроечной публицистики не чаще, чем в научной периодике (Ю. Борисов, В. Данилов, Г. Бордюгов, Р. Медведев, Ю. Афанасьев, В. Поликарпов, Ю. Поляков, В. Козлов, А. Бутенко).

³¹ О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой: Доклад Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 25 июня 1987 года// Партийная жизнь. 1987. №13. С.21.

³² Яковлев А. Главное в перестройке сегодня — практические дела и конкретные результаты// Партийная жизнь. 1987. №10. С.14.

³³ См.: Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 60 и др.

Но нельзя не заметить, что и в публицистике, и в партийно-научном дискурсе периода перестройки зарождалось определенное умонастроение, требовавшее перемены внутренней архитектоники этих познавательных областей.

«Демократизированной» науке — двойнику идеологии, следовало придать новую остроту и злободневность, а публицистике — новую глубину научного постижения, поскольку и та, и другая должны были выразить результативную и научно обоснованную философию перемен. В этом смысле проблема актуальности перестроечной науки³⁴ и публицистики вставала как проблема поиска новой системности советского мировоззрения. Иными словами, благодаря перестройке наука должна была стать действенной, а значит, публицистичной (если трактовать публицистический жанр как жанр актуальной идеологии), а публицистика задействовать все возможные (или ранее не востребуемые) ресурсы научности. Обе они должны были на самом высоком уровне обеспечивать теоретическое обоснование реформ.

Сошлемся на другие примеры.

Что, как не взаимопроникновение различных жанров, демонстрируют горбачевский лозунг «К рынку — с чистой совестью!»³⁵ или то и дело воспроизводимые в перестроечной мыс-

³⁴ См., например: XXVII съезд КПСС и задачи развития кафедр общественных наук: (Материалы Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений, 1-3 октября 1986 г.). М., 1987; Методология развития общественных наук в условиях перестройки. Кемерово, 1988.

³⁵ К рынку — с чистой совестью!: Выступление Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева на Пленуме ЦК КПСС// Советская Россия. 1990. 9 октября. См. также: Яковлев А.Н. Работать по совести, жить честно// Коммунист Грузии. 1989..№3. Стр:

* Точку зрения Ю. Буртина на советское «общество, как в своем спасении, нуждающееся в перестройке» (См.: Буртин Ю. «Вам, из другого поколения...»: К публикации поэмы Твардовского «По праву памяти»// Страницы истории. Дайджест прессы. 1987. Л., 1988. С. 272);

* Точку зрения А. Гулыги о том, что обесценивание советских денег — «сатанинский, абсолютно безнравственный путь, ведущий в преисподнюю» (См.: Гулыга А. Революция духа: Размышления о перестройке в свете тысячелетия русского христианства// Опыты: Литературно — философский ежегодник. М., 1990. С. 67).

* «Мольбу о социальной справедливости» Л. Пияшевой: «Господи, не дай мне забыть все, что ниспослано тобой! Прости, Господи, помилуй и помоги!» (См.: Пияшева Л. В погоне за Синей Птицей: Этюд о социальной справедливос-

Горбачевские чтения

ли суждения, что «новое мышление — это и новая чувствительность, новая степень гуманности»³⁶?

Как истолковать памфлетный пафос кинофильмов, напрямую не связанных с общественно-политической тематикой (более чем экзотически выглядели, к примеру, «фундированные» рассуждения «интердевочки» Петра Тодоровского (к/ф «Интердевочка, 1989) об изъянах советской государственности³⁷)?

ти // Октябрь. 1990. № 9. С.145); ее мнение, что «каяться должны в первую очередь те, кто создал и поддерживает государственную монополию, централизм, администрирование во всех сферах нашей жизни, и в первую очередь в экономической» (См.: Там же. С.157);

* Мнение В. Купцова, что «демократия, свобода, всестороннее развитие личности, сильная социальная политика, ориентация всей деятельности страны на человека, на высшие гуманистические ценности — все это требует средств» (См.: Купцов В.И. Не погибнет ли человечество от разума? // Драма обновления. М., 1990. С. 37).

* Предложение А. Нуйкина в свете «сегодняшних глобальных проблем» «соединить воедино революционность с глубоким уважением к прошлому, радикализм со знанием и ответственностью, право на насилие отвечать насилием совестливостью, преданность организации, дисциплину с полной свободой нравственного выбора, иными словами – князя Мышкина с Рахметовым, а Толстого и Достоевского – с Марксом» (См.: Нуйкин А. На том стою. М., 1991. С. 256. См. там же об «истинно научных критериях красоты и совести» (С.8)).

* Суждение Т. Заславской, что «советским обществоведам предстоит основательно поработать, чтобы достаточно комплексно и конкретно представить тот «храм», который необходимо построить (См.: Заславская Т.И. Перестройка и социализм// Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С.222).

³⁶ Советуем прочитать// Знамя. 1987.№11. С.238. См., например: Бондарев Ю. Власть совести// Литературная газета. 1988. 14 декабря.

[Ср.:

* «Если новое мышление не обновляет мировоззрение, то зачем оно? (См.: На перекрестке надежд: Интервью с Олегом Попцовым, секретарем МО СП РСФСР// Юность.1988.№8. С.64).

* «Важно добиваться осознания в качестве нравственного долга необходимости обновления мышления, отказа от устоявшихся стереотипов, прочно укоренившихся догм и схем. Воспитывать у каждого человека потребность и мужество свободного самостоятельного мышления, действуя в то же время в полном соответствии с совестью и порядочностью» (См.: Мчедлов М.П. Историзм в понимании классовых и общечеловеческих начал// Драма обновления. М., 1990. С.68)].

³⁷ Ср., например: Феоктистова Т. Красавицы и милосердие: Москва пережила еще один конкурс «Московская красавица — 89» // Труд. 1989. 28 сентября.

Чем объяснить, что не историография, а историческая публицистика возглавила общественную полемику по поводу истории? Чему можно приписать видоизменения в историографической практике, благодаря которым размышления о покаянии, «необходимом» «во имя утверждения гражданской позиции ученого»³⁸, или, скажем, о «профессиональных обязанностях», «которые с точки зрения общечеловеческих потребностей? Выделено мной. — И.Ч.? выше интересов того или иного политического лагеря»³⁹ органично вписывались в новый интеллектуальный контекст?

Как кажется, происхождение перестроечных жанровых смещений не трудно установить. Их источник — определенная итоговость горбачевского времени. Разумеется, общество, отягощенное необходимостью всеобъемлющей⁴⁰ перестройки, сталкивалось и с необходимостью систематизации представлений об упущенных возможностях развития. Жанровая конвергенция была знаком поиска целостного (существенным образом учитывающего упущенное) взгляда на мир и новых категорий его анализа и восприятия. Ориентация на «морально-этический подход» в политике и экономике, «цивилизованное сотрудничество» в международных отношениях, «правдивость» и «социальную отдачу» в науке, «верность идеалам» в ходе гласных общественных дискуссий и проч. служили не только показателями известной компенсаторности перестроечного развития (советское общество возвращалось к недополученному прежде), но и следствиями свершившегося расширения границ жанров — целого ряда жанровых трансформаций. Так создавалось уникальная ситуация, когда в формально-научных теоретических построениях для обоснования тех или иных концепций зачастую использовались литературно-художественные (или «кинематографические») отсылки и доказа-

³⁸ Искендеров А.А. Вступление к статье В.П. Булдакова «У истоков советской истории: путь к Октябрю» // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 62.

³⁹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 34.

⁴⁰ Характерно наименование одного из изданий, посвященных визитам М.С.Горбачева: Перестройка неотложна; она касается всех и во всем. Сборник материалов о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 года. М., 1986 [То же — Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т.4. М., 1987].

тельства⁴¹, а «аллегорические» версии советской истории могли породить серьезные споры об их достоверности. (выразительным примером может здесь служить полемика вокруг театральных постановок пьес М. Шатрова⁴²).

⁴¹ Так, Г. Попов, рисуя картину взаимодействия человека и Системы, отталкивался в суждениях о реальной советской истории от текста романа А. Бека «Новое назначение» (См.: Бек А. Новое назначение// Знамя. 1986. №10-11; Попов Г. Блеск и нищета Административной Системы. М., 1990); И. Клямкин — от метафоры Т. Абуладзе об «улице, ведущей к храму» (См.: Клямкин И. Какая улица ведет к храму?//Новый мир. 1987. №11. Ср.: Бутенко А. Скольким дорог ведет к храму?: Общественная закономерность и вариантность исторического развития// Горизонт. 1988. №11; Кузьмин А. К какому храму ищем мы дорогу?// Наш современник. 1988. №3; История – процесс? История – драма? О мере свободы и мере необходимости в политической истории нашей страны// Знание – сила. 1988. №7); В. Сироткин и Г. Водолазов — от повести В. Гроссмана «Все течет» (См.: Сироткин В.Г. Революция и мифы о революциях (О повести В. Гроссмана «Все течет» и не только о ней)// Сироткин В. Вехи отечественной истории. М., 1991; Водолазов Г. Ленин и Сталин: Философско-социологический комментарий к повести В. Гроссмана «Все течет»// Октябрь. 1989. №6); О. Волобуев и С. Кулешов — от образов «Доктор Живаго», шекспировского «Гамлета», романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и пьесы Б. Васильева «Завтра была война» и проч. (См.: Волобуев О., Кулешов С. Очищение: История и перестройка. М., 1989); Л. Баткин — от текстов произведений Зощенко, Пастернака, Булгакова (См.: Баткин Л. Возобновление истории. М., 1991). «Историю нельзя изучать только по романам и кинофильмам». — предостерегал, А. Самсонов, ... и сам через несколько строк обращался к анализу романа И. Стаднюка «Война», завершая отклик на одно из писем своих читателей пассажем: «Надеюсь, Иван Евсеевич Карасев уже посмотрел фильм «Покаяние»? Зрителей он потрясает» (См.: Самсонов А. ... Но нельзя и переиначивать// Социалистическая индустрия. 1987. 24 мая).

⁴² В этом плане знаменательными были дискуссии, развернувшиеся в связи с выходом в свет и театральной постановкой ряда пьес М.Ф. Шатрова, прежде всего — «Дальше, дальше..., дальше!» [См.: Шатров М. Дальше, дальше..., дальше! // Знамя. 1988. №1]; Глаголев В. Художественная история и исторические судьбы// Правда. 1988. 10 января; Бражник И., Павлов А., Новиков А. Пьеса М. Шатрова «Дальше, дальше..., дальше!»: Отклики//Сов. культура. 1988. 16 января; Горбунов В.В., Журавлев В.В. Что мы хотим увидеть в зеркале революции?//Сов. Россия. 1988. 28 января; Бутенко А. Перед судом поколений//Сов. культура. 1988. 4 февраля; Овруцкий Л. История в условном наклонении // Сов. культура. 1988. 4 февраля; Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда//Правда. 1988. 15 февраля; Кавторин В., Чубинский В. Роман и история: (По поводу романа А. Рыбакова)// Нева. 1988. №3. С. 156-175; Лавров К., Ульянов М., Товстоногов Г. и др. По новому кругу?//Правда. 1988. 15 февраля; Кавтарадзе Н. О телепередаче «Правда истории и позиция художника»//Сов. культура. 1988. 5 апреля; Ласточкин Ф. Лучше дальше, чем нигде//Моск. новости. 1988. 10 апреля; Кунецкая Л. Не исказить историческую правду: О пьесах М. Шатрова «Брестский мир» и «Дальше, дальше..., даль-

В переходный период, каким и была перестройка, морально-нравственные призывы получали статус новых теоретических истин, оправдательные и обвинительные суждения об истории — приоритет открытий, экспансивные сентенции «в наидание» советским идеологам — вид (и символику) интеллигентности, а социальное познание в целом получило изменившуюся семантику жанров. Усиление «эмоционального плана» в науке и идеологии, мимикрия научности в публицистике, обеспокоенность проблемами возвращения к «истине» и ««драма идей» в массовом сознании»⁴³ манифестировали произошедшее нарушение жанровых границ.

Констатация подобных моментов в перестроечном сознании ставит основательную проблему: каким образом изучать «идейные единицы» и «идейные комплексы» (термины интеллектуальной истории) периода перестройки, коль скоро процессуально смешение жанров не ограничивалось тематическими, смысловыми и методологическими заимствованиями, а имело значение и для переосмысления познавательного статуса ряда сфер интеллектуальной активности? Другими словами, как исследовать общественное сознание 1985–1991 гг., если социальное познание оказывалось менее дифференцированным (по институциональным традициям, методам и подходам, по тематике и т.д.)?

Наше предположение заключается в том, что необходимо указывать на чрезвычайную близость, если не идентичность ряда идей, циркулирующих в несовпадающих областях познания — например, в науке и обыденной жизни, науке и художе-

ше!»//Агитатор.1988.№7; Александров А. Об умении вести дискуссию// Агитатор.1988.№9; Золотонос М.В. Размышлении о пьесе Шатрова//Октябрь.1988.№5; «Так победим»: Беседа с М. Шатровым//Крокодил.1988.№16; Читатели о пьесе М. Шатрова «Дальше, дальше..., дальше!»//Знамя.1988.№5).

[См. также: Проблемы истории и современность//Вопросы истории КПСС.1989.№2. С. 47-64 [дискуссия обществоведов с А. Рыбаковым]; Андреев К. Дети Арбата: Письма Анатолию Рыбакову// Огонек.1987.№27.С.9 -15 ; Кожинов В. Правда и истина// Наш современник.1988.№4. С.45-76; Аннинский Л.Отцы и сыны//Октябрь. 1987.№10. С. 77-83; Кавторин В. Чубинский В. Роман и история// Нева. 1988.№3, 10; Бахнов Л. Семидесятник// Октябрь. 1988. №9 [точка зрения относительно «Дома на набережной» Ю. Трифонова]

⁴³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Время трудных вопросов: (История 20-30-х годов и современная общественная мысль)// Правда. 1988. 30 сентября.

Горбачевские чтения

ственно-литературной сфере и т.д. Представляется, что в 1985–1991 гг. неопределенность границ различных жанров и, соответственно, неопределенность границ между известными сферами познавательной активности обнаруживалась, главным образом, в увеличении числа «общеразделяемых» и «общедискутируемых» идей.

Их суть, принципы, основания — предмет исследования современной интеллектуальной истории.